

25 марта 1995 года

Evangelium Vitae (Евангелие Жизни)

**ОКРУЖНОЕ ПОСЛАНИЕ
ПАПЫ ИОАННА ПАВЛА II
ЕПИСКОПАМ,
СВЯЩЕННИКАМ И ДИАКОНАМ,
МОНАХАМ И МОНАХИНЯМ,
ВЕРНЫМ МИРЯНАМ
И ВСЕМ ЛЮДЯМ ДОБРОЙ ВОЛИ**

О ЦЕННОСТИ И НЕРУШИМОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

ВВЕДЕНИЕ

1. *Евангелие жизни* лежит в самом сердце Вести Иисуса Христа. Церковь каждый день принимает ее с любовью, чтобы верно и отважно проповедовать как благую весть людям всех времен и культур.

Когда засияла заря спасения, весть о рождении Младенца была возвещена как радостная новость: "Я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям: ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, Который есть Христос Господь" (*Лк 2,10-11*). Источник этой "великой радости" — несомненно, рождение Спасителя, но в Рождестве явлен и глубокий смысл всякого человеческого рождения и показано, что радость от пришествия Мессии есть основа и свершение той радости, которая сопутствует рождению каждого младенца (см. *Ин 16,21*).

Изъясняя суть Своей искупительной миссии, Иисус говорит: "Я пришел для того, чтобы имели жизнь и имели с избытком" (*Ин 10,10*). Он имеет в виду ту "новую" и "вечную" жизнь, которая есть общение с Отцом, к чему каждый человек без всякой заслуги призван в Сыне действием освящающего Духа. Именно в свете такой "жизни" обретают полноту своего значения все аспекты и стороны человеческого бытия.

Несравненная ценность человеческой личности

2. Человек призван к полноте жизни, которая далеко выходит за рамки его земного существования, ибо есть участие в жизни Самого Бога.

Возвышенность этого сверхъестественного призвания открывает *величие* и огромную *цену* человеческой жизни, даже в ее брэнной стадии. Действительно, жизнь во времени — это основное условие, начальный этап и неотъемлемая часть полного и единого процесса человеческого существования. Этот процесс — неожиданно и без всяких заслуг со стороны человека — озаряется обетованием и обновляется даром жизни Божией, которая до конца исполнится в вечности (см. *1 Ин 3,1-2*). В то же время это сверхъестественное призвание подчеркивает *относительность* земной жизни мужчины и женщины. Оно воистину не "последняя", но "предпоследняя" *действительность*; в любом случае это *священная*

действительность, вверенная нам, чтобы мы берегли ее с чувством ответственности и совершенствовались любовью и принесением себя в дар Богу и братьям.

Церковь знает, что это *Евангелие жизни*, переданное ей Господом¹, возбуждает живой и глубокий отклик в сердце каждого человека, как верующего, так и неверующего, потому что, бесконечно превосходя все его чаяния, оно в то же время удивительно им созвучно. Несмотря на все тяготы и сомнения, любой человек, душа которого искренне открыта истине и благу, способен светом разума и под влиянием тайного действия благодати познать в естественном законе, написанном в сердцах (см. *Рим 2,14-15*), святость человеческой жизни от зачатия и до конца, а также прийти к убеждению, что каждое человеческое существо имеет право ожидать полного соблюдения этого своего первостепенного блага. Признание этого права — фундамент человеческого общежития и существования политического общества.

Защитниками и глашатаями этого права особенно должны быть те, кто верует во Христа, кто сознаёт великолепную истину, которую напомнил 2-й Ватиканский собор: "Сам Сын Божий через Свое воплощение соединился неким образом с каждым человеком"². Ибо в этом спасительном событии человечеству открывается не только бесконечная любовь Бога, Который "так возлюбил мир, что отдал Сына Своего Единородного" (*Ин 3,16*), но и *несравненная ценность всякой человеческой личности*.

А Церковь, проникновенно рассматривая тайну Искупления, осознаёт эту ценность со все новым и новым удивлением³ и чувствует себя призванной возвещать людям всех времен это *Евангелие* — источник непобедимой надежды и истинной радости в любую историческую эпоху. *Евангелие любви Бога к человеку, Евангелие достоинства личности и Евангелие жизни суть единое и нераздельное Евангелие*.

Именно поэтому человек, живой человек, представляет собою первый и главный путь Церкви⁴.

Новые угрозы человеческой жизни

3. Тайной Слова Божьего, ставшего плотью (см. *Ин 1,14*), каждый человек вверен материнской заботе Церкви. И всякая угроза достоинству и жизни человека глубоко потрясает самое сердце Церкви, затрагивает самое существо ее веры в искупительное Воплощение Сына Божьего и зовет Церковь исполнять вверенную ей миссию проповеди *Евангелия жизни* по всему миру и всей твари (см. *Мк 16,15*).

Сегодня, когда ужас вызывают все умножающиеся и нарастающие угрозы жизни людей и народов, прежде всего жизни слабой и беззащитной, эта проповедь становится особенно неотложной. К таким древним и мучительным бичам человечества, как нищета, голод, очаговые заболевания, насилие и войны, прибавляются другие, приобретая неизвестные доселе формы и тревожный размах.

Еще 2-й Ватиканский собор в одном из своих заявлений, и поныне не утратившем драматической злободневности, решительно осудил многочисленные преступления против человеческой жизни и посягательства на нее. Тридцать лет спустя, напоминая слова Собора, я еще раз и так же решительно осуждаю эти преступления от имени всей Церкви, уверенный, что передаю подлинные чувства всякого человека с чистой совестью: "...все, что направлено против самой жизни, как, например, всякого рода человекоубийство, геноцид, аборт, евтаназия и даже умышленное самоубийство, все, что нарушает целостность человеческой личности, как членовредительство, физические или нравственные мучения,

попытки поработить самую душу; все, что оскорбляет человеческое достоинство, как нечеловеческие условия жизни, незаконное заключение, ссылка, рабство, проституция, торговля женщинами и подростками; или же позорные условия труда, когда трудящихся превращают в простое орудие наживы, пренебрегая их свободной и ответственной личностью, — все эти и им подобные деяния воистину нечестивы. Внося тление в человеческую цивилизацию, они одновременно бесчестят тех, кто к ним прибегает, в еще большей степени, чем тех, кто их претерпевает, и наносят величайшее оскорбление Творцу"⁵.

4. К несчастью, эти тревожные явления по меньшей мере не исчезают — наоборот, размах их все расширяется: новые перспективы, открывшиеся на путях научно-технического прогресса, порождают новые формы посягательств на достоинство человеческого существа, а в то же время формируется и укрепляется новая культурная обстановка, в которой преступления против жизни приобретают *ранее невиданный и, можно сказать, еще более несправедливый аспект*, возбуждая глубокую тревогу широкие слои общественности оправдывают преступления против жизни во имя права на свободу личности и на этой основе добиваются не только безнаказанности, но прямого государственного одобрения, чтобы можно было совершать их совершенно свободно и даже пользуясь бесплатной помощью органов здравоохранения.

Все это приводит к глубоким переменам в оценке жизни и отношений между людьми. Тот факт, что законодательство многих государств, даже отходя от принципов, положенных в основу их конституций, не только не наказывает подобные деяния против жизни, но прямо признаёт их совершенно законными, — это и тревожный симптом, и одна из существенных причин серьезного нравственного кризиса: деяния, которые некогда единодушно считались преступными и отвергались всеобщим нравственным чувством как недопустимые, постепенно зарабатывают общественное одобрение. Даже медицина, призвание которой — служить защите и опеке человеческой жизни, в некоторых своих сферах все чаще становится инструментом деяний против человека и тем самым извращает свой облик, впадает в противоречие с самой собою и наносит ущерб достоинству тех, кто ею занимается. В таком культурном и правовом контексте даже серьезные демографические, социальные или семейные проблемы, удручающие многие народы мира и требующие ответственного и активного отклика со стороны общества каждой страны и международного сообщества, становятся предметом ложных, иллюзорных решений, противоречащих истине, а также благу людей и народов.

Это приводит к драматическим последствиям: уже сам феномен ликвидации стольких человеческих существ, зачатых или, наоборот, близящихся к концу жизни, необычайно опасен и тревожен, но столь же опасно и тревожно то, что даже человеческая совесть словно помрачена действием разнообразных условных рефлексов и, все хуже улавливает разницу между добром и злом, когда это касается фундаментальной ценности человеческой жизни.

В общении со всеми епископами мира

5. Проблеме угроз человеческой жизни в наше время была посвящена чрезвычайная консистория кардиналов, заседавшая в Риме 4—7 апреля 1991 года. После обширного и глубокого рассмотрения этой проблемы и тех вызовов, которые она бросает всей семье человеческой, а христианской общине в особенности, кардиналы обратились ко мне с единодушной просьбой, чтобы я всею властью наследника св. Петра утвердил ценность и нерушимость человеческой жизни с учетом современных обстоятельств и угрожающих ей сегодня опасностей.

Прислушавшись к этой просьбе, в праздник Пятидесятницы 1991 года я направил *личное письмо* каждому из моих братьев, чтобы они в духе епископской коллегиальности согласились помочь мне в составлении документа по этому вопросу⁶. Я глубоко признателен всем епископам, которые прислали ответы, содержащие ценные сведения, идеи и предложения. Этим они также засвидетельствовали

свое единодушное, полное решимости участие в вероучительной и пастырской миссии Церкви, проповедующей *Евангелие жизни*.

В том же письме, отправленном за несколько дней до празднования столетия энциклики "Regum novarum", я просил всех обратить внимание на одну специфическую аналогию: "Так же, как сто лет тому назад перед лицом угрозы фундаментальным правам рабочих Церковь смело выступила в их защиту, провозглашая священные права трудящегося как личности, так и ныне, когда в опасности оказались фундаментальные права другой категории личностей, Церковь испытывает долг не менее смело поднять голос в защиту тех, кто сам не имеет голоса. Голос Церкви всегда есть евангельский вопль в защиту нищих мира сего, тех, кто находится в опасности, в презрении, чьи права человека подавляются"⁷.

Сегодня мы — свидетели попрания фундаментального права на жизнь множества слабых и незащищенных человеческих существ, в первую очередь еще не родившихся детей. Если в конце прошлого века Церковь не могла молчать перед лицом тогдашних форм несправедливости, тем более нельзя ей молчать сегодня, когда наряду с былыми социальными несправедливостями, к сожалению, не везде еще преодоленными, во многих частях мира мы наблюдаем проявления еще большей несправедливости и гнета, иногда ошибочно считающиеся доказательством прогресса на пути к установлению нового мирового порядка.

Поэтому настоящее окружное послание, плод сотрудничества епископов всех стран мира, должно быть *решительным и недвусмысленным утверждением ценности человеческой жизни и ее нерушимости* и в то же время страстным призывом, обращенным ко всем и каждому во имя Божие: *чти, охраняй, люби жизнь и служи жизни — каждой человеческой жизни!* Только на этом пути ты найдешь справедливость, процветание, истинную свободу, мир и счастье!

Да достигнут эти слова слуха всех сынов и дочерей Церкви! Да достигнут они слуха всех людей доброй воли, пекущихся о благе каждого человека и о судьбе всего общества!

6. Связанный нитью глубокой общности с каждым братом и сестрой по вере, вдохновленный искренней привязью ко всем, я хочу *заново обдумать и возвестить Евангелие жизни*, сияние истины, просвещающей совесть, живой свет, исцеляющий помраченные взоры, неисчерпаемый источник стойкости и мужества, позволяющих нам принимать всё новые и новые вызовы, встречающиеся на нашем пути.

И вот, припоминая богатый опыт Года семьи и словно добавляя символическое заключение к "Посланию семьям", адресованному "конкретным семьям на всем земном шаре"⁸, я с обновленным доверием окидываю взглядом все семейные общины и выражаю надежду, что во всех кругах общества возродится и укрепится всеобщая готовность оказывать помощь семье, чтобы и сегодня — несмотря на многочисленные трудности и серьезные угрозы — она всегда оставалась "святилищем жизни", в согласии с замыслом Божиим⁹.

Ко всем членам Церкви, *народу жизни*, который *служит жизни*, я обращаюсь с самым неотложным призывом, чтобы мы все вместе явили современному миру новые знамения

надежды, заботясь о возрастании справедливости и солидарности, об упрочении новой культуры человеческой жизни ради построения подлинной цивилизации истины и любви.

Глава I

ГОЛОС КРОВИ БРАТА ТВОЕГО ВОПИЕТ КО МНЕ ОТ ЗЕМЛИ СЕГОДНЯШНИЕ УГРОЗЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

"...восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его" (Быт 4,8): вот корни насилия над жизнью

7. "Бог не сотворил смерти и не радуется гибели живущих; ибо Он создал все для бытия... Бог создал человека для нетления и соделал его образом вечного бытия Своего; но завистью диавола вошла в мир смерть, и испытывают ее принадлежащие к уделу ее" (*Прем 1,13-14; 2, 23-24*).

Евангелие жизни, возмеченное вначале, когда по образу Божию был сотворен человек, предназначенный к полной и совершенной жизни (см. *Быт 2,7; Прем 9, 2-3*), подрывается мучительным опытом *смерти, вошедшей в мир* и отбрасывающей тень абсурда на все человеческое бытие. Смерть входит в мир завистью диавола (см. *Быт 3,1. 4-5*) и грехом наших прародителей (см. *Быт 2,17; 3,17-19*). Входит она в мир насильственным путем, *через убийство Авеля, который погибает от руки своего брата Каина*: "И когда они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его" (*Быт 4,8*). Это первое убийство необычайно красноречиво описано на страницах Книги Бытия и поэтому приобретает значение парадигмы: эти страницы непрерывно и ежедневно, с тревожным однообразием записываются в книгу истории народов.

Прочитаем еще раз этот библейский рассказ, который, несмотря на свою архаичность и крайнюю простоту, содержит необычайно богатое поучение.

"И был Абель пастырь овец; а Каин был земледелец. Спустя несколько времени Каин принес от плодов земли дар Господу. И Абель также принес от первородных стада своего и от тука их. И призрел Господь на Авеля и на дар его; а на Каина и на дар его не призрел. Каин сильно огорчился, и поникло лице его. И сказал Господь (Бог) Каину: почему ты огорчился? и отчего поникло лице твое? Если делаешь доброе, то не поднимаешь ли лица? а если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним.

*И сказал Каин Авелю, брату своему: (пойдем в поле). И когда они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его. И сказал Господь (Бог) Каину: где Абель, брат твой? Он сказал: не знаю; разве я сторож брату моему? И сказал (Господь): что ты сделал? голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли. И ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей. Когда ты будешь возделывать землю, она не станет более давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на земле. И сказал Каин Господу (Богу): наказание мое больше, чем снести можно. Вот, ты теперь сгоняешь меня с лица земли, и от лица Твоего я скроюсь, и буду изгнанником и скитальцем на земле; и всякий, кто встретится со мною, убьет меня. И сказал ему Господь (Бог): за то всякому, кто убьет Каина, отмстится всемеро. И сделал Господь (Бог) Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его. И пошел Каин от лица Господня; и поселился в земле Нод, на восток от Едема" (*Быт 2,4-16*).*

8. Каин "сильно огорчился", и лицо его "поникло", потому что "призрел Господь на Авеля и

на дар его" (*Быт* 4,4). В библейском тексте не объяснено, почему Бог предпочел дар Авеля дару Каина, но ясно показано, что Бог, хоть и выбрал дар Авеля, *не перестает говорить с Каином. Бог укоряет его, напомнив, что он свободен перед лицом зла*: зло — отнюдь не неизбежное предназначение человека. Действительно, Каина, как до него Адама, влечет пагубная сила греха, которая, как дикий зверь, затаилась у дверей его сердца, чтобы кинуться на добычу. Но Каин остается свободным перед лицом греха. Он может и должен господствовать над ним: "...он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним" (*Быт* 4,7).

Зависть и гнев преодолевают предостережение Господне — Каин восстает на своего брата и убивает его. Как написано в "Катехизисе Католической Церкви, "Священное Писание в рассказе об убийстве Авеля его братом Каином показывает, что с самого начала истории человечества в человеке живут гнев и алчность, последствия первородного греха. Человек стал врагом своего ближнего"¹⁰.

Брат убивает брата. Как в первом братоубийстве, так и во всяком убийстве нарушается "духовное" родство, соединяющее людей в одну большую семью¹¹, где все разделяют одно и то же фундаментальное благо: равное личное достоинство. Нередко нарушается также и родство "по крови и плоти", например, когда опасность для жизни возникает в отношениях между родителями и детьми, как это происходит при прерывании беременности, либо в более широком кругу семьи и родни, допускающих или рекомендующих евтаназию.

В истоках любого насилия над ближним лежит уступка "логике" лукавого, того, кто "был человекоубийца от начала" (см. *Ин* 8, 44), как напоминает нам апостол Иоанн Богослов: "Ибо таково благовествование, которое вы слышали от начала, чтобы мы любили друг друга, не так, как Каин, *который был от лукавого и убил брата своего*" (*1 Ин* 3, 11-12). Итак, убийство брата на заре истории приносит нам печальное свидетельство того, с какой поразительной скоростью развивается зло: к восстанию человека против Бога в земном раю прибавляется смертельный бой человека с человеком.

После преступления *Бог вмешивается, чтобы отомстить за убитого*. Каин, спрошенный о судьбе Авеля, вместо того, чтобы устыдиться перед Богом и попросить прощения, нагло обходит вопрос, говоря: "Не знаю; разве я сторож брату моему?" (*Быт* 4, 9) - он пытается ложью прикрыть преступление. Люди часто так делали и продолжают делать, используя разнообразные идеологии, чтобы оправдать и замаскировать самые ужасные преступления против личности. "Разве я сторож брату моему?" — Каин не желает думать о брате и отвергает ответственность, которую всякий человек несет за ближнего. Невольно возникает мысль о сегодняшних тенденциях, которые приводят к избавлению человека от ответственности за ближних и проявляются, в частности, в утрате солидарности с самыми слабыми членами общества, такими, как старики, больные, иммигранты, дети, а также в безразличии, часто наблюдающемся в международных отношениях, даже когда речь идет о таких фундаментальных ценностях, как жизнь, свобода и мир.

9. *Но Бог не может позволить, чтобы преступление осталось безнаказанным*: голос крови убитого вопиет к Нему от земли, на которую она была пролита, и требует суда Божьего (см. *Быт* 37,26; *Ис* 26,21; *Иез* 24,7-8). Из этого текста Церковь взяла выражение о грехах, которые "вопиют о возмездии к Небу", и в первую очередь включила в их число умышленное убийство¹². Для иудеев, как и для многих других народов Древнего мира, кровь — обитель души, т.е. жизни; более того, "кровь есть душа" (*Втор* 12,23), а жизнь, особенно жизнь человеческая, принадлежит только Богу; вот почему *тот, кто посягает на жизнь человека, по существу посягает на Бога Самого*.

Каин проклят не только Богом, но и землей, которая откажет ему в своих плодах (см. *Быт* 4,

11-12). Кроме того *он наказан*: он будет жить в степи и пустыне. Смертоносное насилие совершенно меняет условия жизни человека. Земля, которая "в саду Едемском" (*Быт 2,15*) была краем изобилия, хороших отношений между людьми и благодати Бо-жией, становится "землей Нод" (см. *Быт 4,16*) — краем нищеты, одиночества и богооставленности. Каин будет "скитальцем на земле" (*Быт 4,14*): шаткость и непрочность судьбы навсегда останутся его уделом.

Однако Бог, многомилостивый всегда, даже тогда, когда наказывает, "сделал Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его" (*Быт 4,15*): значит, Он дал Каину опознавательный знак не для того, чтобы отдать его во власть человеческого осуждения, а чтобы охранять и защищать от тех, кто захотел бы его убить, пусть даже мстя за смерть Авеля. *Убийца, и тот не теряет своего личного достоинства* — Сам Бог тому порукой. Именно здесь явлена *парадоксальная тайна милосердного правосудия Божия*, о которой пишет св. Амвросий Медиоланский: "Поелику было совершено братоубийство, величайшее из преступлений, в то время как грех вошел в мир, сейчас же должен был быть установлен закон Божественного милосердия; ибо если бы наказание тут же пало на преступника, то люди не могли бы явить снисходительность или кротость в наказании, но немедленно карали бы виновных. (...) Бог отринул Каина от лица Своего, а когда от него отреклись и родители, повелел ему жить как бы в изгнании, в одиночестве, ибо дикое зверство вытеснило в нем человеческую кротость. Однако Бог не намерен наказывать убийцу убийством, потому что Он чаёт обращения грешника больше, чем его смерти"¹³.

"Что ты сделал?" (*Быт 4,10*): затмение ценности жизни

10. Господь говорит Каину: *"Что ты сделал? голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли"* (*Быт 4,10*). *Голос крови, пролитой людьми, не устает вопиать* от поколения к поколению, и вопль этот принимает все новые и новые звучания и ударения.

Вопрос Господа "что ты сделал?", от которого Каин не может уклониться, обращен и к современному человеку, с тем чтобы он осознал размах и серьезность посягательств на жизнь, печать которых по-прежнему клеймит историю человечества; чтобы он отыскивал многообразные причины, которые лежат в основе этих посягательств и умножают их; чтобы он крайне серьезно задумался о вытекающих отсюда последствиях для бытия людей и народов.

Некоторые виды опасности исходят от самой природы, но нарастают по вине человека, который проявляет беспечность и совершает упущения, хотя зачастую мог бы им противостоять; другие, наоборот, — результат насилия, ненависти, столкновения интересов, которые побуждают одних людей нападать на других, и все это порождает убийства, войны, массовое уничтожение, геноцид.

И как тут не вспомнить об агрессии против жизни миллионов человеческих существ, в особенности детей, вынужденных переносить нищету, недоедание и голод из-за несправедливого распределения земных богатств между отдельными нациями и общественными классами? Об агрессии, неразрывно связанной не только с войной, но и с позорной торговлей оружием, которая содействует обострению множества вооруженных конфликтов, заливающих мир кровью? О посевах смерти, который ведется с помощью бездумного нарушения экологического равновесия, преступной торговли наркотиками и пропаганды таких видов полового поведения, которые, помимо своей нравственной неприемлемости, еще и порождают серьезную опасность для жизни? Невозможно составить полный перечень всех угроз человеческой жизни, так многочисленны формы, явные и

тайные, которые они принимают в наше время.

11. Здесь мы, однако, хотим обратить особое внимание на *иной вид опасностей*, угрожающих зачатой жизни или жизни, близящейся к концу: в них мы обнаруживаем *новые аспекты, неизвестные в прошлом, и крайне серьезные проблемы*, связанные с тем, что в коллективном сознании эти посягательства на жизнь постепенно теряют характер "преступления" и парадоксальным образом приобретают характер "права" — настолько, что выдвигается требование, чтобы *государство признало их полную легальность, а сотрудники органов здравоохранения производили их бесплатно*. Эти посягательства наносят человеческой жизни удары, когда она слабее всего и совершенно лишена возможности защититься. Еще опаснее то, что они в немалой мере совершаются внутри семьи и по воле семьи, которая, по самой своей природе, должна быть "святилищем жизни".

Как можно было до этого дойти? Надо учитывать множество различных факторов. В истоках лежит глубокий кризис культуры, порождающий скептицизм по отношению к самым основам познания и этики и все более затрудняет ясное понимание смысла жизни человека, его прав и обязанностей. К этому прибавляются самые разные тяготы повседневного быта и отношений между людьми, особенно болезненно воспринимаемые в рамках сложной жизни современного общества, где отдельные люди, супружеские пары, семьи в решении своих трудностей часто могут рассчитывать лишь на себя. Нередки и такие ситуации крайней нищеты, бедности и неуверенности в завтрашнем дне, когда труд повседневного существования, страдание, переходящее пределы человеческой выдержки, и акты насилия, в первую очередь над женщинами, приводят к тому, что выступить на стороне жизни и в ее защиту становится трудно, а иногда требует настоящего героизма.

Все это объясняет, хотя бы отчасти, почему ценность жизни в наше время как бы "затмевается", хотя совесть неустанно напоминает о ее святости и нерушимости. Это заметно хотя бы в том, что некоторые преступления против рождающейся или естественно угасающей жизни порой прикрываются формулировками медицинского толка, цель которых — отвлечь внимание от того, что в действительности под ударом находится право конкретного человека на жизнь.

12. Множество серьезных проблем, существующих в современном обществе, в некоторой степени объясняет, почему так повсеместна атмосфера нравственной шаткости, и иногда смягчает субъективную ответственность отдельных людей, однако по сути дела мы стоим перед лицом более объемной реальности, которую можно признать настоящей *структурой греха*: ее характерная черта — экспансия культуры, направленной против солидарности и в ряде случаев приобретающей вид "культуры смерти". Она распространяется под действием мощных культурных, экономических и политических тенденций, отражающих определенную концепцию общества, где важнейшим критерием является успех. Рассматривая положение дел с этой точки зрения, можно, собственно говоря, назвать его *войной сильных против бессильных*; жизнь, требующая как можно больше доброты, любви и заботы, объявляется ненужной или рассматривается как невыносимое бремя и в конце концов так или иначе отвергается. Тот, кто своей болезнью, инвалидностью или просто самим фактом своего существования угрожает благоденствию либо жизненным привычкам более благополучных, оказывается врагом, от которого надо защищаться или которого надо уничтожать. Таким образом возникает *"заговор против жизни"*. Он не только втягивает отдельных людей в рамках их личных, семейных и общественных отношений, но идет гораздо дальше, обретает глобальный размах, расшатывая и разрушая отношения между народами и государствами.

13. Чтобы облегчить распространение практики *абортов*, вложены и продолжают

вкладываться огромные средства в разработку фармакологических препаратов, которые позволят убивать плод во чреве матери, не прибегая к услугам врача. Похоже, что почти исключительная цель научных исследований в этой области — получать всё более простые и действенные средства уничтожения жизни, которые в то же время позволяют прерывать беременность без всякого контроля и ответственности со стороны общества.

Часто говорится, что безопасные и общедоступные *противозачаточные средства* представляют собой лучший метод борьбы с абортами. Католическую Церковь при этом обвиняют, что на самом деле она способствует умножению случаев прерывания беременности, поскольку в своем нравственном учении упрямо говорит о нечестии противозачаточных средств. В действительности эта аргументация оказывается ложной. Возможно, многие люди действительно применяют противозачаточные средства, чтобы позднее не подвергнуться искушению аборта. Однако антиценности, неотъемлемые от "контрацептивной ментальности" — а она есть нечто совершенно иное, нежели ответственное отцовство и материнство, переживаемое с соблюдением всей истины супружеского акта, — приводят к тому, что это искушение становится как раз еще сильнее, когда произошло зачатие "нежеланной" жизни. Культура, признающая абORTы, на самом деле шире всего распространена среди тех, кто отвергает учение Церкви о противозачаточных средствах. Безусловно, противозачаточные средства и прерывание беременности — с нравственной точки зрения, два *принципиально различных вида зла*: одно противоречит всей истине полового акта как настоящего выражения супружеской любви, второе уничтожает жизнь человеческого существа; первое противостоит добродетели супружеской чистоты, второе противоречит добродетели праведности и прямо нарушает Божию заповедь "не убивай".

Несмотря на это различие по природе и нравственной тяжести, они весьма часто тесно связаны, словно плоды одного растения. Верно, что в ряде случаев человек прибегает к контрацептивам или даже абОРТУ под давлением множества жизненных трудностей, которые, однако, никого не освобождают от обязанности полностью соблюдать закон Божий. В очень многих случаях такая практика вытекает из гедонистического, безответственного подхода к половой жизни и опирается на эгоистическую концепцию свободы, где деторождение рассматривается как помеха на пути полного развития человеческой личности. Жизнь, которая может быть зачата от соития мужчины и женщины, становится, таким образом, врагом, от которого непременно надо ускользнуть, а прерывание беременности — единственным шансом, когда противозачаточные средства не сработали.

К сожалению, установившаяся в умах тесная связь противозачаточных средств с прерыванием беременности становится все более очевидной, и крайне тревожным доказательством этого служит производство химических средств, внутриматочных вкладок, а также вакцин, которые столь же общедоступны, как противозачаточные средства, но не предупреждают беременность, а вызывают ее прерывание на самых ранних стадиях жизни нового человеческого существа.

14. Различные *средства искусственного размножения*, которые, на первый взгляд, служат жизни и часто используются с таким намерением, в действительности тоже создают возможность новых посягательств на жизнь. Они неприемлемы с нравственной точки зрения, поскольку отделяют деторождение от истинно человеческого контекста супружеского акта¹⁴, а вдобавок у тех, кто применяет эти методы, до сих пор наблюдается большая доля неудач: это относится не столько к самому моменту оплодотворения, сколько к следующей стадии развития зародыша, подвергающегося риску скорой гибели. Кроме того в ряде случаев зародышей возникает больше, чем это необходимо для перенесения одного из них в чрево матери, и этих зародышей, называемых "сверхкомплектными", либо убивают,

либо используют в рамках научных исследований, которые якобы должны служить прогрессу науки и медицины, а в действительности сводят человеческую жизнь к роли всего лишь "биологического материала", которым можно свободно распоряжаться. *Дородовые обследования*, которые не возбуждают моральных возражений, когда проводятся ради установления методов лечения, если этого требует здоровье неродившегося младенца, слишком часто дают возможность предложить и произвести прерывание беременности. Это — евгенический аборт, одобряемый общественностью со специфическим складом ума и ошибочно считающийся у нее проявлением "терапевтических" требований; ум такого склада принимает жизнь только на определенных условиях, отвергая инвалидность, увечье и болезнь. Та же логика приводит к ситуациям, когда детям, родившимся с серьезными увечьями или заболеваниями, отказывают в элементарном лечении и уходе, а то даже и в питании. Картина современного мира становится еще более тревожной в связи с раздающимися время от времени предложениями признать законно допустимым — на тех же основаниях, что и прерывание беременности, — даже *детоубийство*. Это означало бы возврат в эпоху варварства, из которой, казалось, мы вышли раз и навсегда.

15. *Неизлечимо больным и умирающим* угрожают не менее серьезные опасности в том социально-культурном контексте, в котором страдание принимается и переносится с большим трудом, — в результате этого растет *искушение решить проблему страдания, ликвидируя его в корне* путем преждевременной смерти, которую вызывают в момент, найденный подходящим.

На такое решение часто влияют разнообразные мотивы, но, к сожалению, все они приводят к одному и тому же ужасающему исходу. На самого больного решающее влияние могут оказать страх, напряженность и даже отчаяние, испытываемые под действием сильной, затяжной боли. Это ставит под удар нередко уже расшатанное равновесие в личной и семейной жизни, так что, с одной стороны, больной, несмотря на все более эффективную врачебную и социальную помощь, может почувствовать себя как бы раздавленным собственной слабостью; а с другой — у тех, кому больной близок, может выступить на передний план понятная, хотя и плохо понятая, жалость. Все это обостряется под влиянием общекультурной атмосферы, в которой страданию не придается никакого смысла и ценности — наоборот, его считают злом от природы, которое следует любой ценой ликвидировать; в особенности так обстоит дело, когда отсутствует религиозная мотивировка, которая помогла бы человеку положительно воспринять тайну страдания.

Однако в культурном плане часто наблюдается и влияние своеобразного прометеизма: человек питает иллюзию, что сможет стать господином жизни и смерти, поскольку сам принимает решение о них, в то время как на самом деле он побежден и раздавлен смертью, неотвратимо замкнутой от всякого высшего смысла и всякой надежды. Все это трагически обнаруживается в распространении *евтаназии*, то закамуфлированной и подспудной, то производимой открыто и даже с разрешения закона. Ее оправдывают не только мнимым сочувствием к страдающему пациенту, но иногда и утилитарными соображениями, предписывающими избегать непроизводительных расходов, которые тяжким бременем ложатся на общество. В результате среди тех, кого предлагается лишать жизни, оказываются новорожденные с телесными уродствами, лица с тяжелыми заболеваниями, инвалиды, старики, особенно те из них, кто неспособен жить самостоятельно, и смертельно больные. Мы не можем также умолчать о других, более замаскированных, но не менее опасных и реальных формах *евтаназии*. Они могут проявиться, например, в том случае, если с целью получить побольше органов для пересадки станут брать эти органы у доноров еще до того, как они признаны умершими в согласии с объективными и адекватными критериями.

16. Другой современный феномен, с которым часто связаны опасности для жизни и

посягательства на жизнь, — это *демографические перемены*. Они по-разному протекают в разных районах мира: в богатых, развитых странах мы наблюдаем тревожное, иногда крайне резкое падение рождаемости; в бедных же — показатель прироста населения обычно высок, что создает трудно разрешимые проблемы в рамках более медленного социально-экономического развития, а то и прямого застоя. Международное сообщество не принимает в общемировом масштабе мер, отвечающих проблеме перенаселенности бедных стран: не проводит серьезной семейной и социальной политики, не осуществляет проектов, направленных на культурный прогресс и справедливое распределение благ, — зато по-прежнему реализуются различные формы политики, направленной на снижение рождаемости.

Контрацептивы, стерилизацию и аборты можно не колеблясь включить в число методов, способствующих серьезному падению рождаемости. Поэтому и в ситуации "демографического взрыва" может возникнуть сильное искушение воспользоваться этими методами, направленными против жизни.

В Древнем Египте фараон, уstraшенный наличием и все растущим числом сынов Израиля, всячески их преследовал и приказал убивать каждого новорожденного сына у евреев (см. *Исх* 1,7-22). Так и сегодня поступают многие сильные мира сего. Они тоже уstraшены нынешними темпами прироста населения и боятся, что самые плодovитые, самые бедные народы создадут угрозу благополучию и безопасности их стран. В результате вместо того, чтобы предпринять попытку решения этих серьезных проблем в духе уважения к достоинству личностей и семей, а также к нерушимому праву каждого человека на жизнь, они предпочитают пропагандировать или всеми средствами и в массовых масштабах навязывать политику планирования рождаемости. Даже предлагая экономическую помощь, они, против всякой справедливости, ставят ее в зависимость от одобрения антинаталистической политики.

17. Картина современного человечества действительно возбуждает глубокую тревогу, особенно если подумать не только о разных сферах, в которых совершаются посягательства на жизнь, но и о чрезвычайной частоте этих посягательств, а в то же время о разнородной мощной поддержке, которую они получают в силу общественной вседозволенности, нередких случаев их законодательного признания и участия в них некоторых сотрудников органов здравоохранения.

Как я особенно подчеркнул в Денвере по случаю VIII Всемирного дня молодежи, "с течением времени опасности, которым подвергается жизнь, по меньшей мере не исчезают. Они принимают огромные размеры. И это не только внешние опасности, грозящие со стороны стихий природы либо «Каинов», убивающих «Авелей»; нет, это *опасности, запланированные научно и систематически*. XX век останется в истории как эпоха массового наступления на жизнь, как бесконечная серия войн и неустанное уничтожение невинных человеческих существ. Лжепророки и лжеучители одержали в этом столетии величайшие успехи"¹⁵. Независимо от намерений, которые бывают различными и могут даже показаться убедительными или прямо декларировать принцип солидарности, перед нами в действительности объективный "заговор против жизни", в который замешаны также международные организации, занимающиеся планированием и проведением широких компаний за распространение контрацептивов, стерилизации и абортов. В конце концов нельзя отрицать и того, что средства массовой информации тоже часто принимают участие в этом заговоре, укрепляя в глазах общественного мнения ту культуру, которая считает применение контрацептивов, стерилизации, абортов и даже евтаназии проявлением прогресса и завоеванием свободы, а безоговорочных защитников жизни объявляет врагами

свободы и прогресса.

"Разве я сторож брату моему?" (Быт 4, 9): извращенное понятие свободы

18. Чтобы надлежащим образом воспринять описанную здесь ситуацию, надо не только присмотреться к ее составным элементам, разрушающим жизнь, но и открыть *многообразные причины*, формирующие эту ситуацию. Заданный Богом вопрос: "Что ты сделал?" (Быт 4,10) — кажется обращенным к Каину призывом выйти за пределы материальной стороны своего преступного деяния и увидеть весь его ужас в *мотивировках*, положивших ему начало, и в вытекающих из него *последствиях*. Решения, направленные против жизни, иногда порождены нелегким, а то и прямо трагическим опытом глубокого страдания, одиночества, полного отсутствия экономических перспектив, опытом депрессии и страха за будущее. Такого рода обстоятельства могут также значительно смягчить субъективную ответственность, а следовательно, и вину тех, кто принимает подобные решения, преступные по самой своей природе. Тем не менее сегодня эта проблема выходит за рамки личных обстоятельств, даже если их значение нельзя замалчивать. Но она выступает также в культурной, общественной и политической плоскостях, где обнаруживается особенно вредный и тревожный ее аспект, а именно: все более распространяющаяся склонность истолковывать вышеназванные преступления против жизни как *законные проявления личной свободы, которые следует признавать и защищать как подлинные права личности*.

Так совершается трагический по своим результатам поворот в том длительном историческом процессе, который привел к открытию концепции "прав человека" как врожденных прав каждой личности, обладающих приоритетом перед конституцией и законами любого государства, но теперь впадает в *поразительное противоречие*: именно в ту эпоху, когда торжественно провозглашаются нерушимые права личности и публично превозносится ценность жизни, само право на жизнь практически нарушается и попирается, особенно в наиболее важные для человека моменты его существования — такие, как рождение и смерть.

С одной стороны, различные документы, провозглашающие права человека, и многочисленные начинания, опирающиеся на них, показывают, что во всем мире обостряется нравственное чувство, больше, чем прежде, готовое признавать ценность и достоинство каждого человеческого существа как такового, независимо от расы, национальности, религии, политических взглядов и социального происхождения.

С другой стороны, этим возвышенным декларациям, к сожалению, трагически противоречат факты. Эта ситуация тем более тревожна или тем более возмутительна, что она возникает именно в обществе, для которого гарантированная защита прав человека составляет главную цель и одновременно основание гордиться собою. Как согласовать все эти многократно повторяемые заявления с отбрасыванием самых слабых, наиболее нуждающихся в помощи, стариков и тех, чья жизнь только-только зачата? Эти посягательства откровенно отрицают уважение к жизни и составляют *решительную угрозу всей культуре прав человека*. Эта угроза может в конечном счете подрвать сам смысл демократического сосуществования: *наши города перестанут быть общинами людей, "живущих вместе", и превратятся в группы забытых*, вытолкнутых за борт общества, отверженных, приговоренных к гибели. А если мы посмотрим на более широкое, всемирное положение дел, то разве трудно увидеть, что все эти заявления о правах личностей и наций, звучащие с трибун международных конференций, — одна лишь пустая риторика, когда им не сопутствует разоблачение эгоизма богатых стран, которые закрывают бедным странам доступ к развитию либо ставят его в зависимость от безумных запретов на деторождение и тем самым противопоставляют развитие самому человеку? Разве не следует подвергнуть дискуссии сами экономические

системы, зачастую принимаемые некоторыми государствами под влиянием нажима и предъявленных им условий, которые, имея международный характер, формируют и закрепляют несправедливость и насилие, оскорбляющие и попирающие человеческое достоинство целых народов?

19. В чем причины столь *парадоксального противоречия*?

Мы можем обнаружить их при помощи комплексной оценки явлений в сфере культуры и нравственности, начиная с тех умонастроений, которые, *доводя понятие субъективности до крайности и даже извращая его*, признают обладателем прав только того, кто располагает полной или хотя бы зачаточной самостоятельностью и уже не находится в полной зависимости от других людей. Однако можно ли стоять на таких позициях и одновременно *признавать человека существом, которым нельзя "распоряжаться"*? Теория прав человека как раз основана на признании того, что человек, в отличие от животных и вещей, не может быть чьим-то имуществом. Здесь следует вспомнить также об определенном образе мыслей, склонном *отождествлять личное достоинство со способностью к прямому общению с другими при помощи языка* — опытно проверяемой. При таких условиях в мире, разумеется, не найдется места для того, кто — как, например, нерожденный ребенок или умирающий человек — является структурно слабым субъектом, кажется совершенно отдаленным на милость окружающих, полностью от них зависит и умеет общаться лишь на неслышимом языке глубинного симбиоза эмоций. Вот так фактором, формирующим решения и действия в области межчеловеческих отношений и социального общежития, становится сила. Но это прямо противоречит тому, к чему на протяжении истории стремилось правовое государство как община, где "право силы" заменяется "силой права".

В другой плоскости источником противоречий между официальными заявлениями о правах человека и их трагическим отрицанием на практике становится *понятие свободы*, в котором значение человеческой личности абсолютизируется, а ее соотношение с солидарностью, полным приятием другого человека и служением ближним перечеркивается. Хотя и правда, что в некоторых случаях зачатую или клонящуюся к концу жизнь ликвидируют под влиянием дурно понятого альтруизма или обычной человеческой жалости, но нельзя отрицать, что подобная культура смерти как таковая отражает совершенно индивидуалистическое понятие свободы и эта последняя в конце концов становится свободой "сильнейших", направленной против слабейших, обреченных на гибель.

Именно так можно истолковать ответ Каина на вопрос Божий: "Где Авель, брат твой? — Не знаю. Разве я сторож брату моему?" (*Быт 4, 9*). Да, каждый человек — "сторож брату своему", потому что Бог вверяет человека человеку. И как раз для этого Бог наделяет каждого человека свободой, в которой *существенный аспект составляют отношения*. Свобода — великий дар Творца, ибо предназначена служить личности и ее реализации, которая идет путем самопожертвования и раскрытия навстречу другому человеку. Абсолютизация же свободы в индивидуалистическом восприятии приводит к выхолащиванию ее изначального содержания и отмене ее глубочайшего призвания и достоинства.

Здесь нужно обратить внимание на еще более глубокий аспект: когда свобода перестает признавать и соблюдать *конститутивную связь между нею, свободой, и истиной*, она сама себя отрицает и устремляется к саморазрушению и уничтожению другого человека. Как только свобода, желая избавиться от всех традиций и авторитетов, отворачивается даже от элементарных, самых очевидных аксиом объективной и общепризнанной истины, лежащей в основе личной и общественной жизни, тут же и человек перестает принимать истину о добре и зле как единственную, нерушимую точку опоры своих решений и начинает

руководствоваться лишь своими субъективными, изменчивыми мнениями или попросту эгоистическими интересами и прихотями.

20. Эта концепция свободы ведет к *глубокой деформации общественной жизни*. Если выдвижение на первый план своего "я" понимается в категориях абсолютной автономии, это неизменно приводит к отрицанию другого человека: он воспринимается как враг, от которого надо защищаться. А общество превращается во множество отдельных людей, живущих рядом, но не соединенных взаимными узами: каждый стремится осуществить свои цели независимо от других или прямо рвется к собственной выгоде за чужой счет. Однако тот факт, что и другие обладают подобными устремлениями, принуждает искать какие-то формы компромисса, если общество должно гарантировать каждому как можно больше свободы. Так исчезает всякая опора на общие ценности и общепризнанную абсолютную истину, и общественная жизнь впадает в опасность полного релятивизма. *Тогда все становится предметом договора и переговоров*, в том числе и первейшее из фундаментальных прав — право на жизнь.

Именно это и происходит сегодня на арене политики и государства: изначально, неотторжимое право на жизнь становится предметом дебатов или прямо отрицается путем парламентского голосования либо волеизъявления части общества, пусть даже численно преобладающей. Это губительный результат неограниченного господства релятивизма: "право" перестает быть правом, поскольку уже не основано на мощном фундаменте нерушимого достоинства личности, а подчинено воле сильнейшего. Так демократия, предавая собственные принципы, по сути дела перерождается в тоталитарную систему. Государство уже не "общий дом", где все могут жить в согласии с фундаментальными принципами равенства, — оно преобразуется в *тиранию*, узурпирующую право распоряжаться жизнью слабых и незащищенных, нерожденных детей и стариков во имя общей пользы, которая в действительности лишь служит тем или иным групповым интересам.

Может создаться впечатление, будто все происходит с полным соблюдением правозаконности, по крайней мере когда законы, допускающие прерывание беременности или евтаназию, приняты голосованием в соответствии с так называемыми демократическими принципами. В действительности же мы имеем здесь дело лишь с трагической подделкой правозаконности, а демократический идеал — заслуживающий этого названия только тогда, когда признаёт и охраняет достоинство каждой личности, — *предан в самой основе*: "Можно ли говорить о достоинстве каждой личности, когда разрешается убивать самую слабую и самую невинную? Во имя какой справедливости людей подвергают самой несправедливой дискриминации, признавая одних достойными защиты, а другим отказывая в этом достоинстве?"¹⁶ Появление таких ситуаций означает, что уже действуют механизмы, ведущие к исчезновению подлинно человеческого общежития и распаду самого государственного организма.

И требования узаконить право на прерывание беременности, детоубийство и евтаназию, и признание этого права в законодательном порядке равнозначны тому, что принимается *извращенное, нигилистическое представление о человеческой свободе* и признается его *абсолютная власть над людьми, направленная против них*. Но это означает смерть истинной свободы: "Истинно, истинно говорю вам: всякий, делающий грех, есть раб греха" (Ин 8,34).

"...и от лица Твоего я скроюсь" (Быт 4,14): притупление восприятия Бога и человека

21. В поисках глубочайших корней борьбы между "культурой жизни" и "культурой смерти" мы не можем счесть вышеназванное извращение идеи свободы ее единственной причиной. Нужно дойти до корней той драмы, которую переживает современный человек: у него

притупилось восприятие Бога и человека, что типично в социально-культурном контексте, где обмирщение господствует настолько, что его влияние проникает даже внутрь христианских общин и подвергает их испытанию. Тот, кто поддается этой атмосфере, легко может оказаться в заколдованном кругу, затягивающем, словно ужасный водоворот: *переставая воспринимать Бога, мы перестаем воспринимать и человека*, его достоинство и жизнь; с другой стороны, систематические нарушения нравственного закона, особенно в важнейшем деле уважения к человеческой жизни и ее достоинству, постепенно приводят к специфическому притуплению способности воспринимать животворное, спасительное присутствие Бога.

Здесь мы можем еще раз обратиться к истории убийства Авеля его братом. После того, как Бог наложил на Каина проклятие, тот обратился к Господу со следующими словами: "Наказание мое больше, нежели снести можно. Вот, Ты теперь сгоняешь меня с лица земли, и от лица Твоего я скроюсь, и буду изгнанником и скитальцем на земле; и всякий, кто встретится со мною, убьет меня" (*Быт 4,13-14*). Каин считает, что никогда не получит прощения Божьего за свой грех и что его неизбежное предназначение — "скрываться" от Бога. Каин способен сказать, что его наказание слишком велико, потому что сознаёт, что он стоит перед лицом Бога и Его праведным судом. Ибо по сути дела только человек, стоящий перед Господом, может признать свой грех и почувствовать всю его тяжесть. Это испытал Давид, который, сделав "зло в очах Господа" и выслушав осуждения от пророка Нафана (см. *2 Сам [2 Цар] 11-12*), говорит: "...беззакония мои я сознаю, и грех мой всегда предо мною. Тебе, Тебе единому согрешил я, и лукавое пред очами Твоими сделал" (*Пс 51/50,5-6*).

22. Поэтому, когда исчезает восприятие Бога, то в опасности оказывается и искажается также восприятие человека, как лапидарно говорит об этом 2-й Ватиканский собор: "...тварь без Творца немислима. (...) Более того, забвением Бога сама тварь погружается во мрак"¹⁷. Человек уже неспособен воспринимать себя самого как существо, "дивно отличающееся" от других земных тварей; он считает себя всего лишь одним из живых существ, организмом, который — в лучшем случае — достиг очень высокой степени развития. Замкнутый в узком кругу своей физической природы, он становится в некотором роде "вещью" и перестает понимать "трансцендентный" характер того, что он "существует как человек". Поэтому он больше не рассматривает жизнь как прекрасный дар Божий, вверенный его ответственности, чтобы он хранил этот дар с любовью и "поклонялся" ему как "священной действительности". Жизнь становится для него попросту "вещью", которую он считает исключительно своей собственностью, полностью подлежащей его власти и любым манипуляциям.

В результате перед лицом жизни, которая рождается, и жизни, которая умирает, человек уже не умеет спросить себя о самом подлинном смысле своего существования и воистину свободно принять эти переломные моменты своего "бытия". Его интересует только "действие", и поэтому он стремится использовать любые достижения техники, чтобы планировать и контролировать рождение и смерть, простирая на них свою власть. Тот элементарный опыт, который должен быть "пережит", становится вещью, а человек претендует на право "владеть" им или его "отвергнуть".

Не удивляет, впрочем, и то, что, когда раз и навсегда исключено обращение к Богу, смысл всех вещей претерпевает глубокое искажение, а сама природа, перестав быть "*mater*", матерью, сводится к "материалу", которым можно манипулировать как угодно.

К этому приводит, по-видимому, своеобразный научно-технический рационализм, господствующий в современной культуре и отвергающий даже мысль о том, что существует истина о сотворении, которую следует признавать, или же замысел Божий относительно

жизни, который нужно почитать. Это верно и тогда, когда страх перед последствиями такой "свободы без права" кое-кого приводит на противоположные позиции "права без свободы", примером чему служат идеологии, отвергающие допустимость какого бы то ни было вмешательства в природу во имя ее почти прямого "обожествления", тоже пренебрегающего ее зависимостью от замысла Творца.

В действительности же, живя так, "как если бы Бога не было", человек утрачивает не только тайну Бога, но и тайну мира и своего собственного существования.

23. Притупление восприятия Бога и человека неизбежно приводит к *практическому материализму*, что способствует распространению индивидуализма, утилитаризма и гедонизма. Тут также обнаруживается непреходящая истинность слов апостола: "И как они не заботились иметь Бога в разуме, то предал их Бог превратному уму — делать непотребства" (Рим 1,28). Так ценности, связанные с "*быть*", заменяются ценностями, связанными с "*иметь*".

Единственной целью, принимаемой во внимание, становится собственное материальное благополучие. Так называемое "качество жизни" рассматривается чаще всего или даже исключительно в категориях экономической производительности, беспорядочного потребительства, удовольствий и развлечений, получаемых от физического существования, а более глубокие измерения бытия — реляционные, духовные и религиозные — предаются забвению.

В такой атмосфере *страдание*, неустанно тяготеющее над человеческой жизнью, но способное также стать стимулом личного роста, "цензурируется", отвергается как бесполезное и искореняется как зло, от которого следует спасаться всегда и при всех обстоятельствах. А когда его нельзя преодолеть и пропадает даже надежда на благополучие в будущем, человек готов считать, что жизнь утратила всякий смысл, и испытывает все более сильное искушение оставить за собою право положить ей конец.

В том же культурном контексте *плоть* больше не воспринимается как типично личностная реальность, знамение и обитель отношений с другими людьми, с Богом и миром. Она сводится к чисто материальному измерению, превращаясь всего-навсего в комплекс органов, функций и энергии, которыми можно пользоваться, применяя один только критерий удовольствия и эффективности. Вследствие этого и *пол* лишается личностного измерения и рассматривается инструментально: вместо того, чтобы быть знамением, обителью и языком любви, то есть приношением себя в дар и принятием другого человека вместе со всем богатством его личности, он все больше и больше превращается в поле и орудие самоутверждения и себялюбивого удовлетворения желаний и влечений. Так искажается и фальсифицируется изначальное содержание половой сферы человека, а два ее значения — сочетание и размножение, — начертанные в глубине природы супружеского акта, искусственно разделяются: единство мужчины и женщины тем самым предается, а чадородие предоставлено их произволу. *Размножение* начинает рассматриваться как "враг", которого следует избегать в половом сожительстве: если же оно принимается, то только потому, что отвечает желанию или прямо страсти иметь ребенка "любой ценой", а вовсе не потому, что означает безоговорочное принятие другого человека, а следовательно, и открытость навстречу тому богатству жизни, которое приносит с собой ребенок.

Вышеописанное материалистическое представление ведет к *значительному оскудению человеческих отношений*. Ущерб тут терпят прежде всего женщины, дети, больные или страдающие, старики. Истинный критерий признания достоинства человека, критерий уважения, бескорыстия и служения, заменяется критерием производительности,

функциональности и пригодности: другого человека ценят не за то, кто он "есть", а за то, чем он "обладает, что совершает и какие выгоды приносит". А это означает господство более сильного над более слабым.

24. Ослабление восприятия Бога и человека вместе со всеми своими губительными последствиями происходит *в глубине совести*. Речь идет прежде всего о совести *каждого человека*, который в своей цельности и неповторимости пребывает наедине с Богом¹⁸. Но в определенном смысле речь идет и о "совести" *общества*: оно по-своему несет ответственность, и не только за то, что терпит или поддерживает поведение, направленное против жизни, но и за то, что формирует "культуру смерти", доходя даже до создания и укрепления настоящих "структур греха", направленных против жизни. Совесть, как индивидуальная, так и общественная, сегодня — в частности, из-за упорного воздействия многих средств массовой информации — находится в крайне *серьезной, смертельной опасности*, а именно: в вопросах, связанных с фундаментальным правом на жизнь, *стирается граница добра и зла*. Значительная часть современного общества оказывается, к сожалению, похожа на тех, кого описывает апостол Павел в Послании к Римлянам. Это люди, "подавляющие истину неправдою" (1,18): отвращаясь от Бога и полагая, что могут построить земное общество без Него, они "осутились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце" (1,21); "называя себя мудрыми, обезумели" (1,22), допускают дела, достойные смерти и "не только *их* делают, но и делающих одобряют" (1,32). Если совесть, светильник для тела (см. *Мф* 6, 22-23), называет "зло добром и добро злом" (см. *Ис* 5, 20), это значит, что она уже вступила на путь опасной деградации и полной нравственной слепоты.

Однако никакие обстоятельства, никакое глушение не в силах подавить голос Бога, звучащий в совести каждого человека: именно в этом скрытом святилище совести человек всегда может покаяться и снова ступить на путь любви, открытости к другим людям и служения человеческой жизни.

"Вы приступили (...) к Крови кропления" (см. Евр 12,22. 24): знаменья надежды и поощрение к действию

25. "Голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли" (*Быт* 4,10). Не только голос крови Авеля, первой невинной жертвы убийства, вопиет к Богу — истоку и защите жизни. Голос крови любого человека, убитого после Авеля, тоже возносится к Господу. Совершенно уникально и исключительно *вопиет к Богу голос крови Христа*, пророчески предзнаменованного в невинном Авеле, как напоминает об этом автор Послания к Евреям: "Но вы приступили к горе Сиону и ко граду Бога живого (...) и к ходатаю нового завета Иисусу, и к Крови кропления, говорящей лучше, нежели Авелева" (12,22. 24).

Это *Кровь кропления*. Ее символ и пророческое знамение — кровь ветхозаветных жертв, через которую Бог показывал людям, что желает передать им Свою жизнь, очищая их и освящая (см. *Исх* 24,8; *Лев* 17,11). И все это свершается и исполняется во Христе: Его Кровь — это та Кровь кропления, которая свершает искупление, очищает и спасает; это Кровь Ходатая Нового Завета, "за многих изливаемая во оставление грехов" (*Мф* 26,28). Кровь, текущая из пробитого на кресте ребра Христова (см. *Ин* 19,34), "говорит лучше, нежели Авелева", ибо она выражает более глубокую "праведность" и требует ее, однако в первую очередь молит о милосердии¹⁹, ходатайствует о братьях перед Богом (см. *Евр* 7,25), дарует совершенное искупление и новую жизнь.

Кровь Христа *открывает*, как велика любовь Отца, и в то же время показывает, *как дорого ценится человек в очах Бога и как высока цена его жизни*. Об этом напоминает нам апостол

Петр: "...не тленным серебром или золотом искуплены вы от суетной жизни, преданной вам от отцов, но драгоценною Кровию Христа, как непорочного и чистого агнца" (1 Петр 1,18-19). Созерцая драгоценную Кровь Христа, знамение Его жертвы из любви (см. Ин 13,1), верующий учится видеть и ценить почти божественное достоинство каждой личности и может во всей полноте благодарности и радостного изумления восклицать: "Сколь же ценен, должно быть, в очах Творца человек, если «заслужил такого и столь могучего Искупителя» (см. «Exsultet» из пасхального Всенощного бдения), если «отдал Сына Своего Единородного», чтобы он, человек, «не погиб, но имел жизнь вечную» (см. Ин 3,16)!"²⁰.

Кровь Христа также открывает человеку, что его величие и в то же время предназначение основано на *бескорыстном самопожертвовании*. Именно будучи пролита как дар жизни, Кровь Иисусова перестает знаменовать смерть и окончательную разлуку с братьями, но становится орудием общения, дающего всем жизни с избытком. Тот, кто пьет эту Кровь в таинстве причастия и пребывает в Иисусе (см. Ин 6,56), включается в динамику Его любви и самопожертвования, чтобы выполнить изначальное предназначение к любви, присущее каждому человеку (см. Быт 1,27; 2,18-24).

От Крови Христа все люди получают также *силу действовать в защиту жизни*. Его Кровь — самое могущественное знамение надежды и, более того, *основа абсолютной уверенности в том, что жизнь, согласно замыслу Божьему, победит*. "...и смерти не будет уже", — говорит громкий голос от престола Божия в небесном Иерусалиме (Откр 21,4). Апостол же Павел заверяет нас, что сегодняшняя победа над грехом есть знамение и предвестие окончательной победы над смертью, когда "сбудется слово написанное: «поглочена смерть победою». «Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?»" (1 Кор 15,54-55).

26. И все-таки в наших обществах и культурах, хоть и несущих такую резкую печать "культуры смерти", нет недостатка в знамениях, предвещающих эту победу. Наша картина оказалась бы, таким образом, односторонней и могла бы способствовать переходу на позиции бесплодной отрешенности, если бы, оглашая, что угрожает жизни, мы не указали *положительных знамений*, действие которых можем наблюдать в современном обществе.

К сожалению, эти положительные знамения часто бывает трудно заметить и опознать еще, быть может, и потому, что средства массовой информации не уделяют им надлежащего внимания. В действительности, однако, предприняты и продолжают предприниматься многочисленные начинания — в христианской общине и во всем обществе, на местном, национальном и международном уровнях, по инициативе отдельных людей, групп, движений и всяческих организаций, — чтобы обеспечить самым слабым и беззащитным поддержку и опору.

По-прежнему очень многие *супруги* умеют в духе жертвенной ответственности принять детей — этот "ценнейший дар брака"²¹. Нет недостатка также в *семьях*, которые, не ограничиваясь своим повседневным служением жизни, способны принять брошенных детей, молодежь, не справляющуюся со своими трудностями, инвалидов, одиноких людей, стариков. Есть много *центров опеки над жизнью* и других аналогичных учреждений, где работают люди и группы людей, которые с достойным восторгом самопожертвованием и самоотречением оказывают моральную и материальную поддержку матерям, живущим в трудных обстоятельствах и впадающим в искушение сделать аборт. Возникают также и умножаются *группы волонтеров*, которые стараются окружить заботой людей, лишенных семьи, людей, сталкивающихся с особо тяжкими проблемами, и тех, кому нужна соответствующая воспитательная среда, чтобы преодолеть губительные навыки и обрести веру в смысл жизни.

Медицина благодаря труду ученых и врачей идет вперед в поисках все более успешных средств лечения болезней: новые, когда-то непредставимые открытия предвещают дальнейший прогресс и уже сегодня служат рождающейся жизни, людям страдающим, тяжело больным или умирающим. Различные учреждения и организации стремятся открыть доступ к новейшим достижениям медицины даже странам, где особенно свирепствуют нищета и очаговые заболевания. Национальные и международные объединения врачей спешат на помощь жертвам стихийных бедствий, эпидемий и войн. Хотя еще многого не хватает для того, чтобы в международном масштабе полностью осуществилось справедливое распределение медицинских средств, но можно ли не заметить в уже предпринимаемых действиях признаков ширящейся солидарности между народами, заметно нарастающего отклика на человеческие нужды и нравственные требования, а также все большего уважения к жизни?

27. В ответ на законодательные установления, допускающие прерывание беременности, а также на попытки легализации евтаназии, кое-где достигшие успеха, во всем мире возникли *движения и начинания, цель которых — защита жизни путем возбуждения общественного отклика*. Когда они действуют в соответствии с тем, что их действительно вдохновляет, твердо и неуклонно, но без применения насилия, они распространяют понимание ценности жизни, стимулируют и организуя более решительную ее защиту.

Можно ли не вспомнить и обо *всех делах гостеприимства, самоотдачи и бескорыстной заботы*, изо дня в день с любовью совершаемых огромным множеством людей в больницах, детских домах, старческих домах и других центрах и общинах защиты жизни? Церковь, следуя примеру Иисуса, "доброго Самарянина" (см. *Лк 10,29-37*), и у Него черпая свою силу, всегда стояла на передовой линии всех этих фронтов милосердия: многие сыны и дочери Церкви, особенно монахи и монахини, берясь за древние, но по-прежнему успешные формы деятельности, посвящали и посвящают свою жизнь Богу, из любви отдают ее ближним, самым слабым и самым нуждающимся.

Эти дела закладывают глубокий фундамент той "цивилизации любви и жизни", без которой существование личностей и общества утрачивает свой глубоко человеческий смысл. Даже если бы никто их не видел и они оставались скрытыми от большинства людей, вера дает нам уверенность, что Отец, "видящий тайное" (*Мф 6,4*), не только вознаградит их в будущем, но и сейчас содействует так, что они всем приносят прочную пользу.

В число знамений надежды надо включить и тот факт, что во многих кругах общественности *нарастают новые настроения, все более противостоящие войне как методу решения конфликтов между народами и все активнее ищущие успешных путей сдерживания — хоть и "без применения силы" — вооруженных агрессоров*. В том же свете следует воспринимать и *все более широкое общественное противостояние смертной казни*, пусть даже применяемой только как инструмент общественной "необходимой обороны": это противостояние вытекает из уверенности в том, что современное общество способно успешно бороться с преступностью методами, которые обезвреживают преступника, но не окончательно лишают его возможности изменить свою жизнь.

Следует также с удовлетворением отметить рост интереса к *качеству жизни и экологии*, наступивший в первую очередь в высокоразвитых обществах, где люди стремятся уже не только к тому, чтобы обеспечить себе основные средства поддержания жизни, но и к глобальному улучшению условий жизни. Особенно важное явление — оживление этических размышлений о жизни: возникновение и все более широкое развитие *биоэтики* способствует размышлению и диалогу — между верующими и неверующими, а также между людьми, исповедующими разные религии, — по основным этическим проблемам, связанным с

человеческой жизнью.

28. Эта картина, полная света и теней, должна заставить нас полностью осознать, что перед нами разворачивается сверхчеловеческая, драматическая битва между злом и добром, между смертью и жизнью, между "культурой смерти" и "культурой жизни". Мы не только свидетели — мы неизбежно втягиваемся в эту битву: все мы в ней участвуем и поэтому не можем уклониться от обязанности *безоговорочно выступить на стороне жизни*.

К нам также обращены ясные и твердые слова Моисея: "Вот, я сегодня предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло. ...жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое" (*Втор 30,15. 19*). Призыв избрать жизнь вполне отвечает нашему положению: мы тоже должны каждый день выбирать между "культурой жизни" и "культурой смерти". Но слова Книги Второзакония имеют еще более глубокий смысл, ибо велят нам делать выбор строго религиозный и нравственный. Мы должны дать нашему существованию определенное основное направление, а в жизни верно и неуклонно соблюдать закон Божий: "Заповедую тебе сегодня любить Господа, Бога твоего, ходить по путям Его, и исполнять заповеди Его и постановления Его и законы Его (...). Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое, любил Господа, Бога твоего, слушал глас Его и прилеплялся к Нему; ибо в этом жизнь твоя и долготы дней твоих, чтобы пребывать тебе на земле" (*Втор 30,16. 19-20*).

Безоговорочное выступление на стороне жизни обретает свой полный религиозно-нравственный смысл, когда вытекает *из веры во Христа*, ею формируется и в ней черпает силы. Ничто не помогает занять надлежащие позиции в той битве между смертью и жизнью, в которую мы погружены, лучше, чем вера в Сына Божия, Который стал человеком и пришел к людям, "чтобы имели жизнь и имели с избытком" (*Ин 10,10*); *вера в Воскресшего победила смерть*; вера в Кровь Христа, "говорившую лучше, нежели Авелева" (*Евр 12,24*).

Свет и сила этой веры позволяют Церкви, которой наше время бросает вызов, глубже сознавать, что от Господа своего она получила благодать и задание проповедовать и славить *Евангелие жизни* и служить ему.

Глава II

Я ПРИШЕЛ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ИМЕЛИ ЖИЗНЬ **ХРИСТИАНСКАЯ ВЕСТЬ О ЖИЗНИ**

"... жизнь явилась, и мы видели" (*1 Ин 1,2*): "*Слово жизни*"

29. Перед лицом бесчисленных серьезных опасностей, угрожающих жизни в современном мире, мы как будто подавлены чувством бессилия: кажется, что добро никогда не найдет достаточно сил для победы над злом!

Именно в таких обстоятельствах народ Божий и каждый верующий в нем призван смиренно и смело исповедать свою веру во Иисуса Христа, "Слово жизни" (см. *1 Ин 1,1*). *Евангелие жизни* — это не только размышление над человеческой жизнью, пусть оригинальное и глубокое; не является оно и всего лишь повелением, дело которого — тревожить совесть и привести к глубоким общественным переменам; тем более оно не призрачное обещание лучшего будущего. *Евангелие жизни* — конкретная и личная реальность, основанная на том, что возвещается *личность Самого Иисуса*. Говоря с апостолом Фомой, а через него — со всяким человеком, Иисус так сказал о Себе: "Я есмь путь и истина и жизнь" (*Ин 14,6*). Так же Он определяет Себя, говоря с Марфой, сестрой Лазаря: "Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет

вовек" (*Ин* 11, 25-26). Иисус — Сын, Который извечно получает жизнь от Отца (см. *Ин* 5,26) и пришел к людям дать им удел в этом даре: "Я пришел для того, чтобы имели жизнь и имели с избытком" (*Ин* 10,10).

Так слова, деяния и сама личность Иисуса дают человеку возможность "познать" *полную истину* о ценности человеческой жизни; из этого "источника" черпает он прежде всего способность "поступать" по правде (см. *Ин* 3,21), то есть принимать и полностью исполнять долг любви к человеческой жизни и служения ей, защиты ее и поддержки.

Ибо во Христе окончательно возведено и во всей полноте даровано человеку то *Евангелие жизни*, которое — будучи уже дано в Откровении Ветхого Завета и более того, можно сказать, начертано в сердце каждого мужчины и каждой женщины, — звучит в совести любого человека "от начала", то есть от самого сотворения, так что, несмотря на отрицательное влияние греха, *может быть познано в своем существовании также и человеческим разумом*. Как пишет 2-й Ватиканский собор, Христос "всем Своим присутствием, всем, чем Он являет Себя, словами и делами, знаменами и чудесами, особенно же смертью Своею и славным Своим воскресением из мертвых, наконец, ниспосланием Духа Истины, завершает во всей полноте Откровение и подтверждает его Божественным свидетельством, что означает: с нами — Бог, чтобы освободить нас от тьмы греха и смерти и воскресить нас в жизнь вечную"²².

30. Обратив взор ко Христу Господу, мы жаждем еще раз услышать от Него "слова Божии" (*Ин* 3,34) и рассмотреть *Евангелие жизни*. Самый глубокий и изначальный смысл этого рассмотрения вести, несущей Откровение о человеческой жизни, был выражен апостолом Иоанном Богословом, который так пишет в начале своего Первого Послания: "О том, что было от начала, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши, о Слове жизни, — ибо жизнь явилась, и мы видели и свидетельствуем, и возвещаем вам сию вечную жизнь, которая была у Отца и явилась нам,

— о том, что мы видели и слышали, возвещаем вам, чтобы и вы имели общение с нами: а наше общение

— с Отцем и Сыном Его, Иисусом Христом" (*1 Ин* 1,1-3).

В Иисусе, "Слове жизни", нам, таким образом, завещана и уделена жизнь Божия и вечная. Благодаря этому Откровению и этому дару физическая и духовная жизнь человека, включая и ее земную стадию, обретает полную ценность и значение: ибо жизнь Божия и вечная — это цель, к которой стремится и призван человек, живущий в мире сем. Так *Евангелие жизни* содержит в себе все, что человеческий опыт и разум говорят о ценности жизни человека, — оно принимает все это, возвышает и дополняет.

"Господь крепость моя и слава моя, он был мне спасением" (Исх 15,2): жизнь всегда есть благо

31. На самом деле полнота евангельской вести о жизни была подготовлена уже в Ветхом Завете. В особенности история исхода из Египта, составляющая основу ветхозаветной веры, позволяет Израилю открыть, как ценна его жизнь перед Богом. Когда кажется, что народ уже обречен на уничтожение, когда всем новорожденным детям мужского пола грозит смерть (см. *Исх* 1,15-22), Бог является Израилю как Спаситель, способный обеспечить будущее народу, лишенному надежды. Так в Израиле рождается особое понимание: *его жизнь* не отдана на милость фараона, который может по произволу ею распорядиться;

наоборот, она *окружена благой и великой любовью Бога*.

Вывести из плена означало одарить народ его неповторимым обликом и признать его непреходящее достоинство; исход также положил *начало новой истории*, в которой открытие Бога идет рука об руку с открытием себя. Исход из Египта — опыт основополагающий и образцовый. Этот опыт поучает Израиля, что каждый раз, когда его существование оказывается в опасности, ему достаточно с обнелленным доверием прибегнуть к Богу, чтобы получить от Него действительную помощь: "Я образовал тебя: раб Мой ты, Израиль, не забывай Меня" (*Ис 44,21*).

Таким образом Израиль, осознавая ценность своего существования как нации, все отчетливее *обнаруживает также смысл и ценность жизни как таковой*. Это направление мысли особенно развито в книгах Премудрости на основе повседневного опыта "бренности" жизни и констатации угрожающих ей опасностей. Противоречия бытия представляют собой вызов, брошенный вере, и требуют от нее ответа.

Вопрос о страдании особенно тревожит веру и подвергает ее испытанию. Разве сетования Иова — не боль всего человечества? Понятно, что невинный человек, сокрушенный скорбями, вопрошает себя: "На что дан страдальцу свет, и жизнь огорченным душою, которые ждут смерти, и нет ее, которые вырыли бы ее охотнее, нежели клад" (*Иов 3,20-21*). Но даже среди самой непроницаемой тьмы вера ведет к тому, чтобы с доверием и преклонением признать "тайну": "Знаю, что Ты все можешь, и что намерение Твое не может быть остановлено" (*Иов 42,2*).

Откровение позволяет постепенно все более ясно видеть *начатки бессмертной жизни*, посеянные Творцом в сердцах людей: "Все сделал Он прекрасным в свое время, и вложил мир в сердце их" (*Еккл 3,11*) — мир, то есть представление о вечности. Эти *начатки совершенной полноты* должны открыться через любовь и исполниться — в силу незаслуженного дара. Божия — через удел в Его жизни вечной.

"И ради веры во имя Его, имя Его укрепило сего человека" (Деян 3,16): испытывая нищету человеческого существования, Иисус исполняет полноту смысла жизни

32. Опыт народа Завета обновляется в опыте всех "нищих", которые встречают Иисуса из Назарета. Как некогда Бог, "любящий все существующее" (см. *Прем 11,26/25*), обеспечил Израилю безопасность среди опасностей, так теперь Сын Божий возвещает всем, чье существование подвергается угрозам и ограничениям, что их жизнь — тоже благо, которому любовь Отца придает смысл и ценность.

"... слепые прозревают, хромые ходят, прокаженные очищаются, глухие слышат, мертвые воскресают, нищие благовествуют" (*Лк 7,22*). Этими словами пророка Исаи (35,5-6; 61,1) Иисус открывает смысл Своей миссии: все, кто страдает от какого бы то ни было "умаления" своего существования, могут услышать от Него *благовест* о том, что Бог о них тревожится, и убедиться в том, что их жизнь — заботливо охраняемый дар в руке Отца (см. *Мф 6,25-34*).

Именно к "нищим" прежде всего обращены проповедь и дела Иисуса. Множеству немощных и отверженных, которые следуют за Ним и ищут Его (см. *Мф 4,23-25*), Его слова и поступки открывают, какой великой ценностью обладает их жизнь и на какую прочную основу опирается их чаяние спасения.

То же самое происходит и с самого начала миссии Церкви. Проповедуя Иисуса как Того,

Кто "ходил, благотворя и исцеляя всех, обладаемых диаволом; потому что Бог был с Ним" (Деян 10,38), Церковь знает, что она — вестница спасения и что новизна ее вести во всей полноте явится именно в обстоятельствах унижения и нищеты человеческой жизни. Эту весть гласит Петр, когда исцеляет хромого, которого каждый день сажали у входа в Иерусалимский храм, при дверях, называемых Красными, чтобы он просил милостыню. "Но Петр сказал: серебра и золота нет у меня; а что имею, то даю тебе: во имя Иисуса Христа Назорея встань и ходи" (Деян 3,6). Верую в Иисуса, "Начальника жизни" (Деян 3,15), жизнь, окруженная презрением, преданная на чужую милость, обретает самоценность и полное достоинство.

Слова и дела Иисуса и Его Церкви касаются не только тех, кто переживает болезни, страдания и различные формы отверженности. В глубочайшем своем значении они касаются *самого смысла жизни каждого человека в его нравственном и духовном измерении*. Только тот, кто признает, что его жизнь затронута болезнью греха, может обрести правду и подлинность своего существования благодаря встрече с Иисусом Спасителем, в согласии с Его словами: "Не здоровые имеют нужду во враче, но больные; Я пришел призвать не праведников, а грешников к покаянию" (Лк 5,31-32).

А тот, кто считает — как безумный богач из евангельской притчи, — что сумеет обеспечить себе жизнь одним только собиранием материальных благ, в действительности обманывает самого себя: жизнь бежит от него и скоро будет отнята, он же никогда не поймет ее истинного смысла: "безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?" (Лк 12,20).

33. И в жизни Самого Иисуса, с начала ее и до конца, мы встречаем эту особую "диалектику", связь, существующую между опытом брэнности человеческой жизни и утверждением ее ценности. Ибо жизнь Иисуса ознаменована брэнностью с самого Его рождения. Правда, Он *принят* праведниками: они присоединяются к полным готовности и радости словам Марии "да будет" (см. Лк 1,38). Но в то же время он *отвергнут* миром, который грозит Ему, ищет Младенца, "чтобы погубить Его" (Мф 2,13), либо проявляет равнодушие и нелюбознательность к вершащейся тайне этой жизни, которая приходит в мир: "...не было им места в гостинице" (Лк 2,7). Именно благодаря этому контрасту между опасностями и неуверенностью, с одной стороны, и силой дара Божия — с другой, особое сияние излучает слава из назаретского дома и вифлеемского хлева: эта рождающаяся жизнь — спасение всего рода человеческого (см. Лк 2,11).

Во всей полноте противоречий принимает Христос и тот риск, который несет в себе жизнь: "... Он, будучи богат, обнищал ради вас, дабы вы обогатились Его нищетою" (2 Кор 8,9). Обнищание, о котором говорит Павел, — это не только избавление от Божественных привилегий, но и полное участие в унижении и брэнности человеческой жизни (ср. Флп 2,6-7). Иисус испытывает эту нищету на протяжении всей Своей жизни, вплоть до кульминационного момента смерти на кресте: "...смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной.

Посему и Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени" (Флп 2,8-9). Именно *смертью Своей Иисус являет все величие и ценность жизни*, ибо Его крестная жертва становится источником новой жизни для всех людей (ср. Ин 12,32). В этом странствии среди противоречий и даже перед лицом гибели Иисус руководствуется уверенностью в том, что жизнь Его в руке Отца. Поэтому на кресте Он может сказать: "Отче! в руки Твои предаю дух Мой" (Лк 23,46) — то есть жизнь Мою. Истинно велика ценность человеческой жизни, если Сын Божий принял ее и соделал тем местом, где совершается спасение всего человечества!

"...призванным (...) быть подобными образу Сына" (Рим 8,28-29): слава Божия светится в образе человека

34. Жизнь — всегда благо. Человек призван понять глубокие обоснования этого интуитивного убеждения, которое также является опытно познаваемым фактом.

Почему жизнь — благо? Этот вопрос проходит через всю Библию и уже на первых ее страницах получает верный, поразительный ответ. Жизнь, которую Бог дает человеку, — иная, отличная от жизни всей живой твари, ибо человек, хоть и породнен с прахом земли (см. *Быт* 2,7; 3,19; *Иов* 34,15; *Пс* 103/102,14; 104/103,29), во вселенной есть явление Бога, знамение Его присутствия, след Его славы (см. *Быт* 1,26-27; *Пс* 8,6). Именно на это желал обратить внимание св. Ириной Лионский своими известными словами: "Человек живущий есть слава Божия"²³. Человек наделен *высшим достоинством*, укорененным во внутренней связи, соединяющей его с Творцом: на нем лежит ответ реальности Самого Бога.

Это констатирует Книга Бытия в первом описании сотворения, где человек показан как вершина и увенчание творческого дела Бога, Который из бесформенного хаоса выводит самое совершенное творение. *В сотворенной действительности все направлено к человеку и ему подчинено*: "... размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте (...) над всяким животным" (*Быт* 1,28), — повелевает Бог мужчине и женщине. Такое же повеление содержится и в другом описании сотворения: "И взял Господь Бог человека, и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его" (*Быт* 2,15). Так утверждается превосходство человека над всей тварью: все ему подчинены и вверены его ответственности, в то время как он сам ни под каким видом не может быть поработен своими ближними и сведен до положения вещи.

В библейском описании отличие человека от других сотворенных существ особенно подчеркнуто тем, что только его сотворение показано как плод особого решения Бога, Его постановления *соединить человека с Творцом особой, специфической связью*: "Сотворим человека по образу нашему, по подобию нашему" (*Быт* 1,26). Жизнь, дарованная Богом человеку, — это *дар, благодаря которому Бог передает нечто от Себя Своему творению*..

Израиль будет упорно вопрошать о смысле этой особой, специфической связи с Богом. И в Книге Премудрости Иисуса сына Сирахова говорится, что Бог, творя людей, "облек их силою и сотворил их по образу Своему" (17,3). К такому выводу, по мнению автора книги, приводит не только господство человека над миром, но и наделение его *лишь ему свойственными духовными силами*, такими, как разум, умение различать добро и зло, свободная воля: "Исполнил их пронизательностью разума, и показал им добро и зло" (*Сир* 17,7/6). *Способность познавать истину и опыт свободы — привилегия человека* как существа, сотворенного по образу Творца, Бога праведного и истинного (см. *Втор* 32,4). Среди видимой твари только человек сотворен "способным познавать и любить своего Творца"²⁴. Жизнь, которой Бог одаряет человека, — нечто большее, нежели только существование во времени. Она — стремление к полноте жизни; *начаток существования, переходящего границы времени*: "Бог создал человека для нетления и соделал его образом вечного бытия Своего" (*Прем* 2,23).

35. В ягвистическом описании сотворения выражена та же уверенность. В этом древнейшем рассказе говорится о *дыхании Божиим*, которым *наполняется человек*, чтобы стать живым существом: "И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою" (*Быт* 2,7).

Божественным происхождением этого духа жизни объясняется, почему человека на

протяжении всей его земной жизни сопровождает ощущение несовершенства. Сотворенный Богом и несущий в себе нестираемый след Бога, человек естественным образом стремится к Нему. Каждый человек, прислушиваясь к глубоким чаяниям своего сердца, должен признать, что и к нему относятся слова истины, обращенные св. Августином к Господу: "Ты создал нас для Себя, и не знает покоя сердце наше, пока не успокоится в Тебе"²⁵.

Необыкновенно красноречивое свидетельство — то чувство неудовлетворенности, которое испытывает человек в раю, пока его единственной точкой отсчета остается растительный и животный мир (см. *Быт 2, 20*). Только появление женщины, то есть существа, которое есть кость от костей его и плоть от плоти его (см. *Быт 2,23*) и в котором также живет дух Бога Творца, может удовлетворить потребность в диалоге, имеющем жизненно важное значение для человеческого существования. В ближнем — мужчине или женщине — можно увидеть отражение Самого Бога, конечной цели и утolenия каждого человека.

"...что *есть* человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его?" — вопрошает псалмопевец (*Пс 8,5*). Перед лицом безграничной вселенной человек кажется малозначимым существом, но именно этот контраст подчеркивает его величие: "Не много Ты умалил его пред Ангелами [можно также перевести: пред Тобою, т.е. пред Богом], славою и честью увенчал его" (*Пс 8,6*). *Слава Божия сияет на лице человека*. В нем Творец находит отдохновение, как взволнованно и удивленно пишет об этом св. Амвросий: "Пали сумерки шестого дня, и сотворение мира завершилось созданием дива дивного — человека: он отправляет власть над всеми живыми существами, он венчает вселенную, прекраснейшее из всех сотворенных существ. Воистину следует нам хранить боязливое молчание, ибо Господь почил после всех земных трудов. Затем Он почил внутри человека, почил в его уме и мыслях; ибо Он сотворил человека как разумное существо, способное подражать Ему, берущее пример с Его добродетелей, жаждущее милостей небесных. В этих чертах человека поселился Бог, сказавший: «А вот на кого Я призрю: на смиренного и сокрушенного духом и на трепещущего пред словом Моим» (*Ис 66,2*). Благодарю Господа Бога нашего за то, что сотворил такое чудо, в котором может найти отдохновение"²⁶.

36. К сожалению, великолепный замысел Божий омрачен грехом, вторгающимся в человеческую историю. Грехом человек бунтует против Творца, и это приводит его к *идолопоклонству перед тварью*: "... и поклонялись, и служили твари вместо Творца" (*Рим 1,25*). Так человек не только уродует образ Божий в себе самом, но и испытывает соблазн исказить его в других, ставя на место взаимного общения недоверие, равнодушие и враждебность, доходящую даже до смертоносной ненависти. Кто не признаёт Бога *как Бога*, тот предаёт глубокое понимание человека и нарушает общение между людьми.

Образ Божий вновь воссиял в жизни человека и открылся во всей полноте с пришествием в мир в человеческой плоти Сына Божия: Он "есть образ Бога невидимого" (*Кол 1,15*), "сияние славы и образ ипостаси Его" (*Евр 1,3*). Он есть совершенный образ Отца.

Замысел жизни, вверенный первому человеку — Адаму, находит окончательное исполнение во Христе. В то время как непослушание Адама разрушает и искажает замысел Божий о человеческой жизни и приводит в мир смерть, искупительное послушание Христа — источник благодати, которая изливается на людей, всем настежь открывая врата царства жизни (см. *Рим 5,12-21*). Апостол Павел пишет: "«первый человек Адам стал душою живущею»; а последний Адам есть дух животворящий" (*1 Кор 15,45*).

Тем, кто согласен следовать Христу, даруется полнота жизни: образ Божий в них восстанавливается, возрождается и доводится до совершенства. Таков замысел Божий о людях, чтобы они могли "быть подобными образу Сына" (*Рим 8,29*). Только так, в сиянии

этого образа, человек может достичь избавления от плена идолопоклонства, восстановить порванные узы братства и вновь обрести свой неповторимый облик.

"И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек" (Ин 11,26): дар вечной жизни

37. Жизнь, которую Сын Божий принес людям, нельзя свести исключительно к существованию во времени. Жизнь, которая от *начала* суца "в Нем", которая есть "свет человеков" (Ин 1,4), основана на том, что человек рождается от Бога, чтобы иметь удел в полноте Его любви: "А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими, которые ни от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились" (Ин 1,12-13).

Сам Иисус иногда называет ту жизнь, которую Он принес в дар, просто "жизнью"; при этом Он указывает, что рождение от Бога необходимо, чтобы человек мог достигнуть ту цель, для которой Бог сотворил его: "...говорю тебе: если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия" (Ин 3,3). Дар этой жизни — вот самая суть миссии Иисуса: Он есть Тот, Который "сходит с небес и дает жизнь миру" (Ин 6,33) и поэтому может по истине возвещать: "... кто последует за Мною, тот (...) будет иметь свет жизни" (Ин 8,12).

В других случаях Иисус говорит о "жизни вечной", причем это прилагательное означает здесь не только сверхвременное измерение. Жизнь, которую Иисус обещает и дает, — "вечная", ибо она есть полнота участия в жизни "Предвечного". Всякий, верующий в Иисуса и вовлеченный в общение с Ним, имеет жизнь вечную (см. Ин 3,15; 6,40), ибо от Него слышит те единственные слова, которые открывают ему и вносят в его существование полноту жизни; это "глаголы вечной жизни", как говорит Петр в своем исповедании веры: "Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни. И мы уверовали и познали, что Ты Христос, Сын Бога живого" (Ин 6,68-69). Сам же Иисус показывает, на чем основана жизнь вечная, когда обращается к Отцу в Своей первосвященнической молитве: "Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа" (Ин 17,3). Познавать Бога и Его Сына значит принять тайну причастия к любви Отца, Сына и Духа Святого в своей собственной жизни, которая *уже теперь* открывается навстречу жизни вечной *благодаря участию в жизни Божией*.

38. Таким образом, жизнь вечная — это жизнь Самого Бога и одновременно *жизнь чад Божиих*. Откликом верующего на эту нежданную, необъятную истину, которая приходит к нам от Бога во Христе, должны быть неослабевающее изумление и бескрайняя благодарность. Верующий тут повторяет за апостолом Иоанном Богословом: "Смотрите, какую любовь дал нам Отец, чтобы нам называться и быть детьми Божиими. (...) Возлюбленные! мы теперь дети Божии; но еще не открылось, что будем. Знаем только, что, когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть" (1 Ин 3,1-2). Так *достигает своей вершины христианская истина о жизни*. Достоинство жизни вытекает не только из ее источника, то есть из того, что жизнь исходит от Бога, но также из ее цели, из ее предназначения общаться с Богом, познав Его и возлюбив. Именно в свете этой истины св. Ириной уточняет и дополняет свою апологию человека: да, "живой человек" есть "слава Божия", но "жизнь человека — это созерцание Бога"²⁷.

Отсюда вытекают прямые последствия для жизни человека даже в ее *земном состоянии*, в котором уже проросла и возрастает жизнь вечная. Если человек инстинктивно любит жизнь, ибо она есть благо, то такая любовь находит окончательное оправдание и силу, расширяется и углубляется в Божественных измерениях этого блага. В такой перспективе та любовь к жизни, которой обладает каждое человеческое существо, не ограничивается обычными поисками пространства, позволяющего самореализоваться и установить отношения с

другими людьми, но развивается в радостной уверенности, что собственное существование можно соделать "местом" Божественного Откровения, встречи и общения с Богом. Жизнь, которой одаряет нас Иисус, не лишает ценности наше бренное существование, но обнимает его и ведет к его конечному предназначению: "Я есмь воскресение и жизнь (...). И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек" (*Ин* 11,25-26).

"Я взыщу также душу человека (...) от руки брата его" (Быт 9,5): почитание и любовь ко всякой человеческой жизни

39. Жизнь человека исходит от Бога, она — Его дар, Его образ и отражение, удел в Его животворном дыхании. Поэтому *Бог — единственный Владыка этой жизни*: человек не может ею распоряжаться. Сам Бог напоминает об этом Ною после потопа: "...взыщу также душу человека от руки человека, от руки брата его" (*Быт* 9,5). Автор библейского текста стремится здесь подчеркнуть, что основание святости жизни — Бог и Его дело сотворения: "...ибо человек создан по образу Божию" (*Быт* 9,6).

Таким образом, жизнь и смерть человека — в руке Бога, в Его власти: "В Его руке душа всего живущего и дух всякой человеческой плоти", — провозглашает Иов (12,10). "Господь умерщвляет и оживляет, низводит в преисподнюю и возводит" (*1 Сам [1 Цар]* 2,6). Только Бог может сказать: "Я умерщвляю и Я оживляю" (*Втор* 32,39).

Эта власть, отправляемая Богом, — отнюдь не угрожающий произвол, но *пекущаяся, любовная забота, которой окружает Он Свои создания*. Правда, что жизнь человека находится в руках Бога, но правда и то, что это руки любящие, подобные рукам матери, которая лелеет, кормит и пеленает своего ребенка: "Не смирял ли я и не успокаивал ли души моей, как дитяти, отнятого от груди матери? душа моя была во мне, как дитя, отнятое от груди" (*Пс* 131/130,2; ср. *Ис* 49,15; 66,12-13; *Ос* 11,4). Таким образом, Израиль смотрит на историю народов и людей не как на плод чистой случайности или слепой судьбы — он видит в ней осуществление замысла любви, в согласии с которым Бог собирает все силы жизни и противопоставляет их силам зла, рожденным от греха: "Бог не сотворил смерти и не радуется гибели живущих; ибо Он создал все для бытия" (*Прем* 1,13-14).

40. Из истины о святости жизни вытекает принцип ее *нерушимости, изначально начертанный в сердце человека*, в его совести. В вопросе: "Что ты сделал?" (*Быт* 4,10), который Бог задал Каину, когда тот убил своего брата Авеля, выражен опыт всякого человека: голос его совести всегда напоминает ему о нерушимости жизни — своей и чужой — как реальности, которая ему не принадлежит, будучи собственностью и даром Бога Творца и Отца.

Заповедь нерушимости человеческой жизни звучит в *Десятизловии синайского завета* (см. *Исх* 34,28). Она запрещает в первую очередь убийство: "Не убивай" (*Исх* 20,13); "не умерщвляй невинного и правого" (*Исх* 23,7); но, как уточняется в позднейшем законодательстве Израиля, она также запрещает наносить ближнему любые телесные повреждения (см. *Исх* 21,12-27). Надо, конечно, признать, что в Ветхом Завете эта чуткость к ценности жизни, хотя уже весьма отчетливая, еще не обладает остротой, прозвучавшей в Нагорной проповеди, и свидетельством тому остаются некоторые аспекты ветхозаветного законодательства, предусматривавшего мучительные телесные наказания и даже смертную казнь. Но общая посылка, которая станет совершенной в Новом Завете, — решительный призыв соблюдать принцип нерушимости физической жизни и личной целостности, а его кульминация — позитивная заповедь, требующая чувствовать ответственность за ближнего, как за самого себя: "...люби ближнего твоего, как самого себя" (*Лев* 19,18).

41. Заповедь "не убивай", входящая в положительную заповедь любви к ближнему и углубленная ею, *во всей своей силе утверждена Господом нашим Иисусом*. На вопрос богатого юноши: "Учитель благий! что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную?" — Иисус отвечает: "Если же хочешь войти в жизнь вечную, соблюди заповеди" (*Мф 19,16-17*). И первой из них он приводит заповедь "не убивай" (19,18). В Нагорной проповеди Иисус требует от Своих учеников *более совершенной праведности*, чем праведность книжников и фарисеев, включая и то, что касается уважения к жизни: "Вы слышали, что сказано древним: «не убивай»; кто же убьет, подлежит суду. А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду" (*Мф 5,21-22*).

Своими словами и делами Иисус еще яснее выявляет положительные требования заповеди о нерушимости жизни. Их можно обнаружить уже в Ветхом Завете, законодательство которого направлено на то, чтобы защищать жизнь в минуты слабости и опасности, окружая опекой пришельцев, вдов, сирот, немощных, всякого рода нищих, а также жизнь еще не родившихся (см. *Исх 21,22; 22,20-26*). Благодаря Иисусу эти положительные требования обретают новую жизненную силу и новый размах, являя весь свой объем и глубину: они включают не только заботу о жизни *брата* (родственника, соплеменника или живущего в земле Израиля пришельца), но и ответственность за *посторонних* и даже любовь к *врагам*.

Тому, кто обязан *быть ближним* всем нуждающимся и чувствовать себя ответственным за их жизнь, ни один человек не чужд, как учит красноречивая и убедительная притча о добром Самарянине (см. *Лк 10,25-37*). Даже враг перестает быть врагом тому, кто обязан его любить (см. *Мф 5,38-48; Лк 6,27-35*) и делать ему добро (см. *Лк 6,27. 33. 35*), ревностно и бескорыстно удовлетворяя его жизненные нужды (см. *Лк 6,34-35*). Вершина этой любви — молитва за врагов, созвучная предусмотрительной любви Божией: "А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего небесного; ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных" (*Мф 5,44-45; ср. Лк 6,28.35*).

Итак, глубочайшее измерение заповеди Божией, защищающей жизнь человека, — *требование почитать и любить* всякого человека и его жизнь. Такое поучение обращает к христианам Рима апостол Павел, опираясь на слова Иисуса (см. *Мф 19,17-18*): "Ибо заповеди: «не прелюбодействуй», «не убивай», «не кради», «не лжесвидетельствуй», «не пожелай чужого» и все другие заключаются в сем слове: «люби ближнего твоего, как самого себя». Любовь не делает ближнему зла; итак любовь есть исполнение закона" (*Рим 13,9-10*).

*"Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею" (Быт 1,28):
ответственность человека за жизнь*

42. Защищать жизнь и крепить ее, почитать ее и любить — вот задача, которую Бог вверил всякому человеку, призвав его — как Свой живой образ — к уделу в Своем владычестве над миром: "И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле" (*Быт 1,28*).

Библейский текст в полном свете показывает широту и глубину *владычества, которым Бог наделяет человека*. Речь идет прежде всего о *владычестве над землей и над всяким живым существом*, как напоминает Книга Премудрости Соломоновой: "Боже отцов и Господи милости, (...) премудростию Твоею устроивший человека, чтобы он владычествовал над созданными Тобою тварями и управлял миром свято и справедливо" (9,1-3). И псалмопевец воспевает владычество человека как знамение славы и достоинства, данного ему Творцом:

"... поставил его владыкою над делами рук Твоих; все положил под ноги его: овец и волов всех, и также полевых зверей, птиц небесных и рыб морских, все, преходящее морскими стезями" (Пс 8,7-9).

Человек призван возделывать земной сад и хранить его (см. *Быт 2,15*), поэтому он особенно отвечает за *среду жизни*, то есть за сотворенную действительность, которая по воле Бога служит его личному достоинству и его жизни: он несет эту ответственность не только перед своей эпохой, но и перед будущими поколениями. На этом основана *экологическая проблема* со всеми ее аспектами — от охраны естественной "среды обитания" различных видов животных и форм жизни вплоть до "экологии человека" в строгом смысле слова²⁸: путь к ее решению, соблюдающему то великое благо, каким является жизнь, всякая жизнь, указывают этические принципы, ясно и решительно сформулированные на страницах Библии. По существу, "владычество, вверенное Творцом человеку, не означает абсолютной власти, не может также быть речи и о свободе «пользоваться» или по произволу распоряжаться вещами. Ограничение, изначально наложенное на человека Самим Творцом и символически выраженное в запрете «есть от дерева познания добра и зла» (см. *Быт 2,16-17*), ясно показывает, что в отношении к видимой природе мы подчинены не только биологическим, но и нравственным законам, которые нельзя безнаказанно преступать"²⁹.

43. Некое участие человека во владычестве Бога обнаруживается также в *особой ответственности*, которая вверена ему в отношении *истинно человеческой жизни*. Самое возвышенное проявление этой ответственности — передача жизни в *акте рождения*, совершаемом мужчиной и женщиной, как напоминает нам об этом 2-й Ватиканский собор: "Бог, Сам сказавший: «не хорошо быть человеку одному» (*Быт 2,18*) и «Сотворивший вначале мужчину и женщину сотворил их» (*Мф 19,4*), хотел сообщить ему некое особое участие в Своем деле творения, Он благословил мужа и жену, говоря: «плодитесь и размножайтесь» (*Быт 1,28*)"³⁰.

Говоря о "некоем особом участии" мужчины и женщины в "деле творения" Бога, Собор хочет подчеркнуть, что рождение ребенка — глубоко человеческое и высоко религиозное событие, ибо в него вовлечены как супруги, творящие "одну плоть" (см. *Быт 2,24*), так и Сам Бог, здесь сущий. Как я написал в "Послании к семьям", "когда из супружеского единства двоих рождается новый человек, то он приносит с собой в мир особый образ и подобие Бога Самого: *в биологию рождения вписана генеалогия личности*. Если мы говорим, что супруги как родители являются соработниками Бога Творца в зачатии и рождении нового человека, то этой формулировкой мы указываем не только на законы биологии, но и на то, что *в человеческом отцовстве и материнстве Сам Бог присутствует* — по-иному, нежели это происходит во всяком другом рождении в видимом мире, «на земле». Ведь только от Него могут исходить «образ и подобие», свойственные человеческому существу, как при сотворении. Рождение продолжает собой сотворение"³¹.

Такой урок простым и выразительным языком преподает библейский текст, в котором приведено радостное восклицание первой женщины, "матери всех живущих" (см. *Быт 3,20*). Ева, сознавая Божественное вмешательство, говорит: "Приобрела я человека от Господа" (*Быт 4,1*). Таким образом, в акте рождения, в котором родители передают ребенку жизнь, передается также — благодаря сотворению невидимой души³² — образ и подобие Самого Бога. Таков смысл слов, которыми начинается "родословие Адама": "...когда Бог сотворил человека, по подобию Божию создал его, мужчину и женщину сотворил их, и благословил их, и нарек им имя: человек, в день сотворения их. Адам жил сто тридцать лет, и родил сына по подобию своему и по образу своему, и нарек ему имя: Сиф" (*Быт 5,1-3*). Именно эта роль соработников Бога, *передающих свой образ новому существу*, дает величие супругам, готовым "споспешествовать любви Творца и Спасителя, Который через них непрестанно

увеличивает и обогащает Свою семью"³³. В соответствии с этим представлением епископ Амфилохий превозносил ценность "священного брака, избранного и превознесенного выше всех земных даров", как общности, которая "рождает человечество и творит образы Божии"³⁴.

Так мужчина и женщина, соединенные в браке, включаются в Божие дело: дар Божий принят актом рождения, и новая жизнь открывается навстречу будущему.

Однако независимо от специфической миссии родителей *задача опеки над жизнью и служения жизни возложена на всех, особенно в обстоятельствах, когда жизнь крайне слаба и беззащитна*. Об этом напоминает нам Сам Христос, требуя, чтобы мы любили Его в братьях, затронутых всяческими скорбями: в алчущих, жаждущих, странниках, в нагих, больных, заключенных в темницу... То, что мы делаем одному из них, мы делаем самому Христу (см. *Мф 25,31-46*).

"Ибо ты устроил внутренности мои" (Пс 139/138, 13): достоинство еще не родившегося младенца

44. Человеческая жизнь особенно слаба и брэнна, когда приходит в мир и когда покидает его, чтобы достичь вечности. Слово Божие многократно призывает окружить жизнь опекой и почитанием, особенно жизнь, озаменованную болезнями и старостью. Если в Библии отсутствуют прямые и недвусмысленные призывы охранять жизнь в ее истоках, особенно перед рождением, так же, как и перед лицом ее близкого конца, это нетрудно объяснить тем, что даже сама возможность деяний против жизни, посягательств на нее или прямого уничтожения жизни в таких обстоятельствах не вмещалась в религиозные и культурные понятия народа Божия.

Ветхозаветный народ боялся бесплодия словно проклятия, а многочисленное потомство почитал благословением: "Вот наследие от Господа — дети; награда от Него — плод чрева" (*Пс 127/126,3; ср. Пс 128/127,3-4*). Это убеждение вытекает, в частности, из сознания того, что Израиль — народ Завета, призванный размножиться в согласии с обетом, данным Аврааму: "Посмотри на небо, и сосчитай звезды, если ты можешь счесть их. (...) Столько будет у тебя потомков" (*Быт 15,5*). Однако на первый план здесь выходит уверенность в том, что жизнь, передаваемая родителями, имеет источник в Боге, свидетельство чему можно найти на многих страницах Библии, где с преклонением и любовью говорится о зачатии, о формировании жизни во чреве матери, о рождении и о той тесной связи, которая соединяет первое мгновение существования и дело Бога Творца.

"Прежде нежели Я образовал тебя во чреве, Я познал тебя, и прежде нежели ты вышел из утробы, Я освятил тебя" (*Иер 1,5*): *жизнь всякого человека с самого начала протекает согласно замыслу Божьему*. Иов, погруженный в скорбь, предается созерцанию дела Божьего, которое видит в преудивительнейшем процессе образования своего тела во чреве матери, и это позволяет ему сохранять доверие и выражать уверенность, что его жизнь строится по плану Божьему: "Твои руки трудились надо мною и образовали всего меня кругом, — и Ты губишь меня? Вспомни, что Ты, как глину, обделал меня, и в прах обращаешь меня? Не Ты ли вылил меня, как молоко, и, как творог, сгустил меня, кожей и плотью одел меня, костями и жилами скрепил меня, жизнь и милость даровал мне, и попечение Твое хранило дух мой?" (*10,8-12*). И в некоторых псалмах тоже выражено почтительное измление перед делом Бога, Который образует жизнь человека во чреве матери³⁵.

Вообразимо ли, чтобы этот чудесный процесс рождения жизни хотя бы одно мгновение не

подчинялся мудрому и любовному делу Творца, а был отдан во власть человеческого своеволия? Так, безусловно, не думает мать семи братьев, выражая веру в Бога как Источник и Поручика жизни от самого зачатия и в то же время Основу надежды на новую жизнь после смерти: "Я не знаю, как вы явились во чреве моем; не я дала вам дыхание и жизнь; не мною образовался состав каждого. Итак Творец мира, который образовал природу человека и устроил происхождение всех, опять даст вам дыхание и жизнь с милостью, так как вы теперь не щадите самих себя за Его законы" (2 Макк 7,22-23).

45. Откровение Нового Завета утверждает безоговорочное *признание ценности жизни от самого зачатия*. Елисавета, зачав, изливает свою радость словами, выражающими хвалу чадородию и заботливое ожидание новой жизни: "...Господь (...) призрел на меня, чтобы снять с меня поношение" (Лк 1,25). Но еще сильнее подчеркнута ценность личности от самого ее зачатия при встрече Девы Марии и Елисаветы, а с ними и двух младенцев во чреве матерей. Именно они, младенцы, возвещают пришествие мессианской веры: в момент их встречи начинает действовать искупительная сила присутствия Сына Божия среди людей. "Незамедлительно, — пишет св. Амвросий, — становятся ощутимыми благодеяния, проистекающие от прибытия Марии и присутствия Господа. (...) Елисавета первой услышала голос, а Иоанн первым испытал действие благодати; она услышала в силу природы, он взыграл ввиду тайны; она услышала приближающуюся Марию, а он — Христа; жена увидела пришествие Жены, а младенец — пришествие Младенца. Жены говорят о полученной благодати, младенцы же, оставаясь в материнском чреве, вершат благодать и тайну милосердия ради блага самих матерей, так что в силу двойного чуда матери пророчествуют, вдохновленные сыновьями, которых вынашивают в чреве. О сыне сказано, что он взыграл, а о матери, что она исполнилась Святого Духа. Не мать первую исполнилась Духа, но сын, полный Святого Духа, исполнил также матерь"³⁶.

"Я веровал, и потому говорил я сильно сокрушен" (Пс 116/115,10): жизнь в старости и страдании

46. Если говорить о последних минутах жизни, тоже будет анахронизмом искать в библейском Откровении тексты, прямо связанные с сегодняшней проблематикой уважения к старикам и большим или твердого осуждения попыток насильственно вызвать их преждевременную смерть: в библейском культурном и религиозном контексте такого рода искушения неизвестны — наоборот, в лице старца, ввиду его мудрости и опыта, усматривалось незаменимое богатство для семьи и общества.

Старость пользуется уважением и окружена почетом (см. 2 Макк 6,23). Праведник не просит избавить его от старости и ее тягот — наоборот, он молится, говоря: "Ибо Ты — надежда моя, Господи Боже, упование мое от юности моей. (...) И до старости, и до седины не оставь меня, Боже, доколе не возведу силы Твоей роду сему и всем грядущим могущества Твоего" (Пс 71/70,5. 18). Мессианская эра показана как время, когда "не будет более (...) старца, который не достигал бы полноты дней своих" (Ис 65,20).

Но как устоять в годы старости при неизбежном жизненном упадке? *Какое поведение выбрать перед лицом смерти?* Верующий знает, что его жизнь в руке Божией: "Господь (...) Ты держишь жребий мой" (Пс 16/15,5), — и согласен принять от Него и смерть: "Это приговор от Господа над всякою плотью. Итак для чего ты отвращаешься от того, что благоугодно Всевышнему?" (Сир 41,4/5-6). Человек не господствует над смертью — так же, как он не господствует над жизнью; в жизни и смерти он должен полностью ввериться воле Всевышнего, замыслу Его любви.

Точно так же и во время *болезни* человек призван ввериться Господу и возродить в себе

глубокое доверие к Тому, Кто "исцеляет все недуги" (Пс 103/102,3). Когда человеку кажется, что уже нет надежды выздороветь, так что хочется возопить: "Дни мои — как уклоняющаяся тень; и я иссох, как трава" (Пс 102/101,12), — даже тогда верующий полон несокрушимой веры в животворную силу Бога. Болезнь не погружает его в отчаяние и велит ему не искать смерти, а наоборот, восклицать с надеждой: "Я веровал, и потому говорил: я сильно сокрушен" (Пс 116/115,10); "Господи Боже мой! я воззвал к Тебе, и Ты исцелил меня. Господи! Ты вывел из ада душу мою и оживил меня, чтобы я не сошел в могилу" (Пс 30/29,3-4).

47. Миссия Иисуса и многочисленные совершённые Им исцеления показывают, *как сильно печется Бог и о плотской жизни человека*. Иисус был послан Отцом как "врач плоти и духа"³⁷, чтобы благовествовать нищим и исцелять сокрушенных сердцем (см. Лк 4,18; Ис 61,1). В свою очередь, Он Сам, посылая в мир Своих учеников, поручает им миссию, в которой благовествование соединено с исцелением больных: "Ходя же, проповедуйте, что приблизилось Царство Небесное. Больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте" (Мф 10,7-8; ср. Мк 6,13; 16,18).

Плотская жизнь в своем земном состоянии несомненно не представляет для верующего абсолютной ценности, и он может быть призван оставить ее ради высшего блага; как говорит Иисус, "кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее" (Мк 8,35). Свидетельства тому многочисленны в Новом Завете. Иисус не колеблясь жертвует Собой и добровольно приносит Свою жизнь в жертву Отцу и за друзей Своих (см. Ин 10,15-17). И смерть Иоанна Крестителя, готовящего пришествие Спасителя, доказывает, что земная жизнь — не абсолютное благо: выше ее — верность слову Божьему даже тогда, когда это может стоить жизни (см. Мк 6,17-19). А Стефан первомученик, когда у него должны отнять брэнную жизнь, ибо он верно свидетельствовал о воскресении Христа, следует Учителю и выходит к своим палачам со словами прощения (см. Деян 7,59-60), открывая собой несчетную череду мучеников, с самого начала окруженных церковным почитанием.

Однако ни один человек не может своевольно решать, жить ему или умереть; единственный и абсолютный Владыка, имеющий власть принять такое решение, — Творец, Тот, Которым мы "живем и движемся и существуем" (Деян 17,28).

"Вот книга заповедей Божиих (...). Все, держащиеся ее, будут жить" (Вар 4,1): от закона, данного на Синае, до дара Духа Святого

48. Жизнь несет в себе несмываемую запись *своей правды*. Человек, принимая дар Божий, должен стараться *сохранять жизнь по этой правде*, входящей в самое существо жизни. Оторваться от нее значит осудить себя на существование, лишённое смысла и несчастное, а следовательно, стать прямой угрозой бытию других, поскольку сносятся барьеры, обеспечивающие защиту и соблюдение жизни при всех обстоятельствах.

Правда жизни явлена Божией заповедью. Слово Божие указывает конкретное направление, по которому должна устремляться жизнь, чтобы соблюсти праведность и сохранить достоинство. Не только отдельная заповедь "не убивай" (Исх 20,13; Втор 5,17) обеспечивает защиту жизни: весь закон Господень служит ее защите, ибо являет ту правду, в которой жизнь обретает свой полный смысл.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что завет, который Бог заключает со Своим народом, так тесно связан с перспективой жизни, включая ее плотское измерение. Заповедь здесь показана как *путь жизни*: "Вот Я сегодня предложил тебе жизнь и добро, смерть и

зло. Заповедую тебе сегодня любить Господа Бога твоего, ходить по путям Его, и исполнять заповеди Его и постановления Его и законы Его: и будешь жить и размножишься, и благословит тебя Господь, Бог твой на земле, в которую ты идешь, чтобы овладеть ею" (*Втор* 30,15-16). Речь здесь идет не только о земле Ханаанской и о бытии народа Израиля, но и о сегодняшнем и будущем мире, а также о бытии всего человечества. Ибо совершенно невозможно, чтобы жизнь сохранила свою подлинность и полноту, отрываясь от добра; добро же входит в самое существо заповедей Божиих, или "закона жизни" (см. *Сир* 17,11 /9). Добро, которое следует творить, не навязано жизни, будто гнетущий груз, но представляет собой как раз существенный смысл жизни, строить которую можно только благотворением.

Таким образом, закон как целое охраняет жизнь человека во всей ее полноте. Этим объясняется, почему так трудно хранить верность заповеди "не убивай", если не соблюдаются другие "живые слова" (см. *Деян* 7,38), с которыми связана эта заповедь. Вырванная из контекста, она в конце концов становится лишь обычным внешним запретом, и человек сразу начинает искать, чем этот запрет ограничен, как его смягчить, а в исключительных обстоятельствах — и как уклониться от его соблюдения. Только опираясь на полноту истины о Боге, человеке и истории, заповедь "не убивай" обретает свое полное сияние как благо для человека во всех его измерениях и соотношениях. В этой перспективе мы можем воспринять полноту истины, заключенной в словах Книги Второзакония, которые Иисус приводит в ответ на первое искушение в пустыне: "...не одним хлебом живет человек, но всяким (словом), исходящим из уст Господа" (8,3; ср. *Мф* 4,4).

Слушая слово Божие, человек может жить достойно и праведно; соблюдая закон Божий, человек может приносить плоды жизни и счастья: "Вот книга заповедей Божиих и закон, пребывающий вовек. Все, держащиеся ее, будут жить, а оставляющие ее умрут" (*Вар* 4,1).

49. История Израиля показывает, как трудно хранить верность закону жизни, который Бог начертал в сердцах людей и дал народу Завета на горе Синай. Когда некоторые сыны Израиля искали такого образа жизни, который не соответствовал замыслу Божьему, то в первую очередь пророки твердо напоминали, что один Бог есть истинный источник жизни. У Иеремии мы читаем: "Ибо два зла сделал народ Мой: Меня, источник воды живой, оставили, и высекли себе водоемы разбитые, которые не могут держать воды" (2,13). Пророки обвиняют тех, кто презирает жизнь и нарушает права личности: "Жаждают, чтобы прах земной был на голове бедных" (*Ам* 2,7); "...наполнили место сие кровью невинных" (*Иер* 19,4). Пророк Иезекииль многократно клеймит за это Иерусалим, называя его "городом кровей" (см. 22,2; 24,6. 9) и "городом, проливающим кровь среди себя" (см. 22,3).

Разоблачая преступления против жизни, пророки прежде всего старались пробудить чаяние новой жизненной основы, способной учредить обновленные узы с Богом и братьями, открывая при этом прежде неизвестные, необычайные возможности понимания и исполнения всех требований *Евангелия жизни*. Это станет возможно только благодаря дару Божьему, который очищает и обновляет: "И окроплю вас чистою водою, и вы очиститесь от всех скверн ваших, и от всех идолов ваших очищу вас. И дам вам сердце новое, и дух новый дам вам" (*Иез* 36,25-26; ср. *Иер* 31,31-34). Это "сердце новое" позволяет понять и воплотить самый истинный и глубокий смысл жизни, каковым является дар, исполняющийся в самопожертвовании. Эту возвышенную проповедь о ценности жизни несет в себе библейский образ Отрока Господня: "... когда же Душа Его принесет жертву умилоствления, Он узрит потомство долговечное (...). На подвиг души Своей Он будет смотреть с довольством" (*Ис* 53,10-11).

Закон исполняется в жизни и деятельности Иисуса из Назарета, а новое сердце дается человеку действием Его Духа. Ибо Иисус не отвергает закон, но приводит к его

исполнению: закон и пророки входят в рамки золотого правила взаимной любви (см. Мф 7,12). В Иисусе закон окончательно становится *Евангелием*, Благой Вестью о господстве Божиим над миром и возвращает всякое бытие к его корням и первоначальным путям. Это *новый закон*, "закон духа жизни во Христе Иисусе" (Рим 8,2), а его главное проявление, по образцу Христа, полагающего душу за друзей своих (см. Ин 15,13), — *самопожертвование из любви к братьям*: "Мы знаем, что мы перешли из смерти в жизнь, потому что любим братьев" (1 Ин 3,14). Это закон свободы, радости и счастья.

"Воззрят на Того, Которого пронзили" (Ин 19,37): на древе креста исполняется Евангелие жизни

50. Заканчивая эту главу, посвященную рассмотрению христианской проповеди жизни, я хотел бы на минуту остановиться с каждым из вас, чтобы вместе *созерцать Того, Которого пронзили*, Того, Кто всех привлекает к Себе (см. Ин 19,37; 12,32). Глядя на "зрелище" креста (Лк 23,48), мы можем увидеть в этом достославном древе исполнение и полное откровения всего *Евангелия жизни*.

В Страстную пятницу, вскоре после полудня, "сделалась тьма по всей земле (...). И померкло солнце, и завеса в храме раздралась по середине" (Лк 23,44-45). Это картина огромного космического потрясения и сверхчеловеческого поединка между силами добра и зла, между жизнью и смертью. И мы сегодня находимся в самом центре драматической борьбы между "культурой смерти" и "культурой жизни". Но сияние креста не угашено этой тьмой — наоборот, на ее фоне крест сияет еще сильнее и ярче, *являя себя средоточием, смыслом и целью* всей истории и каждой человеческой жизни.

Иисус прибит ко кресту и вознесен над землей. Он переживает мгновения Своей величайшей "немощи", а жизнь Его кажется полностью отданной на осмеяние врагов и насилие палачей: над Ним издеваются, Его злословят и поносят (см. Мк 15,24-26). Но именно перед лицом всего этого, "увидев, что Он, так возгласив, испустил дух", римский сотник говорит: "Истинно Человек Сей был Сын Божий" (Мк 15,39). Таким образом, ипостась Сына

Божьего открывается в минуту Его крайней слабости: *на кресте открывается Его слава!*

Смертью Своей Иисус освещает смысл жизни и смерти каждого человеческого существа. Перед смертью Он молится Отцу о прощении Своих гонителей (см. Лк 23,34), а разбойнику, который просит, чтобы Иисус помянул его в Царствии Своем, отвечает: "Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю" (Лк 23,43). После Его смерти "гробы отверзлись; и многие тела усопших святых воскресли" (Мф 27,52). Спасение, принесенное Иисусом, — это дар жизни и воскресения. Всю Свою жизнь Иисус давал людям спасение, благовора и всех исцеляя (см. Деян 10,38). Но чудеса, исцеления и даже воскресения знаменовали иное спасение, основанное на прощении грехов, то есть на избавлении человека от самой тяжелой болезни и вознесении его к жизни Бога Самого.

На кресте, обретая полное и окончательное совершенство, обновляется и свершается чудо змеи, вознесенной Моисеем в пустыне (см. Ин 3,14-15; Числ 21,8-9). И сегодня всякий, чье бытие находится в опасности, может взглянуть на Того, Которого пронзили, чтобы обрести несомненную надежду на избавление и искупление.

51. Есть еще одно событие, которое привлекает мое внимание и склоняет к глубокому созерцанию: "Когда же Иисус вкусил уксуса, сказал: совершилось! И, преклонив главу, предал дух" (Ин 19,30). А один из римских воинов "копьем пронзил Ему ребра, и тотчас

истекла кровь и вода" (Ян 19,34).

Уже все совершилось. Слова "предал дух" описывают смерть Иисуса, похожую на смерть всякого другого человека, но, по-видимому, указывают также на "дар Духа", которым Он спасает нас от смерти и открывает к новой жизни.

Человек получает удел в жизни Самого Бога. Благодаря церковным таинствам, символ которых

— кровь и вода, вытекающие из ребра Христова, эта жизнь постоянно передается чадам Божиим, и они становятся народом Нового Завета. *Из креста — источника жизни — рождается и возрастает "народ жизни"*.

Созерцание креста приводит нас, таким образом, к глубочайшим корням того, что совершилось. Иисус, Который, приходя в мир, сказал: "Вот, иду исполнить волю Твою, Боже" (см. *Евр 10,9*), — стал во всем послушен Отцу и, "возлюбив Своих сущих в мире, до конца возлюбил их" (*Ин 13,1*), отдав за них Себя Самого.

Он, Который "не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих" (*Мк 10,45*), достигает на кресте вершины любви: "Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих" (*Ин 15,13*). А Он умер за нас, когда мы еще были грешниками (см. *Рим 5,8*).

Тем самым Он возвещает, что *жизнь достигает своей вершины, смысла и полноты, когда приносится в жертву*.

Здесь наш анализ превращается в преклонение и благодарение и в то же время зовет нас следовать Иисусу и идти за Ним (см. *1 Петр 2,21*).

И мы тоже призваны положить душу за братьев, воплощая этим истинный смысл и предназначение нашего существования.

Мы способны это сделать, ибо Ты, Господи, показал нам пример и наделил нас силой Твоего Духа. Мы сумеем это сделать, если каждый день — с Тобою и как Ты — будем послушно исполнять волю Отца.

Позволь же нам суметь смиренным и самоотреченным сердцем слушать каждое слово, исходящее из уст Божиих: так мы не только научимся "не убивать" человеческую жизнь, но еще и сумеем чтить ее, любить и укреплять.

Глава III

НЕ УБИВАЙ

СВЯТОЙ ЗАКОН БОЖИЙ

"Ежели же хочешь войти в жизнь вечную, соблюди заповеди" (Мф 19,17): Евангелие и заповеди

52. "И вот некто, подойдя, сказал Ему: Учитель благий! что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную?" (*Мф 19,16*). Иисус ответил: "Ежели же хочешь войти в жизнь вечную, соблюди заповеди" (*Мф 19,17*). Учитель говорит о жизни вечной, то есть об уделе в жизни Самого Бога. Путь к этой жизни ведет через соблюдение заповедей Божиих, следовательно, и заповеди "не убивай". Это первая заповедь Десятисловия, которую напоминает Иисус

юноше, спрашивающему Его, какие заповеди надо соблюдать. "Иисус же сказал: не убивай; не прелюбодействуй; не кради" (Мф 19,18).

Заповедь Божию никогда нельзя отделять от любви к Богу, она всегда дар, который должен служить развитию человека и радости его. Заповедь как таковая всегда составляет существенный аспект и неотделимый элемент Евангелия — более того, она сама открывается как "евангелие", т.е. добрая и радостная новость. И Евангелие жизни — великий дар Божий и в то же время задача для человека, налагающая на него обязательства. У свободной личности оно возбуждает восхищение и благодарность и требует, чтобы та приняла его, хранила и ценила с живейшим ощущением ответственности: давая человеку жизнь, Бог требует, чтобы человек любил ее, чтил и развивал. Так дар становится заповедью, а заповедь сама и есть дар.

Творец хотел, чтобы человек, живой образ Бога, был царем и господином. "Бог создал человека, — пишет св. Григорий Нисский, — так, чтобы он мог царствовать на земле. (...) Человек сотворен по подобию Того, кто правит вселенной. Все это показывает, что его природа с самого начала носит царственную печать. (...) Человек — тоже царь. Созданный, чтобы господствовать над миром, он получил подобие Царю вселенной: он — живой образ, который своим достоинством участвует в совершенстве Божественного образца"³⁸. Человек, призванный плодиться и размножаться, и обладать землей, и владычествовать над всеми существами, которые ниже его (см. Быт 1,28), — царь и господин не только над вещами, но также и прежде всего над самим собою³⁹, а в определенном смысле — и над жизнью, которая ему дана и которую он может передавать благодаря делу чадородия, исполняемому в любви и при соблюдении замысла Божия. Однако это господство не абсолютное, а служебное — действительный отблеск единственного, бесконечного господства Бога. Поэтому человек обязан исполнять его с мудростью и любовью, участвуя в безмерной мудрости и любви Бога. А это совершается путем соблюдения Его священного закона — соблюдения свободного и радостного (см. Пс 119/118), источником и пищей которому служит сознание того, что заповеди Господни — это дар благодати, вверенный человеку только и исключительно ради его блага, чтобы беречь его личное достоинство и вести его к счастью.

Человек — не абсолютный властелин и своевольный судья вещей, а тем более жизни, но "служитель плана, установленного Творцом"⁴⁰, — и на этом стоит его несравненное величие.

Жизнь вверена человеку как сокровище, которое он не имеет права растратить, и как талант для использования. Человек должен отчитаться в ней перед Господом (см. Мф 25,14-30; Лк 19,12-27).

"Я възьму (...) душу человека от руки человека" (Быт 9,5): жизнь человеческая свята и нерушима

53. "Жизнь человеческая свята, ибо с самого начала она требует «творческого действия Бога» и навсегда остается особо соотнесенной с Творцом, своей единственной целью. Сам Бог есть Господь жизни с самого ее начала и до конца. Никто ни при каких обстоятельствах не может претендовать на право прямо уничтожить невинное человеческое существо"⁴¹. Такими словами в инструкции "Donum vitae" выражено принципиальное содержание Божественного Откровения о святости и нерушимости человеческой жизни.

Священное Писание действительно являет человеку заповедь "не убивай" как повеление Божие (Исх 20,13; Втор 5,17). Она находится, как я уже подчеркивал, в Десятизловии, в

самом сердце завета, заключенного Богом с Его избранным народом, но она входила также и в первоначальный завет, который Бог заключил с человечеством после очистительного потопа, ниспосланного в наказание за распространившиеся грехи и насилие (см. *Быт* 9,5-6).

Бог провозглашает Себя абсолютным Господом жизни человека, созданного по Его образу и подобию (см. *Быт* 1,26-28). Таким образом, человеческая жизнь носит святой и нерушимый характер, в чем отражается нерушимость Самого Творца. Поэтому именно Сам Бог будет суровым судьей каждого нарушения заповеди "не убивай", составляющей основу всякого социального общежития. Именно Бог есть Искупитель, Избавитель, то есть Защитник невинного (см. *Быт* 4,9-15; *Ис* 41,14; *Иер* 50, 34; *Пс* 19/18,15). Этим Бог тоже показывает, что "не радуется погибели живущих" (*Прем* 1,13). Только диавол может этому радоваться: его завистью смерть вошла в мир (см. *Прем* 2,24). Он, "человекоубийца от начала", есть также "лжец и отец лжи (см. *Ин* 8,44): соблазняя человека, он ведет его ко греху и смерти, показывая их как цель и плод жизни.

54. Заповедь "не убивай" имеет откровенно отрицательное содержание: она указывает ту важную границу, которую никогда нельзя переходить. Косвенно, однако, она содействует положительной направленности — позициям совершеннейшего почитания жизни, ведет к ее защите и дальнейшему продвижению по пути любви, которая приносит себя в дар, принимает и служит. И народ Завета, хотя медленно и с трудностями, постепенно созрел, чтобы стать на такие позиции, тем самым готовя себя к великой заповеди Иисуса: заповедь любви к Ближнему подобна заповеди любви к Богу; "на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки" (см. *Мф* 22,36-40). "Ибо заповеди: (...) «не убивай» (...) и все другие, — подчеркивает апостол Павел, — заключаются в сем слове: «люби ближнего твоего, как самого себя»" (*Рим* 13,9; ср. *Гал* 5,14). Заповедь "не убивай", принятая и исполненная в новом законе, остается необходимым условием того, чтобы "иметь жизнь вечную" (см. *Мф* 19,16-19). В том же аспекте звучат и решительные слова апостола Иоанна Богослова: "Всякий, ненавидящий брата своего, есть человекоубийца; а вы знаете, что никакой человекоубийца не имеет жизни вечной" (*1 Ин* 3,15).

С самого начала *живое церковное предание* заново и самым решительным образом подтверждало заповедь "не убивай", как свидетельствует об этом "Учение двенадцати апостолов", самый древний христианский памятник вне Библии: "Два пути есть, один жизни, другой смерти, различие же между этими путями велико. (...) Вторая же заповедь учения такова: не убивай, (...) не убивай плода, не отнимай жизни у младенца. (...) А вот путь смерти: (...) не знают жалости к несчастному, не помогают труждающемуся, не считаются с Творцом, но без угрызений совести убивают младенцев и изгоняют плод, отворачиваются от нищего, терзают угнетенного, защищают богатых, а бедных судят несправедливо и вообще все возможные совершают грехи. Вы, дети, не имейте с этим ничего общего!"⁴²

С течением времени церковное Предание продолжало недвусмысленно учить абсолютной, непоколебимой ценности заповеди "не убивай". Общеизвестно, что в первые века христианства убийство включалось в число трех тяжелейших грехов — вместе с отступничеством и прелюбодеянием — и что раскаявшийся убийца должен был проходить исключительно долгое и тяжелое публичное покаяние, прежде чем его прощали и вновь принимали в церковную общину.

55. Это не должно удивлять, поскольку убийство человеческого существа, образа Божия, составляет особенно тяжелый грех. *Только Бог — Господь жизни!* Но по отношению к многочисленным, часто крайне драматическим событиям, которые случаются в индивидуальной и общественной жизни, мысль верующих всегда стремилась полнее и глубже понять, что запрещает заповедь Божия и что она предписывает⁴³. Существуют же

обстоятельства, в которых ценности, содержащиеся в законе Божиим, обретают форму истинного парадокса. Так, например, обстоит дело *при необходимой обороне*, когда в конкретных обстоятельствах право защищать свою жизнь и обязанность не вредить жизни другого человека трудно согласуются. Не подлежит сомнению, что внутренняя ценность жизни и обязанность любить самого себя так же, как и других, составляют основу *подлинного права на самооборону*. Даже требовательная заповедь любви к ближнему, проповеданная в Ветхом Завете и подтвержденная Иисусом, принимает за исходную точку любовь к самому себе: "Возлюби ближнего твоего, как самого себя" (Мк 12,31). Поэтому никто не может отказаться от права на самооборону только из-за того, что недостаточно любит жизнь или самого себя, — он может это сделать лишь в силу героической любви, которая, в согласии с духом евангельских блаженств (см. Мф 5,38-48), углубляет и преобразует любовь к самому себе в решительную готовность к самопожертвованию, высочайший образец которого — Сам Господь наш Иисус Христос.

С другой стороны, "необходимая оборона может быть не только правом, но и серьезной обязанностью того, кто отвечает за жизнь другого лица, за общее благо семьи или государства"⁴⁴. Иногда, к сожалению, случается, что необходимость отнять у агрессора возможность нанести вред приводит к лишению его жизни. В таком случае вина за смерть ложится на самого агрессора, который своими действиями сам поставил себя под удар, в том числе и тогда, когда он не несет нравственной ответственности ввиду умственной неполноценности⁴⁵.

56. В этом аспекте следует рассматривать и смертную казнь. Как внутри Церкви, так и внутри гражданского общества все шире раздается требование предельно ограничить ее применение или даже совершенно ее отменить. Эту проблему следует рассматривать в контексте уголовного правосудия, которое должно все больше отвечать достоинству человека, а значит, в конечном счете — и замыслу Бога о человеке и обществе. Действительно, наказание, налагаемое обществом, прежде всего имеет целью "исправить беспорядок, вызванный правонарушением"⁴⁶. Общественные власти должны противодействовать нарушению прав личности и общества, налагая на виновного наказание, соразмерное преступлению, как условие того, чтобы он заново получил право пользоваться своей собственной свободой. Тем самым власти одновременно достигают своей цели, состоящей в охране общественного порядка и личной безопасности, а для самого преступника наказание становится стимулом и помощью в исправлении и расплате за грехи⁴⁷.

Понятно, что для того, чтобы достичь всех этих целей, *размеры и характер наказания* следует внимательно рассматривать и оценивать и не доводить до высшей меры, т.е. лишения преступника жизни, кроме случаев абсолютной необходимости — таких, когда у общества нет других способов защиты. Однако в наше время, благодаря все улучшающейся организации пенитенциарных заведений, подобные случаи все более редки, а может быть, и совсем не встречаются.

Во всяком случае остается в силе принцип, указанный в новом "Катехизисе Католической Церкви": "Если бескровные средства достаточны для защиты человеческой жизни от агрессора и для охраны общественного порядка и личной безопасности, власти должны применять эти средства, поскольку они более согласуются с конкретной обусловленностью общего блага и больше отвечают достоинству человеческой личности"⁴⁸.

57. Если такое большое внимание уделяется уважению ко всякой жизни, даже к жизни преступника и несправедливого агрессора, то по отношению к *невинной личности* заповедь "не убивай" обладает абсолютной ценностью, тем более когда это личность слабая и

беззащитная, которая лишь в абсолютной силе заповеди Божией находит твердую защиту от произвола и насилия окружающих.

Действительно, абсолютная нерушимость невинной человеческой жизни — это нравственная истина, прямо вытекающая из того, чему учит Священное Писание, истина, неизменно признаваемая церковным Преданием и единодушно провозглашаемая в церковном вероучении. Это единодушие — несомненный плод того "сверхъестественного разума веры", пробуждаемого и укрепляемого Духом Святым, которое защищает народ Божий от заблуждений, когда он "выражает свое соборное согласие в области веро- и нравоучения"⁴⁹.

В совести людей и в обществе постепенно исчезает понимание того, что прямо лишить жизни какое бы то ни было невинное человеческое существо, особенно в начале и конце его существования, есть абсолютное, нравственно тяжкое правонарушение. Поэтому *церковное Учительство* стало интенсивнее выступать в защиту святости и нерушимости человеческой жизни. С папским учительством, особенно часто возвращавшимся к этому вопросу, всегда было связано учительство епископов, содержащееся в многочисленных обширных вероучительных и пастырских документах, выпускаемых как конференциями епископатов, так и отдельными епископами. И 2-й Ватиканский собор высказался по этому вопросу кратко, но решительно и недвусмысленно⁵⁰.

Поэтому я силой власти Христовой, данной Петру и его преемникам, в общении с епископами Католической Церкви, *подтверждаю, что прямое умышленное убийство невинного человеческого существа всегда остается глубоко безнравственным деянием. Эта доктрина, основанная на том неписаном законе, который все люди благодаря свету разума находят в своих сердцах (см. Рим 2,14-15), утверждена в Священном Писании, передана церковным преданием и преподана в обычном и вселенском Учительстве*⁵¹.

Сознательное, добровольное решение лишить жизни невинное человеческое существо — с нравственной точки зрения, всегда зло и никогда не может быть дозволено ни как цель, ни как средство на пути к благой цели. Это акт серьезного неповиновения нравственному закону и, более того, Самому Богу как Творцу и Поручке; это акт, противоречащий фундаментальным добродетелям правды и любви. "Ничто и никто не может дать права убивать невинное человеческое существо, будь то зародыш или плод, ребенок или взрослый, старик, неизлечимый больной или умирающий. Кроме того никто не может требовать, чтобы акт убийства был совершен по отношению к нему самому или же лицу, порученному его опеке, не может также прямо или косвенно выразить согласие на это. Никакая власть не имеет права принуждать к этому или давать на это позволение"⁵².

С точки зрения права на жизнь, каждое невинное человеческое существо совершенно равно всем остальным. Это равенство составляет основу всех подлинных общественных отношений, заслуживающих так называться только тогда, когда они опираются на истину и справедливость, признавая и защищая каждого человека как личность, а не как вещь, которой можно распоряжаться. Перед нравственной нормой, которая запрещает прямое убийство невинного человеческого существа, "ни для кого нет ни привилегий, ни исключений. Не имеет значения, владыка мира данный человек или последний «нищий» на земле: перед нравственными требованиями все абсолютно равны"⁵³.

"Когда я созидаем был втайне, зародыш мой видели очи Твои" (Пс 139/138,15-16): отталкивающее преступление прерывания беременности

58. Среди всех преступлений против жизни, какие может совершить человек, прерывание

беременности обладает чертами, которые делают его особенно серьезным и заслуживающим осуждения. 2-й Ватиканский собор называет его вместе с детоубийством "ужасными преступлениями"⁵⁴.

Сегодня, однако, в совести многих людей понимание этого зла исчезает. Тот факт, что умонастроения, нравы и даже законодательство признают прерывание беременности, — красноречивый признак необычайно опасного кризиса нравственного чувства, которое постепенно утрачивает способность различать добро и зло, притом даже тогда, когда речь идет о фундаментальном праве на жизнь. В такой опасной обстановке сегодня особенно нужна смелость, позволяющая смотреть правде в глаза и *называть вещи своими именами*, не поддаваясь удобным компромиссам или искушению самообмана. В этом контексте категорически звучит предостережение пророка: "Горе тем, которые зло называют добром, и добро злом, тьму почитают светом, и свет тьмою" (*Ис 5,20*). Именно по отношению к прерыванию беременности сегодня приходится сталкиваться с двусмысленной терминологией — например, с термином "операция", — направленной на сокрытие его истинной природы и смягчение этой тяжести в сознании общественности. Может быть, сам этот языковой феномен *уже представляет собой проявление тревоги, будоражащей совесть. Но никакое слово не способно изменить действительность: прерывание беременности — независимо от того, каким способом оно осуществляется, — это сознательное, прямое убийство человеческого существа в начальной стадии его жизни, охватывающей период между зачатием и рождением.*

Нравственная тяжесть прерывания беременности обнаруживается во всей своей истине, если признать, что происходит убийство, и особенно если анализировать определяющие его обстоятельства. Убитый здесь — человеческое существо на пороге жизни, то есть самое *невинное* существо, какое только можно себе представить: его невозможно признать агрессором, а тем более — несправедливым агрессором! Оно *слабо* и беззащитно до такой степени, что лишено даже той ничтожной защиты, которую дают новорожденному его жалобный писк и плач.

Оно *полностью* *вверено* заботе и опеке той, что вынашивает его во чреве. Но иногда именно она, мать, принимает решение и добивается убийства этого существа или даже сама его провоцирует.

Правда, прерывание беременности часто становится для матери драматическим, горестным переживанием, если решение об изгнании плода она принимает не по чисто эгоистическим соображениям, не ради своего удобства, но чтобы спасти какие-то важные блага, такие, как свое здоровье или приличный уровень жизни других членов семьи. Иногда возникает опасение, что зачатому ребенку придется жить в таких плохих условиях, что лучше бы ему не родиться. Однако все эти и им подобные соображения, пусть серьезные и драматические, *никогда не оправдают умышленного лишения жизни невинного человеческого существа.*

59. Решение убить нерожденного младенца часто вместе с матерью принимают и другие лица. Виновником бывает прежде всего отец ребенка, и не только тогда, когда прямо склоняет женщину прервать беременность, но и когда косвенно содействует тому, чтобы она приняла это решение, оставляя ее одну со всеми трудностями, связанными с беременностью⁵⁵: так семья оказывается смертельно раненной и обесчеченной в своей природе общины любви и призвании "святылища жизни". Не следует также забывать о давлении, оказываемом более широким кругом родных и друзей. Нередко женщина подвергается такому сильному нажиму, что психологически чувствует себя вынужденной согласиться на прерывание беременности: не подлежит сомнению, что в этом случае нравственная ответственность особо ложится на тех, кто прямо или косвенно заставил ее

прервать беременность. Ответственность несут также врачи и медицинские работники, которые ставят на службу смерти знания и умения, полученные для того, чтобы охранять жизнь.

Но ответственность ложится и на законодателей, которые поддержали и утвердили законы, допускающие прерывание беременности, а также — в той мере, в какой это от них зависит, — на вышестоящие инстанции органов здравоохранения, в системе которых совершается прерывание беременности. Общая и не менее серьезная ответственность ложится также на тех, кто содействовал распространению половой распущенности и презрения к материнству, и на тех, кто обязан был позаботиться — но не позаботился — об успешной семейной и социальной политике, поддерживающей семьи, особенно многодетные, которые борются с чрезвычайными трудностями, как материальными, так и в области воспитания. Наконец, не следует забывать об организованном заговоре, в который входят также международные организации, ассоциации и фонды, ведущие плановую борьбу за легализацию и распространение абортов во всем мире. В этом смысле проблема прерывания беременности выходит за рамки ответственности отдельных лиц, а причиненное ими зло приобретает далеко идущие социальные последствия: прерывание беременности — это крайне болезненная травма, нанесенная обществу и его культуре теми, кто должен быть его строителями и защитниками. Как я написал в "Послании к семьям", "здесь мы стоим перед лицом огромной опасности, угрожающей не только жизни отдельной человеческой личности, но всей нашей цивилизации"⁵⁶. Мы стоим перед лицом того, что можно определить как *"структуру греха", направленную против еще не родившейся человеческой жизни*.

60. Некоторые пытаются оправдать прерывание беременности, считая, что до истечения определенного числа дней плод зачатия не может почитаться личностной человеческой жизнью. В действительности "от момента оплодотворения яйцеклетки начинается жизнь, которая уже не жизнь отца или матери, но жизнь нового человеческого существа, развивающегося самостоятельно. Оно никогда не станет человеком, если оно не человек уже в этот момент. Эту очевидную истину, всегда признававшуюся, (...) современная генетика подтверждает ценными доказательствами. Она показала, что с первого мгновения существует точная программа того, кем будет живое существо — человеком, тем конкретным человеком, чьи черты в целом и в деталях определены. С оплодотворения начинается история жизни человека, хотя нужно время, чтобы каждая из его потенциальных великих способностей вполне сформировалась и могла использоваться"⁵⁷. Хотя наличие разумной души никак не может быть подтверждено опытным путем, но само научное знание о человеческом зародыше "дает ценное указание для того, чтобы можно было рационально познать наличие личности с первого момента появления человеческой жизни: разве человеческий индивидуум — это не то же, что человеческая личность?"⁵⁸

Речь здесь, кстати, идет о вопросе, столь важном с точки зрения нравственного долга, что даже одной вероятности существования личности было бы достаточно, чтобы оправдать самый категорический запрет любого вмешательства, направленного на уничтожение человеческого зародыша. Именно поэтому, независимо от научных споров и философских суждений, в которые церковное Учительство прямо не включалось, Церковь всегда учила и продолжает учить, что плод человеческого размножения с первого момента своего существования имеет право на то безусловное уважение, которое положено человеческому существу в его телесном и духовном единстве и целостности: "Человеческое существо должно уважаться и рассматриваться как личность с момента своего зачатия, и поэтому с того же момента за ним следует признать права личности, среди которых первое место занимает нерушимое право каждого невинного человеческого существа на жизнь"⁵⁹.

61. В текстах Священного Писания, где вообще нет и речи о добровольном прерывании беременности и, следовательно, не содержится прямого и определенного осуждения этого поступка, проявлено огромное уважение к человеческому существу в материнском чреве, и это заставляет нас логически сделать вывод, что и оно объято Божией заповедью "не убивай".

Человеческая жизнь свята и нерушима в любой момент своего бытия, в том числе и в начальной стадии, предшествующей рождению. Человек уже в чреве матери принадлежит Богу, ибо Тот, Кто все испытал и знает, творит его и формирует Своими руками, видит его еще маленьким бесформенным зародышем и способен узреть в нем взрослого человека, которым тот станет в будущем и дни которого уже исчислены, а назначение записано в книге жизни (см. *Пс* 139/138,1. 13-16). Как свидетельствуют многочисленные библейские тексты⁶⁰, и человек, еще скрытый во чреве матери, во всей полноте является личностным существом, к которому обращено любящее отцовское Провидение Божие.

Христианское предание — как об этом четко сказано в декларации Конгрегации вероучения по этому вопросу⁶¹ — с самого начала и до наших дней остается ясным и недвусмысленным: оно определяет прерывание беременности как особенно серьезный нравственный проступок. Едва столкнувшись с греко-римским миром, где широко практиковались прерывание беременности и детоубийство, христианская община и учением, и поведением решительно восстала против нравов тогдашнего общества, как об этом свидетельствует цитировавшееся выше "Учение двенадцати апостолов"⁶². Афинагор, один из греческих церковных писателей, напоминает, что христиане считают убийцами женщин, применяющих средства для изгнания плода, ибо дети, хотя и скрытые еще в чреве матери, "уже окружены опекой Провидения Божия"⁶³. Тертуллиан, латинский писатель, говорит: "Кто не позволяет человеку родиться — убивает его прежде времени; не имеет значения, убивают ли уже родившееся лицо или вызывают смерть в момент рождения. Человек уже тот, кому предназначено им быть"⁶⁴.

На протяжении почти двух тысяч лет существования Церкви это учение неизменно возвещали отцы Церкви, ее пастыри и учителя. И дискуссии в области точных наук и философии, относящиеся к конкретному моменту, в который наступает соединение с разумной душой, никогда ни в малейшей степени не подрывали нравственного осуждения абортов.

62. Новейшее *папское учительство* крайне решительно подтвердило эту общепринятую доктрину. В особенности Пий XI в энциклике "Casta connubii" отверг лживые оправдания прерывания беременности⁶⁵; Пий XII осудил всякий прямой аборт, то есть всякое действие, прямо направленное на убийство еще не рожденной человеческой жизни, "независимо от того, является это убийство самоцелью или только средством достижения цели"⁶⁶; Иоанн XXIII подтвердил истину о том, что человеческая жизнь свята, поскольку "с самого начала она нуждается в действии Бога Творца"⁶⁷. 2-й Ватиканский собор, как уже упоминалось, крайне резко осудил прерывание беременности: "...жизнь с самого зачатия должна быть оберегаема с величайшей заботой; аборт и детоубийство являются ужасными преступлениями"⁶⁸.

Начиная с первых веков *церковная каноническая дисциплина* накладывала наказания на тех, кто запятнал себя грехом прерывания беременности, и эта практика, предусматривающая санкции разной степени тяжести, находила подтверждение в разные периоды истории. "Кодекс канонического права" 1917 года за прерывание беременности грозил отлучением от церкви⁶⁹. По той же линии идет и обновленное каноническое законодательство,

утверждающее: "Кто вызывает прерывание беременности, если результат достигнут, подлежит *отлучению в силу действия самого закона*"⁷⁰, то есть в силу самого факта преступления. Отлучение охватывает всех, кто совершает это преступление, зная, какая за него надлежит кара, следовательно, и тех соучастников, без которых преступление не было бы совершено⁷¹. С помощью такого сурового наказания Церковь указывает на это преступление как на одно из самых тяжких и опасных, поощряя преступника ревностно искать пути покаяния. Ибо в Церкви кара отлучения налагается для того, чтобы виновный мог вполне осознать серьезность совершенного греха и чтобы затем привести его к окончательному покаянию и раскаянию.

Это великое единодушие вероучительных и дисциплинарных традиций Церкви позволило Павлу VI заявить, что учительство в этой области "не изменилось и остается неизменным"⁷². Поэтому силою власти, данной Христом Петру и его преемникам, в общении с епископами, которые многократно осуждали прерывание беременности, а в рамках вышеупомянутой консультации единодушно — хоть и были рассеяны по всему миру — выразили одобрение этой доктрине, *я заявляю, что прямое прерывание беременности, то есть задуманное как цель или как средство, — всегда серьезное преступление против нравственности*, ибо является добровольным убийством невинного человеческого существа. Эта доктрина основана на естественном праве и на писаном слове Божиим, передана церковным преданием и преподана в обычном и вселенском Учительстве⁷³.

Никакие обстоятельства, никакая цель, никакой в мире закон не смогут сделать достойным деяние, которое недостойно по своей природе, ибо противится закону Божьему, написанному в сердце каждого человека, познаваемому разумом и проповедуемому Церковью.

63. Нравственная оценка прерывания беременности относится и к новым формам *действий, производимых над человеческими зародышами* и неизбежно, даже если они направлены на достойные по своей природе цели, приводящих к уничтожению зародышей. Это относится к *экспериментам над зародышами*, все шире производящимся в рамках биомедицинских исследований и допускаемых законами некоторых государств. Хотя "следует считать допустимыми действия, производимые над человеческими зародышами, при условии, что жизнь и целостность зародыша будут соблюдены, что эти действия не подвергнут его несоразмерно высокому риску, но будут предприниматься в целях лечения, улучшения его состояния здоровья или же ради спасения жизни, оказавшейся в опасности"⁷⁴, в то же время нужно сказать, что использование человеческих зародышей и плодов как предмета экспериментов — это преступление против их достоинства человеческих существ, которые имеют право на такое же уважение, как и уже родившийся ребенок и как каждый человек⁷⁵.

Такого же нравственного осуждения заслуживает и практика использования еще живых человеческих зародышей и плодов — иногда "произведенных" специально с этой целью путем оплодотворения в пробирке — либо как "биологического материала", либо как *источника органов или тканей для пересадки*, служащих лечению некоторых заболеваний. На самом деле, убийство невинных человеческих существ даже тогда, когда оно приносит пользу другим, — абсолютно недопустимое деяние.

Следует обратить особое внимание на нравственную оценку *методов дородового диагноза*, которые позволяют раннее обнаружение возможных аномалий в организме еще не родившегося ребенка.

Ввиду сложности этих методов их оценка должна быть как можно более точной и определенной. Они нравственно достойны, когда не создают чрезмерной опасности для

младенца и матери и применяются для того, чтобы позволить раннее лечение или помочь спокойному и сознательному приему ребенка, которому предстоит родиться. Не забудем, однако, что возможности лечения до родов сегодня еще ограничены и эти методы нередко ставятся на службу евгенической умонаправленности, допускающей селективное прерывание беременности с целью помешать рождению детей с различного рода врожденными недостатками. Такая умонаправленность позорна и в высшей степени заслуживает осуждения, поскольку претендует на то, чтобы измерять ценность человеческой жизни исключительно в соответствии с критериями "нормальности" и физического здоровья, открывая тем самым путь к узаконению также детоубийства и евтаназии.

В действительности же именно смелость и радость, с которыми наши многочисленные братья, пораженные серьезными физическими недостатками, идут по жизни, если встретят радушие и любовь с нашей стороны, — именно они дают необычайно выразительное свидетельство о подлинных ценностях, формирующих жизнь и делающих ее даже в тяжелых условиях ценной как саму по себе, так и для других. Церковь стоит плечом к плечу с теми супругами, которые с тревогой и болью соглашаются принять детей, пораженных серьезными врожденными недостатками; она также благодарна всем семьям, которые усыновляют детей, брошенных родителями из-за увечья или болезни.

"Я умерщвляю и Я оживляю" (Втор 32,39): драма евтаназии

64. На склоне жизни человек стоит перед лицом тайны смерти. Сегодня, в результате успехов медицины и в том культурном контексте, который зачастую глух ко всему трансцендентному, опыт умирания приобретает новые характерные черты. Ибо, когда начинает перевешивать тенденция признавать жизнь ценной только в той мере, в какой она составляет источник удовольствий и благополучия, страдание представляется невыносимой тяжестью, от которой надо избавиться любой ценою. Смерть считается "бессмысленной", когда внезапно кладет конец жизни, еще устремленной в будущее, которое может принести много интересного; и, наоборот, она становится "чаемым избавлением", когда человеческое существование признают лишенным дальнейшего смысла, ибо оно погружено в боль и неизбежно подвергается риску все больших страданий.

Кроме того, отвергая свою фундаментальную связь с Богом или забывая о ней, человек мнит, что он сам себе критерий и норма и имеет право требовать от общества, чтобы оно ему обеспечило возможность и способы принимать решения о собственной жизни вполне независимо. Особенно это свойственно человеку, живущему в развитых странах: к этому его толкают, в частности, неустанные успехи медицины и все большее совершенствование ее методов. Благодаря использованию крайне сложных методов и высокосовременного оборудования современная медицинская наука и практика в состоянии успешно действовать в случаях, которые раньше были безнадежными, смягчать или снимать боль, а также поддерживать и продлевать жизнь в обстоятельствах крайней слабости, искусственно реанимировать людей, основные биологические функции которых резко нарушены, а также делать шаги, направленные на получение органов для пересадки.

В таком контексте все сильнее становится искушение *евтаназии*, то есть *господства над смертью путем преждевременного ее вызывания* и "мягкого" прекращения своей или чужой жизни. На самом деле то, что может показаться логичным и гуманным, при более глубоком анализе оказывается *абсурдным и бесчеловечным*. Здесь мы стоим перед лицом одного из наиболее тревожных проявлений "культуры смерти", особенно широко распространяющейся в обществе благополучия, для которого характерна нацеленность на производство, а если думать только о производстве, то наличие все большего числа старых, беспомощных людей выглядит слишком дорогостоящим и обременительным. Эти люди часто брошены семьями и

обществом, которые руководствуются почти что одними критериями производительности, рядом с которой необратимо обездоленная жизнь уже не имеет никакой ценности.

65. Чтобы сформулировать верную нравственную оценку евтаназии, ее нужно прежде всего четко определить. Под *евтаназией в строгом смысле слова* следует понимать действие или бездействие, которое по своей внутренней природе или по умыслу действующего лица вызывает смерть с целью снятия всех страданий. "Евтаназия, таким образом, следует рассматривать в контексте умысла и используемых методов"⁷⁶.

Надо различать евтаназия и отказ от так называемой *упрямой терапии*, то есть от некоторых медицинских мер, которые перестали соответствовать реальному положению больного, поскольку уже несоразмерны результатам, которых можно было бы ожидать, или чересчур тягостны для самого больного и его семьи. В таких обстоятельствах, когда смерть близка и неизбежна, можно в согласии со своей совестью "отказаться от мер, которые способны вызвать лишь неустойчивое и болезненное продление жизни, однако не следует прерывать нормальное лечение, в котором нуждается больной в аналогичных случаях"⁷⁷. Разумеется, существует нравственный долг лечить и лечиться, но этот долг следует определять в конкретных обстоятельствах, а именно: необходимо оценить, являются ли применяемые лечебные средства объективно соразмерными предусмотренному улучшению здоровья. Отказ от чрезвычайных и преувеличенных средств не тождествен самоубийству или евтаназии; в нем скорее выражено смирение с человеческой природой на пороге смерти⁷⁸.

В современной медицине все большее значение приобретают так называемые *паллиативные методы лечения*, цель которых — смягчить страдания в последней стадии болезни и обеспечить пациенту необходимую человеческую поддержку. В этом контексте, в частности, возникает вопрос, надлежит ли применять ради облегчения страданий больного разнообразные обезболивающие и успокаивающие средства, когда это связано с риском сокращения жизни. Если можно считать похвальным поведение человека, который, желая сохранить полную ясность ума и сознательно — когда речь идет о верующем — участвовать в муках Христа, добровольно принимает страдание, отказываясь от лечения, умеряющего боль, то невозможно утверждать, что все обязаны вести себя так "героически". Еще Пий XII указал, что разрешено умерять боль с помощью наркотиков даже тогда, когда в результате это приводит к ограничению сознания и сокращению жизни, "если не существует других средств и если в данных обстоятельствах это не мешает исполнению других религиозных и нравственных обязанностей"⁷⁹. Ибо в таком случае речь идет не о жажде смерти и стремлении к ней, хотя риск смерти по обоснованным причинам допускается, но только о желании смягчить боль применением анестезирующих средств, созданных медициной. Тем не менее "не следует отнимать сознание у умирающего без серьезных причин"⁸⁰: на пороге смерти люди должны быть в состоянии исполнить свои нравственные и семейные обязанности, а главное — иметь возможность сознательно приготовиться к окончательной встрече с Богом.

Проведя эти различия, я в согласии с учительством моих предшественников⁸¹ и в общении с епископами Католической Церкви *подтверждаю, что евтаназия есть серьезное нарушения закона Божьего* как нравственно недопустимое умышленное убийство человеческой личности. Эта доктрина основана на естественном законе и на писаном слове Божиим, передана церковным преданием и преподана в обычном и вселенском вероучении⁸².

Практика евтаназии содержит — в зависимости от обстоятельств — зло, характерное для самоубийства или убийства.

66. Что касается самоубийства, то оно всегда в такой же степени нравственно недопустимо,

как и убийство. Церковь неизменно отвергала его как безусловно дурное деяние⁸³. Хотя определенные психологические, культурные и социальные условия, смягчая или снимая субъективную ответственность, могут толкнуть на поступок, столь резко противоречащий врожденному инстинкту самосохранения каждого человека, с объективной точки зрения *самоубийство* остается глубоко безнравственным актом, ибо означает отказ от любви к себе самому и уклонение от долга праведности и любви к ближнему, к различным общинам, к которым человек принадлежит, и к обществу в целом⁸⁴. По своей глубочайшей сути, в нем отвергается абсолютная власть Бога над жизнью и смертью, о которой так говорит в молитве древний израильский мудрец: "Ты имеешь власть жизни и смерти, и низводишь до врат ада, и возводишь" (*Прем 16,13*).

Тот, кто поддерживает намерение другого человека совершить самоубийство и способствует его осуществлению путем так называемого ассистируемого самоубийства, становится соучастником, а иногда и прямым действующим лицом проступка, который никогда не найдет оправдания, даже если совершается по просьбе другого человека. Поразительной злободневностью обладают в этом отношении слова св. Августина: "Никогда нельзя убивать другого человека: даже если бы он сам этого хотел, если бы прямо просил об этом и, стоя на границе между жизнью и смертью, молил помочь ему в избавлении души, которая борется с узами плоти и жаждет из них вырваться; нельзя даже тогда, когда больной уже не в состоянии жить"⁸⁵. И в том случае, когда мотив евтаназии — не эгоистический отказ от забот, связанных с существованием страдающего человека, евтаназию все равно следует назвать лжесостраданием и даже признать тревожным извращением: истинное сочувствие зовет к сопереживанию чужой боли, а не к убийству человека, чьи страдания становятся для нас непереносимы. Таким образом, акт евтаназии выглядит особенным извращением, когда его совершают те, кто — как, например, родственники больного — должен терпеливо, с любовью ухаживать за ним или кто — как врачи — по самой природе своей профессии должен лечить больного даже на последних, самых тяжелых стадиях болезни.

Евтаназия становится актом, еще более заслуживающим осуждения, когда приобретает форму *убийства* и совершается над человеком, который никоим образом этого не просил и никогда не выражал на это согласия. Вершина же произвола и несправедности — положение, в котором некоторые люди, например врачи или законодатели, претендуют на право распоряжаться, кому жить, а кому умереть. Здесь снова возникает искушение, явившееся в раю: стать, *"как боги, знающие добро и зло"* (см. *Быт 3,5*). Но только Бог имеет власть распоряжаться смертью и жизнью: "Я умерщвляю и Я оживляю" (*Втор 32,39*; ср. *1 Сам [1 Цар] 2,6; 214 Цар 5,7*). Бог отправляет свою власть, руководясь всегда одним только замыслом мудрости и любви. Когда человек, ослепленный глупостью и эгоизмом, узурпирует эту власть, он неизбежно делает ее орудием несправедности и смерти. Так жизнь слабейшего отдается в руки сильнейшего; в обществе пропадает чувство справедливости и в корне подрывается доверие — основа любых подлинных отношений между людьми.

67. Совершенно иной путь — *путь любви и истинного сострадания*, на который направляет нас наша общая человеческая природа и который освещает светом нового разума вера в Иисуса Христа Искупителя, умершего и воскресшего. Просьба, идущая из сердца человека во время его последнего борения со страданием и смертью, особенно когда он испытывает искушение погрузиться в отчаяние и как бы исчезнуть в нем, — это прежде всего просьба быть рядом, сопереживать и поддерживать в час испытания. Это просьба помочь сохраниться надежде, когда все человеческие надежды рухнули. Как напоминает нам 2-й Ватиканский собор, "перед лицом смерти загадка человеческого состояния выявляется больше всего", однако человек "побуждением сердца своего судит, ужасаясь и не принимая полного разрушения и окончательного исчезновения своей личности. Семья вечности,

которое заложено в нем и не может быть сведено к одной материи, противится смерти"⁸⁶.

Это естественное отвращение к смерти и этот росток идеи бессмертия находят оправдание и исполнение в христианской вере, которая обещает и дает участие в победе Христа воскресшего: это победа Того, Кто Своей искупительной смертью избавил человека от смерти, которая есть "возмездие за грех" (*Рим* 6,23), и дал ему Духа как залог воскресения и жизни (см. *Рим* 8,11). Уверенность в будущем бессмертии и *чаяние обещанного воскресения* проливают новый свет на тайну страдания и смерти и наполняют верующего необычайной силой, которая позволяет ему уверовать в Промысел Божий.

Апостол Павел выразил эту новую действительность в категориях полной принадлежности Господу, объемлющей все человеческие состояния: "Ибо никто из нас не живет для себя, и никто не умирает для себя; а живем ли — для Господа живем; умираем ли — для Господа умираем; и потому, живем ли или умираем, — *всегда* Господни" (*Рим* 14,7-8). *Умереть для Господа* значит переживать свою смерть как высочайший акт послушания Отцу (см. *Флп* 2,8), соглашаясь принять ее в "час", назначенный и выбранный Тем (см. *Ин* 13,1), Кто Один только может решить, когда пора заканчивать земное странствование человека. *Жить для Господа* значит также смириться с тем, что страдание, внутренне оставаясь злом и испытанием, всегда может стать источником добра. Оно становится таковым, если переживается с любовью и ради любви и является участием — благодаря незаслуженному дару Божию и добровольному выбору человека — в муках Самого Христа распятого. Таким образом тот, кто переживает свои страдания в Господе, больше уподобляется Ему (см. *Флп* 3,10; *1 Петр* 2,21) и глубже сливается с Его делом искупления на благо Церкви и человечества⁸⁷. Таков опыт апостола, переживать который призван также каждый страдающий человек: "Ныне радуюсь я в страданиях моих за вас и восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых за Тело Его, которое есть Церковь" (*Кол* 1,24).

"Должно повиноваться больше Богу, нежели человеку" (Деян 5,29): гражданский закон и нравственный закон

68. Как мы уже неоднократно говорили, одно из характерных явлений, сопутствующих современным посягательствам на человеческую жизнь, — это тенденция добиваться их *правового признания*, словно речь идет о правах, которые государство — по крайней мере в определенных условиях — обязано предоставить гражданам; в результате выдвигается также требование, чтобы эти посягательства осуществлялись при квалифицированной бесплатной помощи врачей и сотрудников органов здравоохранения.

Нередко также считается, что жизнь еще не родившегося или пораженного тяжелой болезнью человека — благо всего лишь относительное: согласно логике отношений или чистому расчету, ее следовало бы сравнить с другими благами и оценить в сопоставлении с ними. Утверждается также, что только человек, находящийся в конкретных обстоятельствах и принимающий в них личное участие, может верно оценить блага, с которыми имеет дело, а следовательно, только он сам способен вынести решение о нравственности или безнравственности своего выбора. Таким образом, государство, исходя из требований общественного порядка и социальной гармонии, обязано отнестись к этому выбору с уважением, вплоть до того, чтобы допустить прерывание беременности и евтаназию.

А то еще высказывается мнение, будто гражданские законы не могут требовать от всех граждан, чтобы их нравственный уровень был выше того, который они сами сочтут надлежащим. Поэтому законы всегда должны отражать мнения и волю большинства граждан и предоставлять им — хотя бы в определенных крайних случаях — право на прерывание беременности и евтаназию. К тому же в подобных случаях — так это

аргументируется — введение запрета и наказаний за прерывание беременности и евтаназию неизбежно приведет к распространению подпольных аборт, которые делаются без общественного контроля и необходимого медицинского обеспечения. Ставится также вопрос, не ведет ли в конечном счете сохранение закона, на практике неисполнимого, к подрыву авторитета вообще всех законов.

Наконец, согласно самым радикальным мнениям, современное плюралистическое общество должно оставлять каждой личности полную автономию в том, как располагать своей собственной жизнью и жизнью того, кто еще не родился: значит, в полномочия закона не входит выбор между различными нравственными взглядами, тем более не должен он навязывать одно особое мнение в ущерб другим.

69. Во всяком случае, в современной демократической культуре широко распространился взгляд, согласно которому правовой порядок общества должен ограничиваться усвоением и закреплением

убеждений большинства и, следовательно, строиться исключительно на том, что большинство граждан проводит в жизнь и считает нравственным. Если вслед за этим прямо утверждается, что объективная и общепринятая истина в действительности недостижима, тогда уважение к свободе граждан — которые в демократической системе считаются истинными суверенами — предписывает в правовой сфере признать независимость личной совести, а следовательно, устанавливая нормы, в которых всегда нуждается социальное общежитие, руководствоваться исключительно волей большинства, какова бы она ни была. Тем самым каждый политик был бы вынужден четко отделить сферу личной совести от своей общественной деятельности.

В результате можно наблюдать две тенденции, на первый взгляд диаметрально противоположные. С одной стороны, отдельные лица претендуют на полную независимость нравственного выбора и требуют от государства, чтобы оно не поддерживало никаких этических концепций и никому их не навязывало, а всего лишь предоставило каждому человеку как можно больше свободы — ее единственным внешним ограничением признается принцип ненарушения границ независимости, на которую имеет право каждый гражданин. С другой — утверждается, что для соблюдения свободы чужого выбора нужно, чтобы при отправлении общественных и профессиональных функций никто не руководствовался своими убеждениями, но каждый стремился выполнять любые требования граждан, признанные и гарантированные законами, единственным нравственным критерием исполнения своих функций считая то, что записано в этих законах. Так ответственность личности передоверяется гражданским законам, что означает отказ от своей совести, по крайней мере в сфере общественной деятельности.

70. Общий корень всех этих тенденций — *этический релятивизм*, характеризующий значительную часть современной культуры. Можно встретиться с мнением, что этот релятивизм — условие демократии, потому что-де только он гарантирует терпимость, взаимное уважение между людьми и признание решений большинства, в то время как нравственные нормы, считающиеся объективными и обязательными, якобы ведут к диктату и нетерпимости.

Но именно проблематика уважения к жизни позволяет обнаружить, какие двусмысленности и противоречия — а вслед за ними и ужасающие практические последствия — таятся за этим мнением.

Действительно, история знает, что во имя "истины" совершались преступления. Но не менее

преступные деяния и кардинальное попрание свободы совершались и продолжают совершаться под влиянием "этического релятивизма". Когда парламентское или общественное большинство делает допустимым по закону, пускай лишь при некоторых условиях, убийство еще не рожденной человеческой жизни, то разве оно тем самым не принимает "тиранического" решения по отношению к самому слабому и незащищенному человеческому существу? Совесть всего мира справедливо содрогается перед лицом преступлений против человечества, ставших горьким опытом нашего века. Разве эти преступления перестали бы быть преступлениями, если бы совершались не по приказу лишенных угрызений совести диктаторов, а законно, по общему согласию большинства?

На самом деле демократию не надо переоценивать, превращая ее в замену нравственности или "панацею" против безнравственности. Она в основе своей представляет "порядок" и как таковая является средством, а не целью. "Нравственный" характер демократии не проявляется сам собою, а зависит от ее соответствия нравственным законам, которым она должна подчиняться, как и всякая человеческая деятельность: следовательно, он зависит от нравственности целей, к которым демократия стремится, и средств, которыми она пользуется. Если ценность демократии сегодня признана почти всеми, в этом нужно видеть положительное "знамение времен", на что неоднократно указывало церковное управление по делам образования⁸⁸. Но ценность демократии рождается или умирает вместе с ценностями, которые она выражает и поддерживает: к фундаментальным, необходимым ценностям безусловно относятся достоинство каждой человеческой личности, соблюдение ее нерушимых и неотторжимых прав, а также признание "общего блага" целью и критерием политической жизни.

Основой этих ценностей не может быть то или иное временное, меняющееся "большинство" общества, их основа — исключительно признание объективного нравственного закона, который, будучи "естественным законом", написанным в сердце человека, есть нормативная точка опоры и для гражданских законов. Если бы в результате трагического глушения коллективной совести скептицизм подверг сомнению сами фундаментальные принципы нравственного закона, это пошатнуло бы самые основы демократического устройства, так что оно превратилось бы всего лишь в механизм эмпирического регулирования различных противоречивых устремлений⁸⁹.

Кто-то, возможно, подумает, что и такая функция демократии, за неимением лучшего, имеет свою ценность, поскольку служит социальному миру. Даже признавая некоторый элемент истины в такой оценке, трудно не заметить, что демократия, не укорененная в объективной нравственности, не может обеспечить устойчивый мир, тем более что мир, когда он не измеряется такими ценностями, как достоинство каждого человека и солидарность всех людей, нередко оказывается мнимым. В системах власти, построенных на принципе участия, регулирование интересов часто производится в пользу сильнейших, ибо они успешней управляют не только механизмами власти, но и процессом формирования согласованного мнения. В таком положении демократия легко становится пустым словом.

71. Итак, заботясь о будущем общества и о развитии здоровой демократии, надо безотлагательно заново открыть человеческие и нравственные ценности, относящиеся к самой сущности и природе человека, ценности, которые вытекают из истины о человеке, а также выражают и оберегают достоинство личности, то есть те ценности, которые никакая личность, никакое большинство и никакое государство не могут создать, изменить или уничтожить, зато обязаны признавать, соблюдать и укреплять.

С этой целью следует вспомнить о тех *фундаментальных первоосновах соотношения между гражданскими и нравственными законами*, какими их представляет Церковь, притом

что они также составляют часть наследия великих законодательных традиций всего человечества.

Нет сомнения, что *задачи гражданских законов* иные, нежели задачи нравственных законов, а сфера их действия уже. Но "ни в какой области жизни гражданские законы не могут замещать совесть или навязывать нормы, превышающие их полномочия"⁹⁰, в которые входит охрана общего блага личностей путем признания и защиты их фундаментальных прав, укрепление спокойствия и общественной нравственности⁹¹. Задача гражданских законов — охрана общественного порядка, основанного на истинной справедливости, "дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте" (1 Тим 2,2). Именно поэтому гражданские законы должны обеспечить всем членам общества соблюдение определенных фундаментальных прав, которые входят в природу личности и должны быть признаны и защищены установленными законами. Первое и основное среди них — нерушимое право на жизнь каждого невинного человеческого существа. Хотя государственная власть иногда может воздержаться и не запретить нечто такое, что, будучи запрещенным, повлекло бы еще более серьезный ущерб⁹², она, однако, никогда не имеет права счесть, что личностям — даже когда они составляют большинство общества — принадлежит право попираť другие личности путем нарушения такого фундаментального их права, как право на жизнь. Следовательно, правовая терпимость к прерыванию беременности или к евтаназии ни в коем случае не может опираться на уважение к чужой совести — именно потому, что общество имеет право и обязанность защищаться от злоупотреблений, совершаемых именем совести и под предлогом свободы⁹³.

Иоанн XXIII писал об этом в окружном послании "Pacem in terris": "Сегодня подчеркивают, что истинное общее благо основано прежде всего на соблюдении прав и обязанностей человеческой личности. Ввиду этого главная задача тех, кто отправляет государственную власть, — с одной стороны, заботиться о признании этих прав, их соблюдении, согласовании, защите и постоянном возрастании, а с другой — о том, чтобы каждому было легче выполнять свои обязанности. Ибо «основная задача всякой власти — оберегать нерушимые права человека и заботиться о том, чтобы каждому было как можно легче выполнять свои обязанности». Поэтому, если власти предержавшие не признают прав человека или попирают их, они не только предают порученную им задачу, но и распоряжения, ими издаваемые, лишаются всякой силы"⁹⁴.

72. В непрерывной связи со всем церковным Преданием остается также учение об обязательном *соответствии гражданских законов нравственным*, как об этом сказано в цитированной выше энциклике Иоанна XXIII: "Во власти отдавать распоряжения нуждается духовный порядок, и она исходит от Бога. Следовательно, если государственные власти издают законы или предписания, противоречащие этому порядку и тем самым воле Божией, то ни установленные таким образом законы, ни предоставленные полномочия не накладывают обязательств на граждан (...). Тогда в действительности кончается власть и начинается чудовищное беззаконие"⁹⁵. Тому же прямо учит и св. Фома Аквинский, который, в частности, пишет: "Человеческий закон — в той мере закон, в какой он согласуется с праведным разумом, а следовательно, вытекает из закона вечного. Когда же какой-либо закон противоречит разуму, то называется законом нечестивым; однако в этом случае он перестает быть законом и становится скорее актом насилия"⁹⁶. И в другом месте: "Каждый закон, установленный людьми, настолько имеет силу закона, насколько вытекает из естественного закона. Если же он с какой-либо точки зрения противится естественному закону, то он уже не закон, но извращение закона"⁹⁷.

Это учение прежде всего непосредственно относится к тем установленным людьми законам,

которые не признают фундаментального, изначального права каждого человека на жизнь. Таким образом, законы, которые допускают прямое убийство невинных человеческих существ путем прерывания беременности и евтанази, остаются в полном и неустранимом противоречии с нерушимым правом на жизнь, надлежащим всем людям, и тем самым отрицают равенство всех перед законом. Можно было бы выдвинуть оговорку, что это-де не касается евтанази, поскольку она производится по совершенно сознательному желанию заинтересованного лица. Но государство, которое признает такое требование правомочным и позволит исполнять его, тем самым санкционирует своеобразную форму "самоубийства — убийства", противоречащую фундаментальным принципам, которые запрещают распоряжаться жизнью и велют охранять каждую невинную жизнь. Так развивается стремление ослабить уважение к жизни и открывается дорога деяниям, разрушающим доверие в общественных отношениях. Таким образом, законы, которые допускают и облегчают прерывание беременности и евтаназию, резко противоречат не только благу личности, но и общему благу и поэтому совершенно лишены действительной правовой силы. Непризнание права на жизнь — именно тем, что ведет к убийству личности, которой общество должно служить, поскольку это и есть смысл его существования, — решительно и неотвратимо противостоит возможности осуществления общего блага. Отсюда следует, что, допуская прерывание беременности и евтаназию, гражданские законы уже в силу этого перестают быть истинными, нравственно обязывающими законами.

73. Прерывание беременности и евтаназия — это, как мы видим, преступления, которые ни один человеческий закон не может признать допустимыми. Законы, допускающие их, не только перестают быть для совести законами, но и прямо ставят человека перед *серьезным, конкретным долгом сопротивляться им по совести*. От самых начал Церкви апостольская проповедь учила христиан долгу повиновения законно установленным властям (см. *Рим 13,1-7; I Петр 2,13-14*), но в то же время твердо предупреждала, что "должно повиноваться больше Богу, нежели человекам" (*Деян 5,29*). Еще в Ветхом Завете мы находим красноречивый пример сопротивлению несправедливому приказу властей, направленному как раз против жизни. Иудейские повивальные бабки воспротивились фараону, который приказал убивать всех новорожденных сыновей: они "не делали так, как говорил им царь Египетский; и оставляли детей в живых" (*Исх 1,17*). Важно, однако, обратить внимание на глубокий мотив такого поведения: "повивальные бабки боялись Бога" (там же). Именно в послушании Богу — Которого надлежит бояться, в чем выражается признание Его абсолютной высшей власти, — человек черпает силу и смелость противопоставить себя несправедливым человеческим законам. Это сила и смелость того, кто готов даже пойти в тюрьму или погибнуть от меча, поскольку убежден, что "здесь терпение и вера святых" (*Откр 13,10*).

Таким образом, при наличии внутренне несправедливого закона — а таков закон, допускающий прерывание беременности и евтаназию, — никогда нельзя ни приспособляться к нему, "ни участвовать в формировании общественного мнения, настроенного в пользу такого закона, ни оказывать ему поддержку голосованием"⁹⁸.

Особый вопрос для совести может возникнуть, когда голосование в парламенте относится к введению закона вводящего ограничения, то есть направленного на уменьшение числа легальных аборт и составляющего альтернативу более разрешительному закону, уже действующему или поставленному на голосование. Такие случаи нередки. Можно заметить, что в то время, как в некоторых частях мира ведутся кампании, часто поддерживаемые мощными международными организациями, за принятие законов, допускающих прерывание беременности, в других — особенно там, где уже дали себя знать горькие последствия такого разрешительного законодательства, — появляется все больше признаков того, что над этим вопросом задумываются заново. Что делать в ситуации, о которой идет речь? Если

нет возможности отвергнуть законопроект или отменить закон о прерывании беременности, то парламентарий, чье абсолютное личное противостояние прерыванию беременности явно и всем известно, поступит правильно, поддержав предложения, цель которых — *ограничить вред* подобного закона и уменьшить его отрицательные последствия в сфере культуры и общественной нравственности. Ибо, поступая так, он не соучаствует недозволенным образом в принятии несправедливого закона, а наоборот, предпринимает правильную и достойную попытку ограничить его вредные аспекты.

74. Принятие несправедливых законов часто ставит нравственно чистых людей перед трудными для совести проблемами, относящимися к вопросу о сотрудничестве и вытекающими из долга защищать свое право на отказ от участия в нравственно дурных деяниях. Решения, которые в этом случае надо принять, иногда горестны и могут потребовать ухода с достигнутых профессиональных позиций или отказа от справедливых чаяний, связанных с будущим. В других случаях может оказаться, что определенные действия, сами по себе ни положительные, ни отрицательные или прямо положительные, которые предусмотрены законами, в целом несправедливыми, позволяют спасти попавшую в опасность человеческую жизнь. Правда, с другой стороны, можно справедливо опасаться, что готовность выполнять эти действия не только приведет к соблазну и будет способствовать ослаблению необходимого сопротивления посягательствам на жизнь, но незаметно доведет и до все большего подчинения логике вседозволенности.

Чтобы разъяснить этот трудный нравственный вопрос, нужно вспомнить общие принципы относительно *соучастия в дурных поступках*. Твердое веление совести запрещает христианам, как и всем людям доброй воли, принимать участие в деятельности, которая хоть и допущена государственным законодательством, но противоречит закону Божьему. С нравственной точки зрения, никогда нельзя принимать участие в злодеяниях. Подобное соучастие имеет место, когда совершённый поступок — будь то по своей природе, будь то ввиду определенного контекста формирующих его обстоятельств — носит характер прямого участия в действиях против невинной человеческой жизни или же поддержки безнравственных намерений главного действующего лица. Такого соучастия ничем не оправдать — ни ссылкой на принцип соблюдения чужой свободы, ни использованием того факта, что гражданские законы его предусматривают и предписывают: за деяния, совершаемые лично каждым человеком, существует нравственная ответственность, от которой никто не может уклониться и в силу которой каждый будет судим Самим Богом (см. *Рим 2,6; 14,12*).

Отказ от соучастия в несправедливых делах — не только нравственная обязанность, но и фундаментальное человеческое право; если бы не это, человеку пришлось бы совершать поступки, по самой своей природе унижающие его достоинство, и тем самым его свобода, подлинный смысл и цель которой строятся на стремлении к истине и добру, оказалась бы резко подорванной. Речь идет, таким образом, о фундаментальном праве, которое именно ввиду этого должно быть предусмотрено в государственном законодательстве и защищено им. Это означает, что врачи, медицинский и санитарный персонал, а также лица, возглавляющие учреждения здравоохранения, клиники и лечебные заведения, должны иметь гарантированную возможность отказаться от участия в планировании, подготовке и совершении действий, направленных против жизни. Тот, кто ссылается на отказ по совести, не должен нести за это не только наказания, но и любые другие правовые, дисциплинарные, материальные или профессиональные последствия.

"Возлюби (...) ближнего твоего, как самого себя" (Лк 10,27): "укрепляй" жизнь

75. Заповеди Божии указывают нам путь жизни. *Отрицательные нравственные*

предписания, то есть те, которые объявляют выбор того или иного деяния нравственно недопустимым, имеют для человеческой свободы абсолютную ценность: они действительно всегда и при всех обстоятельствах, безо всяких исключений. Они указывают, что выбор определенных видов поведения резко противоречит любви к Богу и достоинству личности, сотворенной по образу Его, — такой выбор, следовательно, нельзя оправдать никакими благими намерениями или результатами; он остается в вопиющем противоречии с общением между людьми и противостоит фундаментальному решению подчинить свою жизнь Богу⁹⁹.

Уже в этом смысле отрицательные нравственные предписания выполняют необычайно важную положительную роль: содержащееся в них безоговорочное "нет" указывает непреодолимую границу, ниже которой свободный человек не может спускаться, и в то же время некий минимум, который он должен оберегать и от которого начинать произнесение бесчисленных "да", способных постепенно объять *весь горизонт добра* (см. Мф 5,48). Заповеди, в особенности отрицательные нравственные предписания, — это начало и непрменный первый этап пути к свободе: "Первая свобода, — пишет бл. Августин, — основана на избавлении от прегрешений (...) таких, как убийство, прелюбодеяние, блуд, кража, мошенничество, святотатство и тому подобные. Когда человек начинает освобождаться от этих прегрешений (а совершать их не должен ни один христианин), он начинает поднимать голову навстречу свободе, но это только начало свободы, а не совершенная свобода"¹⁰⁰.

76. Заповедь "не убивай" составляет, таким образом, начало пути истинной свободы, который ведет нас к решительным действиям в защиту жизни и к выбору определенных позиций и поступков, служащих жизни: так действуя, мы исполняем наш долг перед людьми, вверенными нашему попечению, а своими делами и проповедью истины выражаем благодарность Богу за великий дар жизни (см. Пс 139/138,13-14).

Творец вверил жизнь человека его ответственной заботе не затем, чтобы человек своевольно распоряжался своей жизнью, но чтобы мудро оберегал ее и устраивал верно и с любовью. Бог Завета вверил жизнь каждого человека другому человеку — брату его, в согласии с законом взаимности, повелевающим давать и получать дары, приносить себя в дар и принимать дар от ближнего. Когда наступила полнота времени, Сын Божий, воплотившись и отдав жизнь за человека, показал, каких высот и глубин может достичь этот закон. Даром Своего Духа Христос придает новое содержание и значение закону взаимности, вверяющему человека человеку. Дух, содействующий общению в любви, создает между людьми новое братство и солидарность, истинный отблеск тайны взаимного приношения и принятия, тайны, присущей Пресвятой Троице. Сам Дух становится новым законом, который дает верующим силу и пробуждает в них ответственность, чтобы в жизни они умели взаимно приносить себя в дар друг другу и принимать дар друг от друга, участвуя в любви Самого Иисуса Христа и по Его мере.

77. Этим новым законом животворится и сообразуется также заповедь "не убивай". Следовательно, для христианина эта заповедь содержит высочайшее повеление чтить, любить и поддерживать жизнь каждого брата в соответствии с требованиями и критериями любви, явленной Богом в Иисусе Христе. "Он положил за нас душу Свою: и мы должны полагать души свои за братьев" (1 Ин 3,16).

Заповедь "не убивай" и в своем чисто положительном содержании — как предписание чтить, любить и укреплять жизнь — обязательна для всех людей. Она звучит в совести каждого человека, словно неумолкаемый отголосок первоначального завета Бога Творца с человеком; все могут познать ее благодаря свету разума и хранить благодаря таинственному действию Духа Святого, который, дыша там, где хочет (см. Ин 3,8), достает и объемлет каждого

человека, живущего в этом мире.

Поэтому все мы должны нести службу любви к ближнему, защищая его жизнь и всегда помогая ей, особенно тогда, когда она слаба или в опасности. Мы обязаны заботиться о ней не только как индивидуумы, но и как общность, закладывая безоговорочное уважение к человеческой жизни в фундамент нового общества.

Мы призваны любить и чтить жизнь каждого человека, а также упорно и смело стремиться к тому, чтобы в нашу эпоху, когда множатся слишком многочисленные знамения смерти, воцарилась наконец новая культура жизни, плод культуры истины и любви.

Глава IV

ТО МНЕ СДЕЛАЛИ

"Но вы — народ святой, люди, взятые [Богом] в удел, дабы возвещать совершенство" Его (см. 1 Петр 2,9): народ жизни и для жизни

78. Церковь получила Евангелие как проповедь и как источник радости и спасения. Она получила его в дар от Иисуса, посланного Отцом, чтобы "благовествовать нищим" (Лк 4,18). Она получила его через апостолов, Иисусом посланных по всему миру (см. Мк 16,15; Мф 28,19-20). В Церкви, рожденной от проповеди Евангелия, неустанно звучит отголосок предостережения апостола: "Горе мне, если не благовествую" (1 Кор 9,16). *"Долг благовествования, — писал Папа Павел VI, — следует считать благодатью и сущим призванием Церкви: в нем выражается ее истинная суть. Церковь существует для благовествования"*¹⁰¹.

Благовествование — деятельность всеобъемлющая и динамичная, она охватывает всю Церковь, участвующую в пророческом, священническом и царском призвании Господа Иисуса. Поэтому в его неотъемлемые первоосновы входят *проповедь, богослужение и служение любви. Благовествование есть глубоко церковный акт*, который требует участия всех тружеников Евангелия — каждого в соответствии с присущим ему даром благодати и служением.

Это относится и к проповеди *Евангелия жизни*, составляющего интегральную часть Той Благой Вести, которой является Иисус Христос. Этой Благой Вести мы служим, поддерживаемые убеждением, что получили ее в дар и посланы гласить ее "даже до края земли" (Деян 1,8). Так сохраним же смиренное и благодарное знание того, что мы — *народ жизни и для жизни* и что именно в этом качестве мы предстаем миру.

79. Мы — *народ жизни*, потому что Бог в Своей бескорыстной любви дал нам *Евангелие жизни*, которым мы преобразованы и спасены. Мы снова завоеваны Начальником жизни (Деян 3,15) за цену Его бесценной крови (см. 1 Кор 6,20; 7, 23; / Петр 1,19), а омывшись водой крещения, мы привились к Нему (см. Рим 6,4-5; Кол 2,12), словно ветви, которые от одной лозы черпают соки и способность приносить плоды (см. Ин 15,5). Внутренне обновленные благодатью Духа, царствующего и животворящего, мы стали *народом для жизни* и должны поступать в согласии с этим призванием.

Мы посланы: служение жизни для нас не повод возноситься, но долг, порожденный пониманием того, что мы — "люди, взятые [Богом] в удел, дабы возвещать совершенство" Его (см. 1 Петр 2,9). В нашем странствии нас *ведет и укрепляет закон любви:* источник и образец этой любви — воплощенный Сын Божий, ставший человеком и "смертию своею

мир оживотворивший"¹⁰².

Мы посланы как народ. Долг служить жизни лежит на всех и каждом из нас. Это задача в строгом смысле слова "церковная", требующая согласованной и самоотверженной деятельности всех членов и всех слоев христианской общины. Общинный характер этой задачи не снимает, однако, и не уменьшает ответственности *личности*, к которой обращено повеление Иисуса "стать ближним" каждому человеку: "Иди, и ты поступай так же" (Лк 10,37).

Все вместе мы испытываем долг *проповедовать Евангелие жизни, праздновать его* в литургии и во всей жизни и *служить ему* различными делами при помощи структур, которые должны стать его опорой и орудием распространения.

"О том, что мы видели и слышали, возвещаем вам" (1 Ин 1,3): проповедовать Евангелие жизни

80. "О том, что было от начала, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши, о Слове жизни, (...) возвещаем вам, чтобы и вы имели общение с нами" (1 Ин 1,1. 3). *Иисус есть единственная Благая Весть*: мы не можем говорить и свидетельствовать ни о чем другом.

Проповедовать Иисуса — это и есть проповедовать жизнь. Ибо Он есть "Слово жизни" (см. 1 Ин 1,1). В Нем жизнь "явилась" (1 Ин 1,2), более того — Он Сам есть "вечная жизнь, которая была у Отца и явилась нам" (см. там же). Та же самая жизнь даром Духа дана человеку. Устремленная к полноте жизни, то есть к "вечной жизни", земная жизнь каждого человека тоже обретает свой полный смысл.

Просвещенные этим *Евангелием жизни*, мы испытываем потребность проповедовать его и свидетельствовать о его *необычайной новизне*: тождественное Иисусу, Который приносит все новое¹⁰³ и преодолевает все, что "старо" и что рождается из греха и ведет к смерти¹⁰⁴, это Евангелие перерастает любые чаяния человека и открывает, на какие великолепные высоты силой любви возносится достоинство личности. Так говорит о нем св. Григорий Нисский: "Когда человек, который ничем не отличается от всей твари, который есть прах, сорняк и тлен, усыновлен Богом вселенной, он становится членом семьи Того, Чьей красы и величия никому не увидеть, не услышать, не понять. Какое же слово, мысль или порыв духа сумеет изобразить пре-избыточность этой благодати? Человек перерастает свою природу: из смертного становится бессмертным, из уничтожимого — неуничтожимым, из бренного — вечным, а из человека становится богом"¹⁰⁵.

Радость и благодарность за безмерное достоинство человека велит нам со всеми делиться этой проповедью: "...о том, что мы видели и слышали, возвещаем вам, чтобы и вы имели общение с нами" (1 Ин 1,3). Надо дойти с *Евангелием жизни* к сердцу каждого человека и поместить его в самые недра человеческого общества.

81. Прежде всего нужно проповедовать *самую суть* этого Евангелия. Оно возвещает Бога живого и близкого, Который нас призывает к глубочайшему единению с Собой и отворяет навстречу безошибочному чаянию жизни вечной; оно подтверждает неразрывную связь между личностью, ее жизнью и плотской природой; оно показывает человеческую жизнь как жизнь "в отношении", как дар Бога, плод и знамение Его любви; оно провозглашает необычайную связь Иисуса с каждым человеком, которая позволяет во всяком человеческом лице узнать лик Христа; оно показывает, что "бескорыстное самопожертвование" — это

цель и место полного свершения свободы.

Одновременно следует также указать все *выводы* из этого Евангелия, которые можно описать так: человеческая жизнь, будучи драгоценным даром Божиим, свята и нерушима, и это, в частности, означает абсолютную недопустимость прерывания беременности и евтаназии; человеческую жизнь не только нельзя убивать, но ее положено беречь, заботливо ухаживать за ней; жизнь обретает смысл, когда она дает и получает любовь, порождающую полноту истины о человеческом поле и чадородии; эта любовь также придает смысл страданию и смерти, и хотя они по-прежнему окутаны тайной, но могут стать спасительными; уважение к жизни требует, чтобы наука и техника всегда были подчинены человеку и его целостному развитию; все общество должно чтить, беречь и укреплять достоинство каждого человеческого существа во всякое время и во всяком состоянии его жизни.

82. Чтобы быть воистину народом, служащим жизни, мы должны постоянно и смело провозглашать эти истины уже на первом этапе евангелизации, а затем *в обучении закону Божьему и разных формах проповедания, в диалоге с людьми и во всякой воспитательной деятельности*. Воспитатели, учителя, катехизаторы и богословы должны подчеркивать *антропологические соображения*, которые обосновывают и укрепляют уважение ко всякой человеческой жизни. Так мы в полном сиянии покажем первоизданную новизну *Евангелия жизни* и поможем всем открыть — притом также в свете разума и опыта, — что христианская проповедь являет полноту истины о человеке и смысле его бытия и существования; мы откроем также драгоценные возможности встречи и диалога с неверующими и все вместе будем формировать новую культуру жизни. В обстановке, когда с разных сторон звучат крайне противоречащие друг другу мнения и когда многие отвергают здоровое учение о человеческой жизни, мы отдаем себе отчет в том, что и к нам обращена та усиленная просьба, с которой апостол Павел обращался к Тимофею: "...проповедуй слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещавай со всяким долготерпением и назиданием" (2 Тим 4,2). Этот призыв должен с особой силой звучать в сердцах тех, кто так или иначе сравнительно прямо участвует в миссии Церкви как "учительницы" жизни. Пусть он особенно прозвучит для нас, *епископов*: от нас прежде всего ждут, что мы будем неутомимыми проповедниками *Евангелия жизни*; в силу вверенной нам задачи мы также должны бдительно следить за цельной и верной передачей учения, заново объемлемого данной энцикликой, и использовать все пригодные средства, чтобы защитить верующих от любой доктрины, противоречащей этому учению. Особое внимание мы должны уделить заботе о том, чтобы в богословских учебных заведениях, семинариях и различных католических учреждениях проповедовали, разъясняли и углубляли знание здорового учения¹⁰⁶. Да услышат богословы, пастыри и все, кто занимается *обучением, законоучительством и нравственным воспитанием*, слова Павлова призыва, и да уберегутся они, сознавая свои задачи, от того серьезного проступка, каковым является измена истине и собственному призванию путем проповеди личных мнений, противоречащих *Евангелию жизни*, верно представленному заново и истолкованному в нашем учительстве.

Проповедуя это Евангелие, мы не должны бояться сопротивления и непопулярности, но, наоборот, должны отвергать всякие компромиссы и двусмысленности, которые уподобили бы нас веку сему (см. Рим 12,2). Мы должны быть *в миру*, но не *от мира* (см. Ин 15,19; 17,16), черпая силы у Христа, Который смертью Своею и воскресением победил мир (см. Ин 16,33).

"Славлю Тебя, потому что я дивно устроен" (Пс 139/138,14): восхвалять Евангелие жизни

83. Мы посланы в мир как "народ для жизни", и потому наша проповедь должна вестись

также путем *восхваления Евангелия жизни в прямом смысле слова*. Более того — именно восхваление, благодаря впечатляющему красноречию своих жестов, символов и обрядов, должно стать ценным и важным способом явления красоты и величия Евангелия жизни. С этой целью прежде всего следует *лелеять* в нас самих и в окружающих *созерцательный подход*¹⁰⁷. Он порождается верой в Бога жизни, Который создал каждого человека и дивно его устроил (см. *Пс* 139/138,14). Этот подход свойствен тому, кто видит жизнь во всей ее глубине, кто способен узреть ее бескорыстие и красоту, а также принимает ее как призыв к свободе и ответственности. Тому, кто не пытается захватить все реально существующее для себя, но принимает его как дар, в каждой вещи открывая отблеск Творца, а в каждом человеке — Его живой образ (см. *Быт* 1,27; *Пс* 8,6). Кто сохраняет такой подход, тот не падает духом, когда видит больного, скорбящего, отверженного или умирающего; все эти состояния он принимает как побуждение к поискам смысла и как раз в таких обстоятельствах становится способен, посмотрев в лицо человеку, обнаружить призыв к встрече, диалогу, солидарности.

Пора уже всем нам принять такой подход и заново научиться *читать и уважать каждого человека*, исполнив сердце религиозным восторгом, как советовал нам Павел VI в одной из своих рождественских проповедей¹⁰⁸. Новый народ искупленных, который принял такой созерцательный подход, не может выразить это иначе, нежели *гимнами радости, хвалы и благодарения за бесценный дар жизни*, за тайну призвания каждого человека к уделу в жизни благодати и к вечному бытию в общении с Богом Создателем и Отцом.

84. *Восхвалять Евангелие жизни означает воздавать честь Богу жизни — Богу, Который дает жизнь*: "Мы должны восхвалять Жизнь вечную, от которой происходит всякая другая жизнь. От нее получает жизнь, по своей мере, всякое существо, которое так или иначе имеет удел в жизни. Эта Жизнь Божия, сущая превыше всякой другой, животворит и хранит жизнь. Всякая жизнь и всякий жизненный процесс исходит от сей Жизни, которая перерастает всякую жизнь и всякое первоначало жизни. Ей обязаны души своей неуничтожимостью, так же, как благодаря ей живут все животные и растения, в которых отголосок жизни более слаб. Людям, существам из духа и материи, сия Жизнь дает в удел жизнь. Когда затем наступает время оставить ее, сия Жизнь силой своей преизбыточной любви к человеку преобразует нас и призывает к себе. И не только: она обещает привести нас душою и телом к совершенной жизни, к бессмертию. Недостаточно сказать, что сия Жизнь жива: она есть Зачаток жизни, Первопричина и единственный Источник жизни. Каждое живое существо должно созерцать ее и любить: из сей Жизни проистекает вся жизнь"¹⁰⁹. Так и мы по примеру псалмопевца в личной и общей *ежедневной молитве* хвалим и благословляем Бога, Отца нашего, Который соткал нас в материнской утробе, видел нас и возлюбил, когда мы создаемы были втайне (см. *Пс* 139/138,13. 15-16), и, исполнившись великой радости, взываем: "Славлю Тебя, потому что я дивно устроен. Дивны дела Твои, и душа моя вполне сознает это" (*Пс* 139/138, 14). Воистину "эта смертная жизнь — несмотря на ее тяготы, ее неисследованные тайны, скорби и неизбежную брэнность — есть нечто необычайно прекрасное, чудо всегда новое и захватывающее, событие, заслуживающее, чтобы его воспевали с радостью и преклонением"¹¹⁰. Более того, человек и его жизнь предстают перед нами не только как одно из самых великолепных чудес творения, ибо Бог оделил человека почти Божественным достоинством (см. *Пс* 8,6-7). В каждом рождающемся ребенке и в каждом человеке, который живет или умирает, мы видим образ славы Божией: эту славу мы восхваляем в каждом человеке, знамени Бога живого, иконе Иисуса Христа.

Мы призваны выражать восхищение и благодарность за жизнь, полученную в дар, и с радостью принимать и передавать *Евангелие жизни* не только личной и общей молитвой, но прежде всего *богослужением литургического года*. Здесь на первое место нужно поставить *таинства* — реальные знамения присутствия и спасительного действия Христа Господа в

христианской жизни: они дают людям удел в жизни Божией, обеспечивая им необходимую духовную энергию, чтобы те могли осуществить полный и истинный смысл жизни, страдания и смерти. В литургических богослужениях, особенно в литургиях таинств, благодаря тому, что заново открывается подлинный смысл этих обрядов и они получают должную оценку, все лучше будет выражаться полнота истины о рождении, жизни, страдании и смерти, что поможет людям переживать эти реальности как участие в пасхальной тайне Христа умершего и воскресшего.

85. Восхваляя и проповедуя *Евангелие жизни*, надо также уметь *оценить и использовать жесты и символы, которых так много в различных культурных традициях и народных обычаях*. Это проявления и формы взаимопонимания людей, выражающих с их помощью в разных странах и в рамках разных культур радость при рождении новой жизни, почитание каждого человеческого существа и готовность защищать его, заботу о скорбящем и нуждающемся, близость к старику и умирающему, сострадание в трауре, надежду и чаяние бессмертия.

В таком контексте, памятуя также о предложении кардиналов, собравшихся на консисторию в 1991 г., я предлагаю, чтобы каждый год во всех странах праздновался День Жизни, как это уже делается в некоторых странах по инициативе местных конференций епископатов. Надо, чтобы этот праздник готовился и отмечался при активном участии всех членов поместной Церкви. Его основная цель — пробуждать в совести людей, в семье, Церкви и гражданском обществе чуткость к смыслу и ценности человеческой жизни в любой ее момент и во всяком состоянии; особенно надо показывать, сколь великое зло — прерывание беременности и евтаназия, но не обходить молчанием и других моментов и аспектов жизни, которые следует каждый раз тщательно рассматривать в контексте изменчивых исторических условий.

86. Логика духовного служения, благоугодного Богу (см. *Рим 12,1*), требует, чтобы восхваление *Евангелия жизни* совершалось прежде всего в *повседневной жизни* и выражалось любовью к ближнему и самопожертвованием. Так все наше существование будет становиться подлинным и ответственным приятием дара жизни, а также искренним и благодарным восхвалением Бога, Который подал нам этот дар. Именно это происходит во множестве фактов самопожертвования, часто незаметного и сокрытого, совершаемого мужчинами и женщинами, детьми и взрослыми, юношами и стариками, здоровыми и больными.

В таких обстоятельствах, богатых человеческими ценностями и любовью, рождаются и *героические поступки*. Они представляют собой *самое торжественное восхваление Евангелия жизни*, потому что проповедуют его *полным самопожертвованием*; они достойно являют величайшую любовь, которая велит положить душу свою за друзей своих (см. *Ян 15,13*); они суть участие в тайне Креста, в которой Иисус открывает, какую ценность имеет для Него жизнь каждого человека и как эта жизнь в совершенстве исполнена бескорыстного самопожертвования. Кроме общеизвестных фактов существует еще повседневный героизм, в который входят малые или большие проявления бескорыстия, укрепляющие подлинную культуру жизни. Среди них особого признания заслуживает донорство органов, происходящее в согласии с требованиями этики ради спасения здоровья или даже жизни больных, иногда лишенных всякой надежды.

Этот повседневный героизм включает молчаливое, но необычайно плодотворное и красноречивое свидетельство "всех героических матерей, которые без остатка посвящают себя своим семьям, которые страдают, производя детей на свет, а потом готовы предпринять любые труды, претерпеть любые жертвы, чтобы передать этим детям все лучшее, что есть в них самих"¹¹¹. Выполняя в жизни свое предназначение, "эти героические матери не всегда

находят опору у окружающих. Как раз наоборот, зачастую модели цивилизации, создаваемые и распространяемые средствами массовой информации, не благоприятствуют материнству. Во имя прогресса и современности там изображаются устарелыми такие ценности, как верность, чистота, самоотречение, которыми отличаются и продолжают отличаться многие множества христианских супругов и матерей. (...) Благодарим вас, героические матери, за вашу непреодолимую любовь! Благодарим за то, что вы героически веряетесь Богу и Его любви. Благодарим за то, что вы приносите в дар вашу жизнь. (...) Христос отдает вам в пасхальной тайне тот дар, который вы Ему принесли. Ибо он имеет власть отдать жизнь, которую вы принесли Ему в дар"¹¹².

"Что пользы, братия мои, если кто говорит, что он имеет веру, а дел не имеет?" (Иак 2,14): служить Евангелию жизни

87. Защита и поддержка человеческой жизни — проявления удела в царской миссии Христа, и поэтому они должны иметь характер *услуженья любви*, выражающегося личным свидетельством, различными формами добровольной работы, общественной деятельности и политической активности. Это *особенно насущная потребность в настоящий момент*, когда "культура смерти" так агрессивно нападает на "культуру жизни" и часто, кажется, берет над нею верх. Прежде всего, однако, эту потребность порождает вера, "действующая любовью" (Гал 5,6), как напоминает нам об этом Послание апостола Иакова: "Что пользы, братия мои, если кто говорит, что он имеет веру, а дел не имеет? может ли эта вера спасти его? Если брат или сестра наги и не имеют дневного пропитания, а кто-нибудь из вас скажет им: «идите с миром, грейтесь и питайтесь», но не даст им потребного для тела: что пользы? Так и вера, если не имеет дел, мертва сама по себе" (2,14-17).

В услужении любви нас *должен животворить и отличать определенный подход*: мы должны окружить заботой ближнего, ибо Бог вверил его нашей ответственности. Будучи учениками Иисуса, мы призваны становиться ближними каждого человека (см. Лк 10,29-37), особое внимание посвящая нищим, одиноким, нуждающимся. Именно помощью, оказываемой голодному, жаждущему, пришельцу, нагому, болящему, узнику — а также еще не рожденному младенцу или старику, претерпевающему страдание либо близкому к смерти, — дано нам служить Иисусу, Который Сам сказал: "Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне" (Мф 25,40). Поэтому мы должны признать, что и к нам относятся призыв и суждение, содержащиеся в словах св. Иоанна Златоуста, по-прежнему злободневных: "Хочешь чтить тело Христа? Не презирай Его, когда увидишь Его нагим. Не поклоняйся ему в храме, одетому в шелк, чтобы потом презирать Его за воротами, где Он терпит холод и наготу"¹¹³.

Услуженье любви по отношению к жизни должно охватывать все и всех: оно не терпит односторонности и дискриминации, потому что человеческая жизнь свята и нерушима на любой своей стадии и в любом состоянии; она есть неделимое благо. Поэтому надо *"заботиться"* обо всей жизни и о жизни всех. Более того, надо проникнуть еще глубже, к самым истокам жизни и любви.

Именно такая глубокая любовь к каждому человеку положила начало *необычайно богатой истории благотворительности*, которая развивалась веками и благодаря которой в жизни Церкви и общества возникли многочисленные структуры служения жизни. Они возбуждают восхищение у любого непредвзятого наблюдателя. Всякая христианская община, неизменно проникнутая живым чувством ответственности, должна заполнять новые страницы этой истории многообразными пастырскими и социальными делами. В этом духе следует деликатно и эффективно *сопровождать рождающуюся жизнь*, окружая особой опекой тех матерей, которые не боятся произвести на свет ребенка и воспитывать его даже без участия

отца. Такую же заботу следует проявить по отношению к жизни болящих и одиноких, особенно в ее последних стадиях.

88. Все это создает необходимость предпринять терпеливый и смелый *воспитательный труд*, который побудит всех и каждого принимать на свои плечи бремя друг друга (см. Гал 6,2), труд, который требует неустанной заботы о том, чтобы являлись *призванные к служению*, особенно среди молодежи, и повелевает осуществлять конкретные проекты и начинания, прочные и животворимые евангельским духом.

Существуют многочисленные *методы этого труда, которые следует применять* со знанием дела и глубокой преданностью делу. Рождающейся жизни служат *центры распространения натуральных методов регулирования зачатия*: их следует расширять, потому что они успешно помогают в применении принципов ответственного отцовства и материнства, благодаря которым каждая личность — с самого младенчества — признаётся и чтится в силу своей самостоятельной ценности, а критерием всех решений служит бескорыстное самопожертвование. И сотрудники *супружеских и семейных консультаций*, которые выполняют свою миссию консультирования и профилактики, руководствуясь антропологией, отвечающей христианским представлениям о личности, браке и поле, оказывают бесценные услуги всем семьям, помогая им заново открыть смысл жизни и любви, поддерживая их и сопровождая в их миссии "святылища жизни". Рождающейся жизни служат и *центры помощи жизни и дома или центры попечения о жизни*. Благодаря их деятельности многие незамужние матери и находящиеся в трудном положении супружеские пары вновь ощущают смысл и мотивированность, находят необходимую помощь и поддержку в преодолении трудностей и страхов, связанных с принятием зачатой или новорожденной жизни.

Перед лицом различных жизненных трудностей, патологий, болезней и отвержения от общества другие методы деятельности — такие, как *терапевтические общины для наркоманов, центры опеки над несовершеннолетними и умственно отсталыми, центры лечения и опеки больных СПИДом, объединения помощи инвалидам и другим нуждающимся*, — тоже представляют красноречивый пример того, на что способна христианская любовь, возвращающая людям надежду и создающая конкретные жизненные возможности.

А когда земная жизнь человека приближается к концу, остается еще любовь, способная найти самые подходящие способы, чтобы обеспечить воистину гуманную помощь *старикам*, особенно когда они уже не самостоятельны, а также *больным* в так называемой *последней стадии жизни* и по-настоящему удовлетворить их потребности, прежде всего облегчить чувство страха и одиночества. В таких случаях незаменима роль семьи, но эти люди могут найти огромную помощь и в структурах социального обеспечения, а если необходимо, то в *паллиативном лечении*, пользуясь соответствующими санитарными и социальными услугами как по месту организованного ухода, так и дома.

Особое внимание надо вновь обратить на роль *больниц, клиник и центров для выздоравливающих*: в согласии со своим истинным призванием это не только заведения, где ухаживают за больными и умирающими, но прежде всего места, где открывается и переживается человеческий, истинно христианский смысл болезни, страдания и смерти. Это призвание должно быть особенно отчетливо видно в *заведениях, руководимых монашескими орденами или еще как-нибудь связанных с Церковью*.

89. Эти структуры и места, служащие жизни, а также все другие формы помощи и солидарности, которые оказываются необходимыми в определенных обстоятельствах, должны обслуживаться людьми, *бескорыстно включившимися в эту деятельность и*

глубоко сознающими, какое решающее значение для блага личности и общества имеет *Евангелие жизни*.

Особая ответственность ложится на персонал органов здравоохранения: на врачей, фармацевтов, медсестер и санитаров, капелланов, монахов и монахинь, сотрудников администрации и волонтеров. Их профессия велит им оберегать человеческую жизнь и служить ей. В сегодняшнем культурно-социальном контексте, когда медицинская наука и практика как будто утрачивают свое врожденное этическое измерение, этим людям часто угрожает сильное искушение манипулировать жизнью, а то и прямо провоцировать смерть. Перед лицом такого искушения безмерно возрастает их ответственность, которая находит глубочайшее вдохновение и сильнейшую опору именно во врожденном и неотторжимом этическом измерении врачебной профессии, о чем свидетельствует известная еще в древнем мире, но по-прежнему актуальная *клятва Гиппократа*, согласно которой каждый врач обязан глубоко чтить человеческую жизнь и ее святость.

Абсолютное уважение к любой невинной человеческой жизни повелевает также *использовать право противиться по совести* абортам и евтаназии. "Умерщвление" никогда не может быть признано лечебным действием, даже если единственное намерение состоит в том, чтобы исполнить волю пациента: оно, наоборот, — предательство по отношению к профессии врача, которую можно определить как пылкое и решительное утверждение жизни. И занимаясь биомедицинскими исследованиями, увлекательными и обещающими великие новые открытия на благо человечества, всегда нужно избегать

экспериментов, исследований и практических выводов, которые, пренебрегая нерушимым достоинством человеческого существа, перестают служить человеку и, хотя, на первый взгляд, помогают ему, в действительности направлены против него.

90. *Особая роль принадлежит тем, кто пошел в волонтеры*: они вносят ценный вклад в служение жизни, когда соединяют профессиональную квалификацию с великодушной, бескорыстной любовью. *Евангелие жизни* побуждает их поднимать обычный филантропический подход на вершины любви Христовой, каждый день, несмотря на труды и усталость, обновлять в себе понимание достоинства любого человека, стараться обнаруживать нужды людей и, если необходимо, прокладывать новые пути там, где нужды крайне насущны, а самые слабые ждут особого внимания и помощи.

Стойкий реализм любви велит служить *Евангелию жизни* также с помощью *разных форм общественной деятельности и политической активности*, основанных на пропаганде и защите ценности жизни в наших все более сложных, плюралистических обществах. *Отдельные люди, семьи, группы и объединения* — хотя на разных основаниях и по-разному — отвечают за эту общественную деятельность и осуществление мер, принимаемых в области культуры, экономики, политики и законодательства, мер, которые, исходя из уважения ко всем и логики демократического сосуществования, содействуют построению общества, основанного на признании и охране достоинства каждой личности, на защите и развитии жизни всех.

Эта задача прежде всего возложена на *лиц, ответственных за общественные дела*. Призванные служить человеку и общему благу, они обязаны смело выступать на стороне жизни, особенно в области *правовых распоряжений*. В демократической системе, где основа законов и решений — согласная воля многих граждан, у лиц, отправляющих власть, может ослабеть чувство личной ответственности. Однако никто не может от него уклониться, особенно тот, кто исполняет законодательные или исполнительные функции, которые велят ему отвечать перед Богом, собственной совестью и всем обществом за принятие решений,

противоречащих истинному общему благу. Законы — не единственное орудие защиты человеческой жизни, но они играют очень важную, а иногда решающую роль в процессе формирования определенных умонастроений и нравов. Еще раз повторю: закон, нарушающий естественное право невинного человека на жизнь, несправедлив и как таковой не может считаться имеющим законную силу. Поэтому я вновь твердо обращаюсь с призывом ко всем политикам не принимать законов, которые не признают достоинства личности и поэтому угрожают самым корням социального общежития.

Церковь знает, что в контексте плюралистической демократии, где сосуществуют сильные культурные течения разной ориентации, трудно обеспечить успешную правовую защиту жизни. Однако я уверен, что голос нравственной истины звучит в глубине совести каждого, и поэтому призываю политиков, прежде всего христианских, не поддаваться унынию и принимать решения, которые с учетом конкретных возможностей ведут к восстановлению должного порядка путем признания и пропаганды ценности жизни. В этом контексте следует подчеркнуть, что мало отменить недостойные законы — следует еще ликвидировать причины, способствующие посягательствам на жизнь, и прежде всего обеспечить надлежащую помощь семье и материнству: *семейная политика* должна быть *столпом и двигателем всей социальной политики*. Поэтому нужно проводить социальные и законодательные меры, способные обеспечить принятие решений относительно отцовства и материнства в условиях подлинной свободы; необходимо также опираться на новые принципы политики в области труда, градостроительства, жилищного строительства и сферы обслуживания, так, чтобы можно было согласовать ритм труда с ритмом семейной жизни и обеспечить действительную опеку детям и старикам.

91. Сегодня важную область политики, защищающей жизнь, занимает *демографическая проблематика*. Власти, разумеется, обязаны "влиять на направленность политики народонаселения"¹¹⁴, но их действия должны учитывать и соблюдать изначальную неотторжимую ответственность супругов и семей; они не могут также прибегать к методам, противоречащим достоинству личности и ее фундаментальным правам, прежде всего праву каждого невинного человеческого существа на жизнь. Следовательно, нравственно недопустима такая политика регулирования зачатия, которая рекомендует, а то и прямо принуждает использовать противозачаточные средства или производить стерилизацию и аборты.

Решая проблемы народонаселения, нужно идти совершенно иными путями: правительства и различные международные организации должны прежде всего создавать экономические, социальные, медицинские, санитарные и культурные условия, которые позволят супругам принимать решение родить ребенка с полной свободой и истинной ответственностью; должны также предприниматься усилия с целью "производить больше средств и справедливее распределять богатства, давая всем равное участие в пользовании благами творения. Нужно искать решения во всемирном масштабе, создавая истинную *экономику сообщества и соучастия в благах* как на международном, так и на национальном уровне"¹¹⁵. Это единственный путь, чтящий как достоинство отдельных людей и семей, так и подлинное культурное наследие наций.

Таким образом, служение *Евангелию жизни* — область широкая и сложная. Мы все яснее видим, что она дает ценные возможности конкретного сотрудничества с братьями из других Церквей и церковных общин, согласующегося с линией *деятельного экуменизма*, к которому нас усиленно призывал 2-й Ватиканский собор¹¹⁶. Эта область открывается как дарованное нам Провидением пространство диалога и сотрудничества с приверженцами других религий и со всеми людьми доброй воли: *защита и пропаганда жизни* — не чья-то монополия, но всеобщая задача и ответственность. Ответить на вызов, встречающий нас

на пороге третьего тысячелетия, нелегко: только согласованное сотрудничество всех, кто верит в ценность жизни, позволит избежать катастрофы цивилизации и ее непредсказуемых последствий.

"Вот наследие от Господа: дети, награда от Него — плод чрева" (Пс 127/126,3): семья как "святилище жизни"

92. Во чреве "народа жизни и для жизни" *величайшая ответственность ложится на семью*: эта ответственность вытекает из самой природы семьи как общности жизни и любви, основанной на браке, и из ее миссии "беречь, открывать и передавать любовь"¹¹⁷. Речь идет здесь о любви Бога Самого, со-тружениками которого и в некотором смысле глашатаями становятся родители, когда дают жизнь и воспитывают тех, кому они ее дали, в согласии с Его отцовским замыслом¹¹⁸. Таким образом, это любовь, становящаяся бескорыстным даром, который принимается и дается: в семье каждый встречает признание, уважение и почитание, потому что он — личность, а если кто-то больше других нуждается в помощи, то его окружают особым вниманием и заботой.

Семья призвана исполнять свои задачи в течение всей жизни своих членов, от их рождения до смерти. Она есть подлинное *"святилище жизни (...)*, место, где жизнь, дар Божий, может надлежащим образом приниматься и охраняться от многочисленных нападений, которым она подвергается, где она также может развиваться в согласии с требованиями истинного человеческого роста"¹¹⁹. Поэтому семья играет решающую, незаменимую роль в формировании культуры жизни.

Будучи *домашней Церковью*, семья призвана проповедовать и восхвалять *Евангелие жизни*, служить ему. Это прежде всего задача супругов, которые призваны давать жизнь на основе неустанно обновляемого *понимания смысла отцовства и материнства*: оно рассматривается как возвышенное событие, показывающее, что *жизнь человеческая есть дар, который мы принимаем, чтобы вновь дарить*. Рождая новую жизнь, родители убеждаются, что ребенок, "хоть и является плодом их взаимного дара любви, одновременно есть дар им обоим — дар, который исходит из дара"¹²⁰.

Миссию проповеди *Евангелия жизни* семья исполняет прежде всего *воспитанием детей*. Словом и примером, ежедневным общением и решениями, конкретными поступками и знаковыми жестами родители учат своих детей подлинной свободе, которая осуществляется в бескорыстном самопожертвовании, и развивают в них уважение к другим людям, чувство справедливости, готовность к искреннему приему других, к диалогу, к великодушному служению и солидарности, а также все другие ценности, которые помогают принимать жизнь как дар. Воспитательная работа родителей-христиан должна служить развитию веры у детей и помогать им исполнить призвание, полученное от Бога. В рамках своей воспитательной миссии родители должны словом и свидетельством научить детей тому, каков истинный смысл страдания и смерти: они сумеют это сделать, если сами будут замечать всяческие признаки страдания вокруг себя, а еще лучше, если проявят сердечность, заботу и сострадание по отношению к больным и старикам в своей семье.

93. Кроме того семья *восхваляет Евангелие жизни ежедневной молитвой*, личной и семейной: в молитве она славит Бога и благодарит Его за дар жизни, испрашивает света и силы, чтобы преодолевать трудности и страдания, никогда не теряя надежды. Однако тот вид восхваления, который придает смысл всем формам молитвы и богослужения, проявляется в *повседневной жизни семьи*, если ее содержание составляют любовь и жертвенность.

Тем самым восхваление преобразуется в служение *Евангелию жизни*, а проявлением этого служения становится *солидарность*, переживаемая внутри и вне семьи как чуткая, искренняя забота, выражающаяся в мелких, скромных, будничных поступках. Особенно выразительный признак солидарности между семьями — *усыновление* или *взятие под опеку* детей, брошенных родителями либо живущих в тяжелых условиях. Независимо от связи по плоти и крови, истинная отцовская и материнская любовь готова принять и детей из других семей, одарить их всем, что нужно для жизни и полного развития. Среди различных форм усыновления следует рекомендовать также *усыновление на расстоянии*, более подходящее в тех случаях, когда единственная причина брошенности ребенка — глубокая нищета его семьи. Этот тип усыновления позволяет предоставить родителям необходимую помощь, чтобы они могли сами содержать и воспитывать своих детей, которых не придется вырывать из естественной среды.

Солидарность, понимаемая как "мощная и твердая решимость выступить в защиту общего блага"¹²¹, должна осуществляться также в разных формах участия в *общественной и политической жизни*. Таким образом, служение *Евангелию жизни* основано еще и на том, что семьи, главным образом объединяясь в рамках соответствующих организаций, стараются оказывать такое влияние на законодательство и государственные институты, чтобы те никоим образом не нарушали права на жизнь от зачатия до естественной смерти, но охраняли его и укрепляли.

94. Особое место следует отвести *пожилым людям*. В то время как в некоторых культурах престарелый человек включается в семейную жизнь и играет в нем активную и важную роль, в других на стариков смотрят как на бесполезный груз и нередко предоставляют их самим себе: в таком контексте легко возникает искушение евтаназии.

Сталкивать стариков на край общества или вообще изгонять их из своей жизни недопустимо. Их присутствие в семье или хотя бы сохранение постоянной связи с ними, если жилищная теснота либо другие причины делают совместную жизнь невозможной, имеет фундаментальное значение в создании атмосферы взаимобмена и обогащающего диалога между разными поколениями. Поэтому обязательно надо сохранять своеобразный "договор" между поколениями — или восстанавливать его, когда он нарушен, — по которому старики-родители, уже близкие к концу своего земного странствия, могут ожидать от детей опеки и солидарности, какую сами оказали детям в начале их жизни: этого требует послушание заповеди Божией, приказывающей чтить отца и мать (см. *Иск* 20,12; *Лев* 19,3). Но это не все. Старики — не только "предмет" заботы, опеки и служения. Они и сами вносят ценный вклад в *Евангелие жизни*. Они могут и должны использовать богатый опыт, накопленный за долгие годы, чтобы *делиться мудростью, свидетельствовать о надежде и любви*.

Хотя верно, что "будущее человечества проходит через семью"¹²², но приходится признать, что в современных социальных, экономических и культурных условиях задачи семьи на службе жизни часто становятся все труднее и тягостнее. Чтобы семья могла исполнить свое призвание "святыни жизни" и ячейки общества, любящей и принимающей жизнь, обязательно надо в неотложном порядке *обеспечить ей помощь и поддержку*. Общество и государство должны выделить всю необходимую помощь, включая экономическую, для того чтобы семьи могли решать свои проблемы более по-человечески. Со своей стороны, Церковь должна неумолимо развивать семейное пастырство, способное побудить каждую семью открывать и радостно переживать миссию, указанную ей *Евангелием жизни*.

"Поступайте, как чада света" (Еф 5,8): необходимость глубокого обновления культуры

95. "...поступайте, как чада света (...). Испытайте, что благоугодно Богу, и не участвуйте в бесплодных делах тьмы" (Еф 5,8. 10-11). В современном социальном контексте, отмеченном драматической борьбой между "культурой жизни" и "культурой смерти", *следует воспитывать в себе сильное критическое чувство*, позволяющее отличать истинные ценности и подлинные нужды.

Чтобы ввести в действие великую стратегию защиты жизни, необходимы всеобщая "мобилизация совести" и общий этический труд. Все вместе мы должны строить новую культуру жизни: новую, то есть способную браться за ныне возникшие, а ранее неизвестные проблемы, связанные с человеческой жизнью, и решать их; новую, то есть более решительно и активно принимаемую всеми христианами; новую, то есть способную побудить к серьезной и смелой культурной конфронтации с любым противником. Жгучая потребность такого обновления культуры вытекает из исторических условий, в которых мы сегодня живем, но прежде всего коренится в самой миссии благовествования, вверенной Церкви. Ибо Евангелие стремится к "внутреннему преображению и обновлению человечества"¹²³; оно — как закваска, которая поднимает все тесто (см. Мф 13,33), и поэтому должно входить во все культуры и животворить их изнутри¹²⁴, чтобы они выражали полноту истины о человеке и его жизни.

Следует начать с обновления культуры жизни внутри самих христианских общин. Слишком часто верующие, даже те, кто активно участвует в жизни Церкви, поддаются тенденции отрывать христианскую веру от ее этических требований, касающихся жизни, что приводит к нравственному субъективизму и некоторым недопустимым видам поведения. Значит, мы должны совершенно ясно и смело задать себе вопрос, какая культура жизни сегодня распространена среди отдельных христиан, семей, объединений и общин в наших епархиях. Так же ясно и решительно мы должны определить действия, которые нам надо предпринять, чтобы служить жизни в свете полной истины о ней. Одновременно мы должны развивать серьезный и глубокий диалог со всеми, в том числе и с неверующими, по главным проблемам человеческой жизни и вести его в центрах интеллектуального творчества, в различных профессиональных кругах и там, где проходит повседневная жизнь каждого из нас.

96. Первый и основной шаг в направлении этого обновления культуры — *воспитание в совести людей особой чуткости* к неизмеримой и нерушимой ценности каждой человеческой жизни. Вопрос величайшей важности — *заново открыть неразрывную связь между жизнью и свободой*. Это неразделимые блага: нарушение одного из них приводит к нарушению другого. Нет истинной свободы там, где не принимают и не любят жизни; полнота жизни возможна только в условиях свободы. Обе эти реальности имеют также общий аспект, врожденный и особенный, соединяющий их неразрывно: призывание к любви. Эта любовь, понимаемая как бескорыстное самопожертвование¹²⁵, составляет самый истинный смысл жизни и свободы человека.

Столь же решающее значение для воспитания совести имеет *открытие заново конститутивной связи, соединяющей свободу и истину*. Как я уже неоднократно указывал, отрыв свободы от объективной истины приводит к тому, что права человека не удастся поставить на прочную рациональную основу, — создается ситуация, когда в обществе может воцариться анархическое своеволие одиночек или убийственный тоталитаризм власти¹²⁶.

Следовательно, человеку необходимо признать свое изначальное, неопровержимое состояние твари, получающей от Бога сущность и жизнь как дар и задачу: только приняв эту прирожденную зависимость своего бытия, человек может вполне реализовать свою жизнь и

свободу и в то же время отнестись с глубочайшим уважением к жизни и свободе любого другого человека. Здесь прежде всего обнаруживается, что "осью всякой культуры является отношение человека к величайшей тайне: к тайне Бога"¹²⁷. Если отбросить Бога и жить так, словно Его не существует, или не соблюдать Его заповедей, тогда легко и отбросить или подорвать достоинство человеческой личности и нерушимость ее жизни.

97. С воспитанием совести тесно связан *воспитательный труд*, который помогает человеку становиться все больше человеком, все глубже вводит его в истину, формирует в нем все большее уважение к жизни, обучает его правильным человеческим отношениям.

Особенно следует прививать уважение к ценности жизни, причем *от самых ее истоков*. Думать, что можно построить истинную культуру человеческой жизни, не помогая молодежи понимать и переживать пол, любовь и жизнь в согласии с их истинным значением и в их тесной взаимосвязи, — заблуждение. Пол — это богатство всего человека, "обнаруживающее свой глубокий смысл в том, что он побуждает личность принести себя в дар в любви"¹²⁸. Банализация пола — один из главных факторов, стоящих у истоков презрения к нарождающейся жизни: только истинная любовь способна оберегать жизнь. Поэтому нельзя уклоняться от обязанности обеспечить — прежде всего подросткам и юношеству — подлинное *обучение вопросам пола и любви*, обучение, включающее *воспитание чистоты* как добродетели, которая способствует достижению личной зрелости и дает способность уважать аспект тела как тела "возлюбленного".

Дело воспитания для жизни включает обучение супругов ответственному отцовству и материнству, истинное значение которого состоит в том, чтобы супруги были послушны зову Божию и действовали как верные выразители Его замысла. Это происходит, когда они великодушно решаются принять в семью новую жизнь или сохраняют дух служения жизни даже в том случае, когда по серьезным причинам и в согласии с нравственным законом постановляют временно или на неопределенный срок избегать новых родов. Нравственный закон во всех случаях обязывает их господствовать над инстинктами и страстями и соблюдать биологические законы, вписанные в их личности. Именно это дает им право, в духе служения ответственному отцовству и материнству, *применять естественные методы регулирования зачатия*: эти методы становятся, с научной точки зрения, все более точными и дают конкретную возможность принимать решения, согласующиеся с нравственными ценностями. Добросовестная оценка результатов, достигнутых в этой области, должна покончить с предрассудками, по-прежнему слишком распространенными, и убедить как супругов, так и сотрудников медицинских и социальных учреждений в необходимости настоящего обучения этим методам. Церковь благодарна тем, кто ценой самоотречения и жертв, часто остающихся недооцененными, занимается изучением и распространением этих методов, тем самым заботясь о воспитании в духе ценностей, лежащих в их основе. *В воспитательном труде не обойтись и без размышлений над страданием и смертью*. Ибо в действительности каждый человек их испытывает, и было бы тщетно и ошибочно замалчивать их или не обращать на них внимания. Наоборот, следует помочь каждому человеку увидеть глубокую тайну, скрытую в этой конкретной и нелегкой реальности. Боль и страдание имеют смысл и ценность, если переживаешь их в тесной связи с любовью, получаемой и даруемой. В этой перспективе я хотел бы, чтобы каждый год — с целью подчеркнуть "спасительный характер жертвенного страдания, ибо, переживаемое со Христом, оно принадлежит к самой сути Искупления"¹²⁹, — отмечался *Всемирный день больного*. Да и смерть — нечто совершенно иное, нежели опыт безнадежности: она есть врата в вечность, а для переживающих ее во Христе — удел в Его тайне смерти и воскресения.

98. Подводя итог, мы можем сказать, что предлагаемое здесь обновление культуры требует

от всех смело *принять новый стиль жизни*, выражающийся в том, чтобы конкретные решения — в личной, семейной, общественной и международной сферах — опирались на надлежащую шкалу ценностей: *на приоритет "быть" перед "иметь"¹³⁰ и личности перед вещью¹³¹*. Этот обновленный стиль жизни требует также изменить отношение к другому человеку — заменить *равнодушие заинтересованностью, а отвержение — приятием*: другие люди — не соперники, от которых надо защищаться, но братья и сестры, заслуживающие солидарности и любви; они обогащают нас своим присутствием.

Никто не должен чувствовать себя исключенным из этой мобилизации в поддержку новой культуры жизни: *всем отведена важная роль*. Наряду с семьей благородные задачи выполняют *учителя и воспитатели*. В большой мере от них зависит, сумеет ли молодежь, воспитанная в духе истинной свободы, сохранить и распространить подлинные жизненные идеалы, а также взрастить в себе готовность уважать каждого человека и служить ему в семье и обществе.

Интеллигенция также может многое сделать для созидания новой культуры человеческой жизни. Особая задача стоит перед католической интеллигенцией, призванной активно действовать в кругах, где создается культура, в школах и университетах, в научно-исследовательских и технических учреждениях, на поле художественного творчества и гуманистической мысли. Черпая энергию для мысли и действия из чистых родников Евангелия, они должны включаться в служение новой культуре жизни своими свершениями — серьезными и документированными, заслуживающими всеобщего уважения и интереса. Именно в этой перспективе я учредил Папскую Академию "Pro Vita", задача которой — "изучать основные проблемы медицины и права, имеющие значение для пропаганды и защиты жизни, особенно в их непосредственной связи с христианской нравственностью и указаниями церковного Учительства, а также распространять знания о них и вести обучение в этой области"¹³². Особый вклад здесь должны внести также *университеты*, особенно *католические*, а кроме того *центры, институты и специальные комиссии по биоэтике*.

Большая и серьезная ответственность лежит на *работниках средств информации*: им следует заботиться о том, чтобы информация, распространяемая так эффективно, служила культуре жизни. Поэтому они должны показывать возвышенные, благородные примеры жизни и посвящать внимание положительным, иногда прямо героическим свидетельствам человеческой любви; с большим уважением говорить о ценностях пола и любви, не выпячивая то, что обезображивает и унижает человеческое достоинство. Истолковывая действительность, они должны стараться не выдвигать на первый план то, что может пробуждать или поддерживать чувства и проявления равнодушия и презрения к жизни либо склонять к отвержению жизни. Скрупулезно соблюдая принципы верности истине, они должны соединять в единое целое свободу информации, уважение к каждой личности и глубокое чувство человечности.

99. *Женщинам* в деле формирования новой культуры, благоприятствующей жизни, принадлежит исключительная, а может быть, и решающая роль в сфере мысли и действия: им предстоит быть проводницами "нового феминизма", который не поддастся соблазну брать за образец "маскулинизм", но сумеет познать и выразить подлинный гений женщины во всех проявлениях общественной жизни, действуя в пользу преодоления всех форм дискриминации, насилия и эксплуатации.

Вспоминая слова заключительного обращения 2-го Ватиканского собора, и я посылаю женщинам неотложный призыв: *"Примиритесь, люди, с жизнью"¹³³*. Вы призваны давать свидетельство *настоящей любви* — этого самопожертвования и этого приятия другого человека, которые по-особому совершаются в супружеской общности, но должны

составлять сущность любой другой человеческой связи. Опыт материнства обостряет в вас чуткость к ближнему, но в то же время возлагает на вас исключительную задачу:

"...материнство содержит в себе особое общение с тайной жизни, которая зреет в чреве женщины. (...) Этот единственный способ общения с новым формирующимся человеком, в свою очередь, создает такое отношение к человеку — не только к собственному ребенку, но и к человеку вообще, — которое глубоко характеризует всю личность женщины"¹³⁴. Ибо мать принимает и вынашивает другого человека, позволяет ему расти и дает ему место в своем чреве, чтя его таким особенным, каков он есть. Благодаря этому женщина понимает и других учит понимать, что человеческие отношения подлинны, если открыты к приятию другого человека, признанного и возлюбленного ввиду достоинства, которое ему дает сам факт, что он — личность, а не какие-то другие факторы, например, способности, сила, ум, красота, здоровье. Таков важнейший вклад, которого ожидают Церковь и человечество от женщин. Он составляет необходимую посылку истинной основы культуры.

Особое внимание хочу уделить вам, *женщины, допустившие прерывание беременности*.

Церковь знает, сколь многие факторы могли повлиять на ваше решение, и не сомневается, что во многих случаях это было решение горестное, может быть даже трагическое.

Наверное, рана в ваших сердцах еще не затянулась. Ибо случившееся, по сути дела, было и остается глубоко нечестивым. Однако не поддавайтесь унынию и не теряйте надежды.

Лучше постарайтесь понять этот опыт и истолковать его в согласии с истиной. Смиренно и доверчиво откройте душу — если вы еще этого не сделали — покаянию: Отец всяческого милосердия ждет вас, чтобы даровать вам Свое прощение и мир в таинстве примирения.

Узнайте, что ничто еще не потеряно, — тогда вы сможете попросить прощения и у своего младенца: он теперь живет у Бога. Поддержанные советом и помощью расположенных к вам и понимающих людей, вы сможете сделать свое горестное свидетельство одним из самых красноречивых аргументов в защите всеобщего права на жизнь. Благодаря вашей преданности делу жизни, которая, быть может, увенчается рождением новых человеческих существ и подтвердится приемом тех, кому особенно нужна ваша близость и забота, вы дадите возможность по-новому взглянуть на жизнь человека.

100. В этом великом труде по созданию новой культуры жизни нас *поддерживает и животворит уверенность в том, что Евангелие жизни*, как и Царствие Божие, возрастает и дает обильный плод (см. *Мк 4,26-29*). Действительно, многообразные могущественные средства, которыми оснащены силы, действующие в поддержку "культуры смерти", и то, чем располагают защитники "культуры жизни и любви", несопоставимо по масштабам. Мы, однако, знаем, что можем рассчитывать на помощь Бога, Которому нет ничего невозможного (см. *Мф 19,26*). С этой уверенностью в сердце, побуждаемый глубокой заботой о судьбе каждого человека, я сегодня повторяю всем то, что сказал семьям, выполняющим свои трудные задачи среди угрожающих им опасностей¹³⁵: *неотложно необходима великая молитва за жизнь*, идущая через весь мир. Пусть каждая христианская община, каждое движение и объединение, каждая семья и каждый верующий в рамках специальных начинаний и в повседневной молитве понесут пылкую мольбу Богу Творцу, возлюбившему жизнь. Иисус Сам показал нам, что молитва и пост — самое главное и успешное оружие против сил зла (см. *Мф 4,1-11*), и научил Своих учеников, что некоторых злых духов можно изгнать только этим (см. *Мк 9,29*). Так исполнимся же смирения и смелости в молитве и посте, чтобы призвать силу свыше, которая разрушит стены обмана и лжи, заслоняющие от зрения многих наших братьев и сестер нечестие деяний и законов, враждебных жизни, и возбудит в их сердцах решимость и намерения, вдохновленные цивилизацией жизни и любви.

"И сие пишем вам, чтобы радость ваша была совершенна" (1 Ин 1,4): Евангелие жизни,

предназначено всему человеческому обществу

101. "И сие пишем вам, чтобы радость ваша была совершенна" (1 Ин 1,4). Откровение *Евангелия жизни* подается нам как благо, которое мы должны раздавать всем: чтобы все люди имели общение с нами и с Пресвятой Троицей (см. 1 Ин 1,3). Даже мы сами не смогли бы испытать полную радость, если бы не проповедовали это Евангелие другим, а оставили его только для себя.

Евангелие жизни предназначается не только верующим: оно для всех. Вопрос жизни, ее защиты и пропаганды — не прерогатива одних только христиан. Хотя он черпает свой необычайный свет и силу в вере, но его задает совесть любого человека, устремленная к истине и не безразличная к судьбам человечества. Жизнь несомненно несет в себе нечто святое и религиозное, но этот ее аспект касается не только верующих: речь идет о ценности, которую каждое человеческое существо может понять также в свете разума, и поэтому она без сомнения касается всех.

Поэтому деятельность, которую мы предпринимаем как "народ жизни и для жизни", требует надлежащего понимания и положительного приема. Когда Церковь заявляет, что безусловное соблюдение права на жизнь каждой невинной личности от зачатия до естественной смерти — это один из столпов цивилизованного общества, она "просто стремится содействовать построению государства с человеческим лицом. Государства, которое признаёт своим основным долгом защиту фундаментальных прав человека, в особенности человека более слабого"¹³⁶.

Евангелие жизни предназначено всему человеческому обществу. Действовать в поддержку жизни значит содействовать обновлению общества путем созидания общего блага. Ибо нельзя созидать общее благо, если не признавать и не охранять право на жизнь, на которое опираются и из которого вытекают все другие неотторжимые права человека. Не может иметь прочных основ общество, которое — даже выступая за такие ценности, как достоинство личности, справедливость и мир, — резко противоречит самому себе, признавая и терпя разнообразные формы унижения и уничтожения человеческой жизни, особенно жизни людей более слабых, вышвырнутых за рамки общества. Только уважение к жизни может составлять фундамент и гарантию самых главных, самых необходимых для общества ценностей, таких, как демократия и мир.

Ибо не может быть *истинной демократии*, если не признавать достоинство каждого человека и не соблюдать его права.

Не может быть *истинного мира*, если не становится на защиту жизни и не поддерживать ее, как напомнил об этом Папа Павел VI: "Каждое преступление против жизни — это посягательство на мир, особенно тогда, когда оно извращает нравы нации (...); а там, где права человека действительно соблюдаются, публично признаются и защищаются, общество живет и развивается в радостной атмосфере мира"¹³⁷.

"Народ жизни" радуется тому, что может разделять свою миссию со многими другими, благодаря чему все более умножается "народ для жизни", а новая культура любви и солидарности может возрасть и служить истинному благу человеческого общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

102. В конце этого окружного послания мы подымаем взгляд к Иисусу, "Младенцу, родившемуся нам" (см. Ис 9,6), чтобы созерцать в нем "Жизнь", которая "явилась" (1 Ин

1,2). В тайне этого рождения Бог встречается с человеком и начинается странствие Сына Божьего по земле — странствие, которое будет увенчано жертвой, принесенной на кресте: смертью Своей Он победит смерть и для всего человечества станет началом новой жизни.

Тою, что приняла "Жизнь" во имя всех и на пользу всех, была Мария, Дева-Матерь. Поэтому она очень тесно и лично связана с *Евангелием жизни*. Согласие Марии, выраженное в момент Благовещения, и Ее материнство лежат у самых истоков тайны жизни, которую Христос принес людям (см. *Ин* 10,10). Благодаря Ее согласию принять Слово, Которое стало плотью, и заботу о Его жизни, жизнь человека была избавлена от приговора к окончательной и вечной смерти.

Поэтому Мария — это "Матерь всех, кто возрождается к жизни, как Церковь, которой Она служит образцом. Она — Матерь той жизни, от которой все живы. Рождая жизнь, Она как будто воскресила тех, кому предстояло жить этой жизнью"¹³⁸.

Созерцая материнство Марии, Церковь открывает смысл своего материнства и то, как ей следует его выражать. В то же время материнский опыт Церкви открывает глубочайшую перспективу, в которой можно понять опыт Марии как *несравненного образца приятия жизни и заботы о ней*.

"И явилось на небе великое знамение: жена, облеченная в солнце" (Откр 12,1): материнство Марии и Церкви

103. Взаимосвязь тайны Церкви и тайны Марии выразительно обнаруживается в "великом знамени", описанном в Откровении св. Иоанна Богослова: "И явилось на небе великое знамение: жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд" (*Откр* 12,1). В этом знамени Церковь усматривает образ своей тайны: погруженная в историю, она тем не менее знает, что превосходит ее, так как составляет на земле "зачаток и начало" Царства Божьего¹³⁹. Полное и образцовое свершение этой тайны Церковь находит в Марии. Она и есть та Жена, полная славы, в Которой замысел Божий смог исполниться совершенно. "Жена, облеченная в солнце", — читаем мы в Книге Откровения, — "имела во чреве" (см. 12,2). Церковь вполне сознаёт, что вынашивает в себе Спасителя мира, Христа Господа, и что призвана давать Его миру, воскрешая людей к жизни Божией. Она не может, однако, забывать, что эта миссия стала возможна благодаря материнству Марии, Которая зачала и произвела в мир "Бога от Бога", "Бога истинного от Бога истинного". Мария есть воистину Матерь Божия, *Theotokos*, материнство Которой наделяет высшим достоинством призвание к материнству, начертанное Богом в жизни каждой женщины. Тем самым Мария становится образцом для Церкви, призванной быть "новой Евой", Матерью верующих, "Матерью всех живущих" (см. *Быт* 3,20).

Это духовное материнство Церкви осуществляется — и это Церковь тоже сознаёт — только среди "болеи и мук рождения" (*Откр* 12,2), то есть в неустанном борении с силами зла, которые по-прежнему пронизывают весь мир и действуют на человеческие сердца, противясь Христу: "В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его" (*Ян* 1,4-5).

Мария так же, как и Церковь, должна была пережить Свое материнство под знаком страдания: "Се, лежит Сей (...) в предмет пререканий, — и Тебе Самой оружие пройдет душу, — да откроются помышления многих сердец" (*Лк* 2,34-35). Эти слова, которые в самом начале земной жизни Спасителя обратил к Марии Симеон, представляют собой сжатое предвестие того, что Иисус будет отвержен, а вместе с Ним и Мария, и кульминация этого наступит на Голгофе. Стоя "при кресте Иисуса" (*Ян* 19,25), Мария участвует в жертве,

которую Ее Сын приносит Своей жизнью: Она жертвует нам Иисуса, дарует Его, окончательно рождает Его для нас. Ее "да будет", сказанное в день Благовещения, до конца созревает в день Распятия: для Марии наступает время, когда Ей предстоит принять и родить как сына каждого, кто стал учеником, перенося на него искупительную любовь Сына: "Иисус, увидев Матерь и ученика, тут стоящего, которого любил, говорит Матери своей: Жено! се, сын Твой" (Ян 19,26).

"Дракон сей стал перед женою, которой надлежало родить, дабы, когда она родит, пожрать ее младенца" (Откр 12,4): жизни угрожают силы зла

104. В Книге Откровения наряду с "великим знамением" жены (см. 12,1) появляется "другое знамение на небе": "большой красный дракон" (12,3), символизирующий диавола, воплощенное могущество зла, а с ним и все силы зла, которые действуют в истории и противостоят миссии Церкви.

Мария и здесь просвещает всю общину верующих: враждебность сил зла проявляется как упорное противление, которое, прежде чем затронуть учеников Христа, обращается против Его Матери. Чтобы уберечь жизнь Сына от тех, кто Его боится, ибо видит в Нем опасность и угрозу себе, Мария должна бежать с Иосифом и Младенцем в Египет (см. *Мф* 2,13-15).

Так Мария помогает Церкви осознать, что жизнь всегда стоит в центре великой борьбы между добром и злом, между светом и тьмой. Новорожденный "младенец" (см. *Откр* 12,4), которого Дракон хочет пожрать, символизирует Христа, рожденного Марией, "когда пришла полнота времени" (см. *Гал* 4,4), Христа, Которого Церковь должна неутомимо нести людям в различные исторические эпохи. Но он, можно сказать, символизирует и любого человека, любого младенца, в особенности же любое слабое и находящееся в опасности существо, потому что, как напоминает нам 2-й Ватиканский собор, "Сын Божий через Свое воплощение соединился неким образом с каждым человеком"¹⁴⁰. Именно во "плоти" каждого человека Христос неустанно открывается и учреждает общение с нами, так что *отвергнуть жизнь человека*, а это совершается в разных формах, *по существу значит отвергнуть Христа*. Именно такова эта поразительная и в то же время требовательная истина, которую явил нам Христос и которую Его Церковь не устает возвещать: "И кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает" (*Мф* 18,5). "Истинно, истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне" (*Мф* 25,40).

"И смерти не будет уже" (Откр 21,4): сияние воскресения

105. Благая весть, принесенная Марии Ангелом, начинается и кончается словами, пробуждающими надежду: "Не бойся, Мария" и "у Бога не останется бессильным никакое слово" (*Лк* 1,30. 37). И действительно, девственная Матерь на протяжении всей жизни хранит веру в то, что Бог возле Нее и помогает Ей Своей заботливой благодатью. То же можно сказать и о Церкви, которая находит себе "место" в пустыне (см. *Откр* 12,6) — там, где Бог подвергает Свой народ испытанию, но также являет ему Свою милость (см. *Ос* 2,16). Мария есть живое слово утешения для Церкви, борющейся со смертью. Ука-зуя нам Сына, она заверяет нас, что в Нем силы смерти уже побеждены: "Смерть сразилась с жизнью, и, о чудо, хотя пал в бою Начальник жизни, Он сегодня царит живой"¹⁴¹.

Агнец, принесенный в жертву, живет со стигматами Страстей в сиянии Воскресения. Он один господствует над всеми событиями истории: он снимает ее "печати" (см. *Откр* 5,1-10) и утверждает — во времени и вне времени — *власть жизни над смертью*. В "новом Иерусалиме", то есть в новом мире, к которому устремлена история человечества, "смерти

не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло" (*Откр* 21,4).

С верою идя к "новому небу и новой земле" (см. *Откр* 21,1) как странствующий народ, народ жизни и для жизни, мы устремляем доверчивый взор к Той, Кто нам знамение "надежды и утешения"¹⁴².

О Мария,
заря нового мира,
Матерь всех живущих,
Тебе вверяем *дело жизни*:
взгляни, Мария, на множества множеств
детей, коим не велят прийти в мир,
нищих, которые борются с тяготами жизни,
мужчин и женщин — жертв бесчеловечного насилия,
стариков и больных, убитых равнодушием
или ложным состраданием.
Соделай, чтобы все верующие в Твоего Сына
сумели открыто и с любовью *возвещать*
людям нашей эпохи *Евангелие жизни*.
Испроси им благодать *приятия его*
как вечно нового дара,
радость *восхваления его* с благодарностью
во всю свою жизнь
и смелость деятельно и стойко
свидетельствовать о нем,
чтобы они могли созидать
вместе со всеми людьми доброй воли
цивилизацию истины и любви
в честь и славу Бога Творца,
Который возлюбил жизнь.

В Риме, у Св. Петра, 25 марта 1995 года, в праздник Благовещенья Господня, на семнадцатом году моего понтификата.

Иоанн Павел II

"Русская мысль" - Издательство "МИК"

Париж - Москва

1997

¹ Правда, словосочетание "Евангелие жизни" как таковое не встречается в Священном Писании, однако хорошо соответствует существенному аспекту библейской Вести.

² Пастырская конституция о Церкви в современном мире "Gaudium et spes", 22.

³ См. Иоанн-Павел II, энциклика "Redemptor hominis" (4 марта 1979), 10: *AAS* 71 (1979), стр. 275.

⁴ См. там же, 14: 1.е., стр. 285.

⁵ Пастырская конституция о Церкви в современном мире "Gaudium et spes", 27.

⁶ См. Письмо всем братьям во епископстве о "Евангелии жизни" (19 мая 1991): *Insegnamenti* XIV, 1 (1991), стр.1293-1296.

⁷ Там же, I.c., стр.1294.

⁸ Послание семьям "Gratissimum sane" (2 февраля 1994), 4: *AAS* 86 (1994), стр.871.

- ⁹ Иоанн Павел II. Энциклика "Centesimus annus" (1 мая 1991), 39: *AAS* 83 (1991), стр.842.
- ¹⁰ Пункт 2259.
- ¹¹ См. Св. Амвросий Медиоланский. О Ное, 26, 94-96: *CSEL* 32, стр. 480-481.
- ¹² См. Катехизис Католической Церкви, пп.1867 и 2268.
- ¹³ О Каине и Авеле, II, 10, 38: *CSEL* 32, стр.408.
- ¹⁴ См. Конгрегация вероучения. Инструкция об уважении к рождающейся человеческой жизни и о достоинстве ее передачи "Donum vitae" (22 февраля 1987): *AAS* 80 (1988), 70-102.
- ¹⁵ Речь во время молитвенного бдения в канун VIII Всемирного дня молодежи (14 августа 1993), II, 3: *AAS* 86 (1994), 419.
- ¹⁶ Иоанн-Павел II. Речь к участникам научного симпозиума "Право на жизнь и Европа" (18 декабря 1987): *Insegnamenti* X, 3 (1987), 1446-1447.
- ¹⁷ Пастырская конституция о Церкви в современном мире "Gaudium et spes", 36.
- ¹⁸ См. там же, 16.
- ¹⁹ См. Св. Григорий Богослов. Поучительное слово на Иова 13, 23: *CCL*, 143A, 683.
- ²⁰ Иоанн-Павел II. Энциклика "Redemptor hominis" (4 марта 1979), 10: *AAS* 71 (1979), 274.
- ²¹ 2-й Ватиканский собор. Пастырская конституция о Церкви в современном мире "Gaudium et spes", 50.
- ²² Догматическая конституция об Откровении Божиим "Dei verbum", 4.
- ²³ "Gloria Dei vivens homo": Против ересей, IV, 20, 7: *SCh* 100/2, 648-649.
- ²⁴ 2-й Ватиканский собор. Пастырская конституция о Церкви в современном мире "Gaudium et spes", 12.
- ²⁵ Исповедь, I, 1: *CCL* 27,1.
- ²⁶ Шестоднев, VI, 75-76: *CSEL* 32, 260-261.
- ²⁷ "Vila autem hominis visio Dei": Против ересей, IV, 20, 7: *SCh* 100/2, 648-649.
- ²⁸ См. Иоанн-Павел II. Энциклика "Centesimus annus" (1 мая 1991), 38: *AAS* 83 (1991), 840-841.
- ²⁹ Иоанн-Павел II. Энциклика "Sollicitudo rei socialis" (30 декабря 1987), 34: *AAS* 80 (1988), 560.
- ³⁰ Пастырская конституция о Церкви в современном мире "Gaudium et spes", 50.
- ³¹ Послание к семьям "Gratissimam sane" (2 февраля 1994), 9: *AAS* 86 (1994), 878; ср. Пий XII. Энциклика "Humani generis" (12 августа 1950): *AAS* 42 (1950), 574.
- ³² "Animas enim в Deo immediate creati catholica fides nos retinere iubet": Пий XII. Энциклика "Humani generis" (12 августа 1950): *AAS* 42 (1950), 575.
- ³³ 2-й Ватиканский собор. Пастырская конституция о Церкви в современном мире "Gaudium et spes", 50; ср. Иоанн-Павел II. Апостольское увещание "Familiaris consortio" (22 ноября 1981), 28: *AAS* 74 (1982), 114
- ³⁴ Проповеди, II, 1: *CCSG* 3, 39.
- ³⁵ См. напр. *Ps* 22/21,10-11; 71/70,6; 139/138,13-14.
- ³⁶ *Expositio Evangelii secundum Lucam*, II, 22-23: *CCL* 14, 40-41.
- ³⁷ Св. Игнатий Антиохийский. К Ефесянам, 7,2: *Patres Apostolici*, изд. F.X.Funk, II, 82.
- ³⁸ Об устройении человека, 4: *PG* 44, 136.
- ³⁹ См. Св. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры, 2,12: *PG* 94, 920 и 922. Цит. у св. Фомы Ахвинского: Сумма теологии, I-II, Пролог.
- ⁴⁰ Павел VI. Энциклика "Humanae vitae" (25 июля 1968), 13: *AAS* 60 (1968), 489.
- ⁴¹ Конгрегация вероучения. Инструкция об уважении к рождающейся человеческой жизни и о достоинстве ее передачи "Do-num vitae" (22 февраля 1987), Вступление, 5: *AAS* 80 (1988), 76-77; ср. Катехизис Католической Церкви, п.2258.
- ⁴² Учение двенадцати апостолов, I,1; II,1-2: V,1 и 3; *Patres apostolici*, изд. F.X.Funk, I,2-3, 6-9, 14-17; ср. Послание Псевдо-Варнавы, XIX, 5: 1.с., 90-93.
- ⁴³ См. Катехизис Католической Церкви, пп.2263-2269; ср. Катехизис Тридентского собора, III, 327-332.
- ⁴⁴ Катехизис Католической Церкви, п.2265.
- ⁴⁵ См. Св. Фома Аквинский. Сумма теологии, II-II, q.64, а.7; Св. Альфонс Де Лигуори. Нравственное богословие, I, III, tr.4, с.I, dub.3.
- ⁴⁶ Катехизис Католической Церкви, п.2266.

- [47](#) См. там же.
- [48](#) П.2267.
- [49](#) См. 2-й Ватиканский собор. Догматическая конституция о Церкви "Lumen gentium", 12.
- [50](#) См. Пастырская конституция о Церкви в современном мире "Gaudium et spes", 27.
- [51](#) См. 2-й Ватиканский собор. Догматическая конституция о Церкви "Lumen gentium", 25.
- [52](#) Конгрегация вероучения. Декларация о евтаназии "Iura et bona" (5 мая 1980), II: *AAS* 72 (1980), 546.
- [53](#) Иоанн Павел II. Энциклика "Veritatis splendor" (6 августа 1993), 96: *AAS* 85 (1993), 1209.
- [54](#) Пастырская конституция о Церкви в современном мире "Gaudium et spes", 51: "...аборт и детоубийство являются ужасными преступлениями".
- [55](#) См. Иоанн Павел II. Апостольское послание "Mulieris dignitatem" (15 августа 1988), 14: *AAS* 80 (1988), 1686.
- [56](#) Послание к семьям "Gratissimum sane" (2 февраля 1994), 21: *AAS* 86 (1994), 920.
- [57](#) Конгрегация вероучения. Декларация о прерывании беременности (18 ноября 1974), 12-13; *AAS* 66 (1974), 738.
- [58](#) См. Конгрегация вероучения. Инструкция об уважении к рождающейся человеческой жизни и о достоинстве ее передачи "Donum vitae" (22 февраля 1987), I, 1: *AAS* 80 (1988), 78-79.
- [59](#) Там же. I с., 79.
- [60](#) Так говорит пророк Иеремия: "И было ко мне слово Господне: прежде нежели Я образовал тебя во чреве, Я познал тебя; и прежде нежели ты вышел из утробы, Я освятил тебя; пророком для народов поставил тебя" (1,4-5). Псалмопевец, в свою очередь, обращается к Господу с такими словами: "На Тебе утверждался я от утробы; Ты извел меня из чрева матери моей" (*Пс* 71/70,6; ср. *Ис* 46,3; *Иов* 10,8-12; *Пс* 22/21,10-11). И евангелист Лука — описывая необычайную встречу двух матерей, Елисаветы и Марии, и двух сыновей, Иоанна Крестителя и Иисуса, еще скрытых в материнском чреве (см. 1,39-45), — подчеркивает, что младенец Иоанн ощутил присутствие Младенца Иисуса и возрадовался.
- [61](#) См. Декларация о прерывании беременности (18 ноября 1974): *AAS* 66 (1974), 740-747.
- [62](#) "Не губи младенца прерыванием беременности и не убивай его после рождения" V, 2: *Patres Apostolici*, изд. F.X.Funk, I, 17.
- [63](#) Прошение за христиан, п.35: *PG* 6, 969.
- [64](#) Апологетические сочинения, IX, 8: *CSEL* 69, 24.
- [65](#) См. энциклику "Casti connubii" (31 декабря 1930), II: *AAS* 22 (1930), 562-592.
- [66](#) Речь перед участниками Врачебно-биологического объединения Св. Луки (12 ноября 1944): *Речи и проповеди по радио*, VI (1944-1945), 191; ср. Речь перед участницами съезда Католического союза итальянских акушеров (29 октября 1951), II: *AAS* 53 (1951), 838.
- [67](#) Энциклика "Mater et Magistra" (15 мая 1961), 3: *AAS* 53 (1961), 447.
- [68](#) Пастырская конституция о Церкви в современном мире "Gaudium et spes", 51.
- [69](#) См. кан.2350, №1.
- [70](#) Кодекс канонического права, кан.1398; см. также Кодекс канонов Восточных Церквей, кан. 1450, №2.
- [71](#) См. там же, кан. 1329; аналогично Кодекс канонов Восточных Церквей, кан. 1417.
- [72](#) См. Речь к итальянским юристам-католикам (9 декабря 1972): *AAS* 64 (1972), 777; энциклика "Humanae vitae" (25 июля 1968), 14: *AAS* 60 (1968), 490.
- [73](#) См. 2-й Ватиканский собор. Догматическая конституция о Церкви "Lumen gentium", 25.
- [74](#) Конгрегация вероучения. Инструкция об уважении к рождающейся человеческой жизни и о достоинстве ее передачи "Donum vitae" (22 февраля 1987), I, 3: *AAS* 80 (1988), 80.
- [75](#) См. Хартия прав семьи (22 октября 1983), ст.46: Tipogra-Pa Poligiotta Vaticana, 1983.
- [76](#) Конгрегация вероучения. Декларация о евтаназии "Iura et bona" (5 мая 1980), II: *AAS* 72 (1980), 546.
- [77](#) Там же, IV, I с., 551.
- [78](#) См. там же.
- [79](#) Речь перед международной группой врачей (24 февраля 1957), III: *AAS* 49 (1957), 147; ср. Конгрегация вероучения. Декларация о евтаназии "Iura et bona" (5 мая 1980), III: *AAS* 72 (1980), 547-548.
- [80](#) Пий XII. Речь перед международной группой врачей (24 февраля 1957), III: *AAS* 49 (1957), 145.
- [81](#) См. Пий XII. Речь перед международной группой врачей (24 февраля 1957), III: *AAS* 49 (1957), 129-147;

Конгрегация священнослужения. *Decretum de directa insontium occisione* (2 декабря 1940): *AAS* 32 (1940), 553-554; Павел VI. "Каждая жизнь свята". Проповедь по французскому телевидению (27 января 1971): *Insegnamenti* IX (1971), 57-58; Речь в International College of Surgeons (1 июня 1972): *AAS* 64 (1972), 432-436; 2-й Ватиканский собор. Пастырская конституция о Церкви в современном мире "Gaudium et spes", 27.

[82](#) См. 2-й Ватиканский собор. Догматическая конституция о Церкви "Lumen gentium", 25.

[83](#) См. Св. Августин. О граде Божиим III, 20: *CCL* 47,22; Св. Фома Аквинский. Сумма теологии, II-II, q.6, a.5.

[84](#) См. Конгрегация вероучения. Декларация о евтаназии "Iuga et bona" (5 мая 1980), III: *AAS* 72 (1980), 545; Катехизис Католической Церкви, пп.2281-2283.

[85](#) Послание 204, 5: *CSEL* 57, 320.

[86](#) Пастырская конституция о Церкви в современном мире "Gaudium et spes", 18.

[87](#) См. Иоанн Павел II. Апостольское послание "Salvifici doloris" (11 февраля 1984), 14-24: *AAS* 76 (1984), 214-234.

[88](#) Павел II. Энциклика "Centesimus annus" (1 мая 1991), 46: *AAS* 83 (1991), 850; Пий XII. Рождественская проповедь по радио (24 декабря 1944): *AAS* 37 (1945), 10-20.

[89](#) См. Иоанн Павел II. Энциклика "Veritatis splendor" (6 августа 1993), 97 и 99: *AAS* 85 (1993), 1209-1211.

[90](#) Конгрегация вероучения. Инструкция об уважении к человеческой жизни и о достоинстве ее передачи "Donum vitae" (22 февраля 1987), III: *AAS* 80 (1988), 98.

[91](#) См. 2-й Ватиканский собор. Декларация о религиозной свободе "Dignitatis humanae", 7.

[92](#) См. Св. Фома Аквинский. Сумма теологии, I-II, q.96, a.2.

[93](#) См. 2-й Ватиканский собор. Декларация о религиозной свободе "Dignitatis humanae", 7.

[94](#) Энциклика "Rasem in terris" (11 апреля 1963), II: *AAS* 55 (1963), 273-274; приводимая внутри цитата взята из: Пий XII. Проповедь по радио на праздник Ниспослания Духа Святого 1941 года (1 июня 1941): *AAS* 33 (1941), 200. Этой теме в энциклике посвящено следующее примечание: Пий XI. Энциклика "Mit brennender Sorge" (14 марта 1937): *AAS* 29 (1937), 159; энциклика "Divini Redemptoris" (19 марта 1937), III: *AAS* 29 (1937), 79; Пий XII. Рождественская проповедь по радио (24 декабря 1942): *AAS* 35 (1943), 9-24.

[95](#) Энциклика "Rasem in terris" (11 апреля 1963), I.c., 271.

[96](#) Сумма теологии, I-II, q.93, a.3, ad 2um.

[97](#) Там же, I-II, q.95, a.2. Св. Фома Аквинский цитирует бл. Августина: "Non videtur esse lex, quae iusta non fuerit" (*De libero arbitrio*, I, 5, 11: *PL* 32, 1227).

[98](#) Конгрегация вероучения. Декларация о прерывании беременности (18 ноября 1974), 22: *AAS* 66 (1974), 744.

[99](#) См. Катехизис Католической Церкви, пп. 1753-1755; Иоанн Павел II. Энциклика "Veritatis splendor" (6 августа 1993), 81-82: *AAS* 85 (1993), 1198-1199.

[100](#) Трактат о Евангелии от Иоанна, 41, 10: *CCL* 36, 363; ср. Иоанн Павел II. Энциклика "Veritatis splendor" (6 августа 1993), 13: *AAS* 85 (1993), 1144.

[101](#) Апостольское увещание "Evangelii nuntiandi" (8 декабря 1975), 14: *AAS* 68 (1976), 13.

[102](#) См. Римский молитвенник. Молитва служащего священника перед причастием.

[103](#) См. Св. Ириней Медиоланский: "Omnem novitatem attulit, semetipsum afferens, qui fuerat annuntiatus", Против ересей, IV, 34, 1: *SCh* 100/2, 846-847.

[104](#) См. Св. Фома Аквинский: "Peccator inveterascit, recedens a novitate Christi", Чтение Псалмов Давидовых, 6, 5.

[105](#) О блаженствах, Речь VII: *PC* 44, 1280.

[106](#) См. Иоанн Павел II. Энциклика "Veritatis splendor" (6 августа 1993), 116: *AAS* 85 (1993), 1224.

[107](#) См. Иоанн Павел II. Энциклика "Centesimus annus" (1 мая 1991), 37: *AAS* 83 (1991), 840.

[108](#) См. Рождественскую проповедь 1967 года: *AAS* 60 (1968), 40.

[109](#) Псевдо-Дионисий Ареопагит. Об именах Божиих, 6, 1-3: *PG* 3, 856-857.

[110](#) Павел VI. *Pensiero alla morte* (Мысли о смерти). Brescia, 1988, стр.24.

[111](#) Иоанн Павел II. Проповедь на Божественной литургии по случаю причисления к лику блаженных Исидора Баканьи, Елизаветы Канори-Мора и Иоанны Беретта-Молли (24 апреля 1994). "Оссерваторе романо", польское издание, 1994, №6-7, стр.38-39.

[112](#) Там же.

[113](#) На Матфея, проп.L, 3: *PG* 58,508.

- [114](#) См. Катехизис Католической Церкви, п.2372.
- [115](#) Иоанн Павел II. Речь на открытии IV Общей конференции епископата Латинской Америки в Санто-Доминго (12 октября 1992), 15: *AAS* 85 (1993), 819.
- [116](#) См. Декрет об экуменизме "Unitatis redintegratio", 12; Пастырская конституция о Церкви в современном мире "Gaudium et spes", 90.
- [117](#) Иоанн Павел II. Апостольское увещание "Familiaris consortio" (22 ноября 1981), 17: *AAS* 74 (1982), 100.
- [118](#) См. 2-й Ватиканский собор. Пастырская конституция о Церкви в современном мире "Gaudium et spes", 50.
- [119](#) Иоанн Павел II. Энциклика "Centesimus annus" (1 мая 1991), 39: *AAS* 83 (1991), 842.
- [120](#) Иоанн Павел II. Речь к участникам VII симпозиума европейских епископов на тему "Современное отношение к рождению и смерти: вызов на благовествование" (17 октября 1989), п.5: *Insegnamenti* XII, 2 (1989), 945. В библейской традиции дети представлены именно как дар Божий (см. *Пс* 127/126,3) и как знак благословения человеку, который ходит путями Господа (см. *Пс* 128/127,3-4).
- [121](#) Иоанн Павел II. Энциклика "Sollicitudo rei socialis" (30 декабря 1987), 38: *AAS* 80 (1988), 565-566.
- [122](#) Иоанн Павел II. Апостольское увещание "Familiaris consortio" (22 ноября 1981), 85: *AAS* 74 (1982), 188.
- [123](#) Павел VI. Апостольское увещание "Evangelii nuntian-di" (8 декабря 1975), 18: *AAS* 68 (1976), 17.
- [124](#) См. там же, 20, I.c., 18.
- [125](#) См. 2-й Ватиканский собор. Пастырская конституция о Церкви в современном мире "Gaudium et spes", 24.
- [126](#) См. энциклику "Centesimus annus" (1 мая 1991), 17: *AAS* 83 (1991), 814; энциклика "Veritatis splendor" (6 августа 1993), 95-101: *AAS* 85 (1993), 1208-1213.
- [127](#) Иоанн Павел II. Энциклика "Centesimus annus" (1 мая 1991), 24: *AAS* 83 (1991), 822.
- [128](#) Иоанн Павел II. Апостольское увещание "Familiaris consortio" (22 ноября 1981), 37: *AAS* 74 (1982), 128.
- [129](#) Послание об учреждении Всемирного дня больного (13 мая 1992), 2: *Insegnamenti* XV, 1 (1992), 1410.
- [130](#) См. 2-й Ватиканский собор. Пастырская конституция о Церкви в современном мире "Gaudium et spes", 35; Павел VI. Энциклика "Populorum progressio" (26 марта 1967), 15: *AAS* 59 (1967), 265.
- [131](#) См. Иоанн Павел II. Послание семьям "Gratissimam sane" (2 февраля 1994), 13: *AAS* 86 (1994), 892.
- [132](#) Иоанн Павел II. Motu proprio "Vitae mysterium" (11 февраля 1994), 4: *AAS* 86 (1994), 386-387.
- [133](#) Обращения Собора к человечеству (8 декабря 1965): К женщинам.
- [134](#) Иоанн Павел II. Апостольское послание "Mullens dignitatem" (15 августа 1988), 18: *AAS* 80 (1988), 1696.
- [135](#) См. Иоанн Павел II. Послание семьям "Gratissimam sane" (2 февраля 1994), 5: *AAS* 86 (1994), 872.
- [136](#) Иоанн Павел II. Речь к участникам научного симпозиума на тему "Право на жизнь и Европа" (18 декабря 1987): *Insegnamenti* X, 3 (1987), 1446.
- [137](#) Обращение на Всемирный день мира 1977 года: *AAS* 68 (1976), 711-712.
- [138](#) Бл. Гверик из Иньи. In Assumptione B. Mariae, Sermo I, 2: *PL* 185, 188.
- [139](#) 2-й Ватиканский собор. Догматическая конституция о Церкви "Lumen gentium", 5.
- [140](#) Пастырская конституция о Церкви в современном мире "Gaudium et spes", 22.
- [141](#) Римский молитвенник. Секвенция на седмицу Воскресения Господня.
- [142](#) 2-й Ватиканский собор. Догматическая конституция о Церкви "Lumen gentium", 68.